

Л.Н.Пушкарев

**ДУХОВНЫЙ
МИР
РУССКОГО
КРЕСТЬЯНИНА**

**ПО ПОСЛОВИЦАМ
XVII—XVIII ВЕКОВ**

• Наука •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Л.Н.Пушкарёв

**ДУХОВНЫЙ
МИР
РУССКОГО
КРЕСТЬЯНИНА
ПО ПОСЛОВИЦАМ
XVII—XVIII ВЕКОВ**

Ответственный редактор

член-корреспондент РАН

А.Н.САХАРОВ

МОСКВА "НАУКА"

1994

Рецензенты:

доктора исторических наук
М.М. ГРОМЫКО, Н.А. ГОРСКАЯ

Пушкарев Л.Н.

- П 91 Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. – М.: Наука, 1994. – 192 с.
ISBN 5-02-009755-1

Дошедший до нас пословичный материал позволяет раскрыть своеобразие мировоззрения русского крестьянина на сравнительно позднем этапе развития феодализма – в XVII–XVIII вв. Пословицы содержат анализ социальных отношений в деревне, характеризуют отношение крестьянина к окружающему миру, отражают крестьянскую этику и нравственность. Автору удалось раскрыть духовный мир русских крестьян.

Для историков, этнографов, фольклористов, всех интересующихся прошлым нашей Родины.

П 0503020200-15 53-94, I полугодие
042(02)-94

ББК 63.3(2)4

Под духовным миром крестьянина, как, впрочем, и представителя любого иного социального слоя, понимается его сознательная психическая и общественная жизнь, взятая в совокупности и целостности, а также система явлений и процессов, составляющих его внутреннюю жизнь. В центре внимания автора данной книги и находятся общественные отношения и духовный облик русского крестьянина XVII–XVIII вв. Иначе говоря, нас интересует, во-первых, отношение русского крестьянина той поры к окружающему его миру, к природе, причем главное внимание обращено на тему его трудовой деятельности, на его оценки роли труда земледельца; во-вторых, его отношение к обществу и государству, к власти, в частности к церкви и религии, к суду и праву, к воинской службе и торговле, к денежным операциям и т.д. Кроме того, нас интересует и отношение крестьянина к собственно "миру человека" – к семье и ее членам, а также некоторые стороны бытовой жизни крестьянина и пр.

Сам термин "духовный мир" давно уже используется в нашей литературе как в историко-социологическом, так и общетеоретическом плане¹. Нередко употребляются и синонимические понятия, вроде "духовный облик". Термин "духовный мир" социологи и философы чаще соотносят с личностью либо с классом. Когда же речь заходит об обществе в целом, то обычно употребляется термин "духовная жизнь"².

Духовный мир отдельного человека, а тем более социального слоя в целом – это сложная динамическая система биологических, психологических и социальных образований, являющаяся предметом исследования ряда наук – от физиологии высшей нервной деятельности до философии, истории и социологии. Естественно, что каждая из наук дает собственное толкование предмету изучения. Так, биопсихологические науки, рассматривая духовный мир человека, обращают внимание прежде всего на нерасторжимое единство в его сознании разума, чувства и воли. Общественные же науки, анализируя духовный мир того или иного социального слоя, рассматривают совокупность проявлений деятельности разума, чувств и воли людей и их коллективного сознания, складывающегося на основе практики. Духовный мир больших общественных групп, следовательно, отражает природное и социальное бытие, отношение к мирозданию, его прошлому, настоящему и будущему, к общественным отношениям, сложившимся к определенному времени.

С точки зрения истории как науки весьма важно подчеркнуть специфический характер духовного мира различных социальных слоев общества. Так, духовный мир феодалов весьма отличен от духовного мира крестьян.

Анализируя духовную жизнь общества, историк стремится к тому, чтобы показать ее развитие во времени, вскрыть ее историчность, связь с развитием исторического процесса в целом и т.д. Известно, что духовный мир людей меняется в зависимости от изменения общественной обстановки, что он тесно связан с общественной жизнью, а она, в свою очередь, неразрывно сплетена с социальной жизнью, отражая общественные процессы, соотносясь с многообразными видами социальной деятельности людей.

Хронологические рамки нашего исследования определяются, с одной стороны, наличием сохранившихся источников (только начиная с XVII в. мы располагаем записями народного творчества), а с другой – качественными переменами в среде крестьянства на рубеже XVIII–XIX вв., связанными с изменениями в общественной жизни того времени. Интересующий автора период – это время бурных крестьянских войн, назревания новых, буржуазных отношений, затронувших и крестьянство, время широкого проникновения грамотности в крестьянскую среду, серьезно повлиявшей на изменение духовного мира крестьянина. Однако первая половина XIX в. (характеризующаяся сохранением феодально-крепостнических отношений) в целом в книге не затрагивается: для этого времени характерно такое обилие новых форм проявления духовной жизни крестьянина, такая значительность идейного содержания его взглядов, что все это требует специального анализа и исследования.

Специфика пословичного материала, привлеченного в качестве основного источника в данном исследовании, предопределила необыкновенно широкие, практически общероссийские географические его границы. Пословицы бытовали повсюду, по всей России – и поэтому сопоставительный с фольклором материал письменных источников взят из самых разных регионов страны с русскоязычным населением.

Хотя монографического исследования духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. во всей полноте до сих пор еще не предпринималось³, все же отдельные стороны мировоззрения крестьян этого периода были уже достаточно подробно исследованы в фундаментальных книгах К.В. Чистова и А.И. Клибанова, посвященных раскрытию социально-утопических взглядов народных масс периода феодализма⁴. В этих трудах, получивших широкое признание научной общественности, на новых материалах характеризуются легендарно-утопические представления крестьян XVII–XVIII вв. о лучшей жизни, те положительные социальные идеалы, которые выдвигались народными массами России в их борьбе за лучшую долю, особенно идеал счастливого бесклассового общества, зародившийся в народных низах России.

Историки давно отметили, что сложность исследования политических и идеологических движений угнетенных классов ”заключается прежде всего в том, что они известны нам почти исключительно по враждебным им источникам: рассказам и сообщениям представителей господствующего класса”⁵. Поэтому особенную ценность в историографическом плане имеют труды, построенные на анализе источников, исходящих из среды самого крестьянства и дающих представление о трудовых навыках

крестьянства и способах их формирования, закрепления и передачи из поколения в поколение⁶. Особо следует выделить монографию М.М. Громыко, рассматривающую роль сельской общины в формировании общественного мнения, сохранении обычаев, исполнении обрядов. Она досконально проработала и другие вопросы общественного быта, в частности способы коллективного общения (кануны, посиделки, хороводы). Эта книга этносоциологического характера раскрывает ряд таких сторон общественного быта и общественного сознания русского крестьянина XVIII–XIX вв., которые обычно выпадали из поля зрения и историка, и этнографа⁷.

Выход в свет этой и иных упомянутых выше работ позволяет не останавливаться в нашей книге на тех сторонах духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв., которые уже получили достаточно полное освещение (например, исторические и географические знания крестьян, народная медицина, календарные обряды и обычаи, их социальные функции – все это уже рассмотрено в учебном пособии Н.А. Миненко "История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма").

Видное место в историографии духовной жизни русского крестьянства XVIII в. занимает монография Н.Н. Покровского, посвященная анализу антифеодального протеста урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Автор подчеркивает интенсивность идеологической борьбы крестьян с феодальной церковью и государством и в то же время справедливо указывает, что эта борьба не свидетельствует о принципиальном неприятии монархии. Религиозная оболочка социального протеста крестьянства, противоречивая и сложная, придавала старообрядческому протесту фанатическую, а порой и изуверскую стойкость, приводившую к самосожжению, "гарям", но в то же время религия призывала к борьбе не оружием, а пассивным "страданием". Н.Н. Покровский привлек к исследованию большой круг источников, созданных самими крестьянами-староверами⁸. В то же время и эта монография раскрывает лишь одну (хотя и очень важную) сторону духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. В другой работе Покровский коснулся сохранения в крестьянском сознании элементов дохристианских верований и показал глубокое различие между крестьянским и официальным православием⁹.

Социально-политическим представлениям крестьян 40–60-х годов XVIII в. посвящены работы П.В. Иванова¹⁰. Этот автор, рассматривая взгляды крестьян (монастырских, помещичьих, государственных), полагает, что "основным источником для изучения социально-политических настроений . . . крестьянства являются челобитные"¹¹. Это, несомненно, заблуждение. Челобитные крестьян действительно дают богатый материал для характеристики их материального положения, но и только. Что же касается их социальных идеалов, то челобитные, как правило, свидетельствуют лишь о наивном монархизме, о вере в "доброту царя" и об утопической вере крестьян в силу царских указов и решений. Только иногда в крестьянских челобитных проскользнет попытка высказать верховной власти свои представления о том, как именно должен царь управлять государством. Так, дворцовый крестьянин Краснослободского

уезда Василий Щербаков писал в 1752 г., обращаясь к императрице Елизавете от имени Бога: "Отселе начинай жити ново и честно. . . гордых смиряй, а смирных награждай и всякую правду в своей державе насаждай". По его словам, государыне следовало бы Россию "поновити". "Самых убогих возвышай, – говорит он далее, – дабы могли творити посреди земли правду". В челобитных иногда встречаются и пословицы острого социального смысла. Так, один из лидеров крестьянского движения 40–60-х годов XVIII в., Д. Дроздов приводит в своей челобитной одну из самых распространенных в то время среди крестьян пословиц: "Ложь царствует ныне, а правда под караулом сидит"¹².

В дальнейшем П.В. Иванов сосредоточил свое внимание на исследовании памятников фольклора как исторического источника. Он был одним из первых историков, привлечшим пословицы в качестве источника для характеристики социальных взглядов русского крестьянина и высоко оценившим эту разновидность фольклорных источников. Он подчеркнул практическую неисчерпаемость пословиц как источника. Его правоту подтверждает и настоящая книга.

Даже этот краткий историографический очерк свидетельствует, что проблема выбора источника – одна из важнейших в исследованиях подобного рода. Это и определило структуру нашей книги.

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОГО МИРА
РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА
XVII–XVIII ВЕКОВ**

Прежде чем давать обзор важнейших типов, родов и видов исторических источников по данной проблеме, необходимо хотя бы кратко определить место крестьянской культуры в общей системе русской культуры XVII–XVIII вв. Эта система достаточно сложна и разветвлена. Она включает в себя как культуру господствующего класса феодалов (с элементами зарождавшейся буржуазной культуры), так и культуру угнетенного класса – крестьянства (с элементами культуры формировавшегося в это время предпролетариата). Соотношение этих культур постоянно менялось на протяжении XVII–XVIII вв. Да, крестьянство вынуждено было подчиняться классу феодалов не только в экономическом и политическом, но и в значительной степени в духовном отношении. Но это подчинение отнюдь не означало, что культура многомиллионного класса крестьян не играла никакой роли в развитии русской национальной культуры. Наоборот, она постоянно влияла на нее, обогащала ее новыми темами и идеями, сама испытывала мощное воздействие со стороны культуры класса феодалов. И на протяжении XVII–XVIII вв. удельный вес крестьянской культуры постоянно увеличивался.

Крестьянская культура была одним из самых полнокровных источников, которые питали складывающуюся русскую национальную культуру. Отметим прежде всего влияние крепостных мамок, нянек, дядек на своих воспитанников из дворянских семей. Именно от них получали "первых лет уроки", первые, пока еще не осознанные впечатления и оценки, наставления и нравовучения будущие деятели русской культуры. Через них знакомились они с народным творчеством, сохраняя порой на всю жизнь уважение и интерес к нему. Да и в дальнейшем, на протяжении всей их деятельности, яркая и самобытная культура крестьянского быта окружала, как море, островки боярских и дворянских усадеб, проникала порой и в городские господские дома, удивляя любопытных иностранцев редкостным сочетанием утонченного европейского лоска с неповторимым своеобразием древнерусского быта, русских обрядов и обычаев.

Но взаимодействие культуры крестьянства с культурой класса феодалов не ограничивалось лишь сказками да песнями, народными обрядами, да национальными костюмами, плодами народного досуга и народными развлечениями. Российское крестьянство XVII–XVIII вв. заговорило в полный голос о своих правах, с оружием в руках выступило на их защиту, заставило правительство серьезно задуматься над его судьбой. И вот деятели науки, литературы и искусства выступили в защиту угнетенных

тружеников, "питателей отечества". "Они работают, а вы их труд ядите!" – эти строки А.П. Сумарокова не случайно были вынесены Н.И. Новиковым на титульный лист его журнала "Трутень"!

Крестьянская тема в творчестве деятелей русской культуры XVIII в. – это предмет специального исследования, обладающего большой источниковой базой, весьма перспективного по своим выводам и обобщениям. Писатели и поэты, художники и композиторы, историки и философы, публицисты и проповедники, общественно-политические и государственные деятели – все они откликнулись в своем творчестве на положение российского крестьянина. Начиная с XVIII в. образ крестьянина входит в новую русскую литературу и живопись, мотивы народных песен и мелодий используются композиторами, о судьбах крестьянства спорят публицисты и мыслители, выступая на страницах журналов, впервые серьезно начинает изучаться крестьянское творчество. Крестьянин рассматривается в литературе и публицистике XVIII в. не только как раб, рабочий скот, но и уже как человек; вспомним ставшее хрестоматийным знаменитое утверждение Н.М. Карамзина в "Бедной Лизе" – "И крестьянки любить умеют"! Все это стало той базой, на которую опирались в своем развитии литература и искусство более позднего времени с их вниманием к "маленькому человеку", с их интересом к человеческой личности вообще.

Конечно, и сама крестьянская культура XVII–XVIII вв. испытывала взаимное влияние со стороны культуры господствующего класса. Росла грамотность среди крестьянства, появились выходцы из среды крепостной интеллигенции, в крестьянскую среду стали проникать песни и стихи русских поэтов, крестьянская сказка отобразила в своем содержании влияние печатных книг (сказочных сборников), элементы художественных стилей XVIII в. начинают усваиваться мастерами народной вышивки, резьбы по дереву, обработки металла; отдельные стороны городской культуры все органичнее входят в крестьянский быт¹.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДУХОВНОГО МИРА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Культура российского крестьянства (а вместе с нею и духовный мир русского крестьянина!) отобразилась в самых разнообразных типах исторических источников – практически во всех, существовавших в то время². В самом деле, вещественные источники донесли до нас мастерство умелых крестьянских рук, создававших орудия труда и предметы домашнего быта, гончарную, деревянную и металлическую посуду, ткани и вышивку, украшения и культовые предметы. К вещественным источникам относятся также исследуемые археологами остатки крестьянских жилищ и поселений, гидротехнических сооружений (плотин), дорог и т.д. – все они дают представление и о материальной культуре крестьянства, и о его духовном мире³.

Методика исследования археологических и вещных источников достаточно уже разработана. Но для историка, изучающего духовный мир русского крестьянина, важно в данном случае определить принадлежность изучаемого памятника именно крестьянину, а еще лучше выяснить

авторство мастера-изготовителя предмета, важно установить, что исследуемые предметы использовались в крестьянском быту, отобразили вкусы именно крестьянина. Особое внимание должно быть обращено на надписи на вещественных памятниках, на узоры и украшения – они могут дать дополнительный, а порою и решающий материал для характеристики крестьянского искусства определенной эпохи.

Важным историческим источником для характеристики духовного мира крестьянина является также и язык XVII–XVIII вв., лексика которого сохранила для нас массу всевозможных изречений, отобразивших взгляды простого народа на вещи, явления, события, обогативших язык сочными и образными словами (сравни, например, слова с пометой "просторечные" только на одну букву "А" из словарей русского языка XVII–XVIII вв.: *авось* (*вось*, *восьлибо*), *ага*, *ажно*, *ась*, *ахти* и др.⁴). Язык как важнейшее средство человеческого общения важен для нашей темы прежде всего как показатель непосредственного влияния крестьянской лексики, а отчасти и фонетики на общелитературный язык эпохи. Мы находим в языке XVII–XVIII вв. доказательства проникновения крестьянских речений в язык высших слоев общества. Это, конечно, тема лингвистического исследования, историк в данном случае пользуется достижениями специалистов-лингвистов, главным образом лексикографов.

Но еще более важны для историка духовной культуры произведения устного народного творчества, фольклора. Это – важный с источниковедческой точки зрения тип исторического источника, наиболее полно и образно отображающий чаяния и ожидания трудового народа⁵. Известно, что устная традиция является той изначальной формой, в которой дошли до нас исторические известия вообще – не случайно в последнее время так называемая "Устная история" стала предметом усиленного научного обсуждения на международных встречах историков. Ведь задолго до возникновения письменности народ передавал из уст в уста и свои космогонические мифы, и первые сведения из истории своего рода, племени, семьи, и самые общие свои наблюдения над сущностью семейных либо родо-племенных отношений. Устная форма распространения, передачи и хранения подобных известий наложила, естественно, свой специфический отпечаток на этот тип исторического источника: он, с одной стороны, утратил точные сведения о лицах, фактах, месте и времени события⁶, но зато, с другой – бережно сохранил и донес до наших дней оценку и осмысление этих событий трудовым народом. Коллективность создания, исполнения и распространения произведений фольклора привела к необыкновенной живучести этого типа источника: переходя из уст в уста, от одного поколения к другому, произведения устного поэтического творчества непрестанно совершенствуют свою форму.

Историки культуры давно отметили, что так называемое "фольклорное сознание" уходит корнями еще в доклассовые отношения. Важнейшие роды и жанры фольклора пережили несколько классовых формаций и продолжают активно жить в наши дни. Уже одно то, что фольклор, по меткому определению Ю.М. Соколова, это не только "отзвук прошлого,

но в то же время и громкий голос настоящего”⁷, заставляет нас относиться к фольклору как к весьма сложному и противоречивому с историко-ведческой точки зрения типу исторических источников. Историки до сих пор с предубеждением относятся к фольклору как к историческому источнику при освещении историко-культурных проблем. Достаточно сказать, что в обобщающем учебном пособии по истории русской культуры второй половины XVII – начале XIX в., написанном виднейшим специалистом по этому вопросу Б.И. Краснобаевым, фольклор в числе источников по истории русской культуры вообще не упомянут⁸.

Объясняется это не косным традиционализмом историков (хотя и его нельзя сбрасывать со счетов!), а тем, что фольклор по сути своей является всеобщей исторической памятью народа за все время его существования. В фольклорном произведении нельзя оторвать прошлое от настоящего. Фольклорное произведение говорит одновременно и о том, что было много веков тому назад, и о том, что волнует народ в наши дни. А ведь историк стремится к тому, чтобы изучать события в движении, в развитии, в неразрывной связи с прошлым, их породившим, и будущим, для которого они послужат стимулом⁹.

В фольклоре же многие идеи живут века, скажем идеи свободолюбия, борьбы с угнетателями, защиты Родины, уважения к труду, стремления к образованию и многие, многие другие. Все они возникли задолго до XVII–XVIII вв. и были изначально присущи народному мировоззрению, миросозерцанию. Казалось бы, как же можно использовать фольклор в качестве источника для характеристики духовного мира русского крестьянина вполне определенной эпохи?

Но все дело в том, что фольклорное произведение было записано в определенное время и в нем, несомненно, запечатлелся духовный мир личности – носителя данного фольклорного памятника. У фольклорного произведения есть и еще одна особенность: многократно передаваясь из уст в уста, оно изменяет свою форму. Поэтому так важно упоминание различных вариантов, сопоставление их между собой. Поэтому-то и в нашей работе приведены различные варианты записи одних и тех же пословиц с обязательным указанием источника, чтобы показать и географию распространения пословицы, и оттенки настроения, выраженные в различных ее вариантах.

Естественно, есть такие пословицы, которые принадлежат только определенному времени, отобразившие конкретные исторические события. Это – давно известные в нашей науке изречения из эпохи Киевской Руси (“Погибоша аки обре”) или XV–XVI вв. (“Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!” и другие). Появлялись такие пословицы и позже. Так, расправа с восставшими стрельцами в конце XVII в., когда их вешали для устрашения населения на зубцах Кремлевской стены, вызвала к жизни пословицу “Что ни зубец, то стрелец”. Гонение на раскольников, которым нашивали на ворот лоскут для отличия, породило пословицу “Лоскут на ворот, а кнут на спину”. После известных мероприятий Петра I начала XVIII в. по насильственному приобщению русского народа к западному образу жизни стала бытовать пословица “Борода – лишняя тягость”.

Разгром шведов в битве 1709 г. при Полтаве отразился в пословице "Погиб, как швед под Полтавой", и т.д. Но таких пословиц было немного.

Главное же значение фольклора как источника для раскрытия духовного мира русского крестьянина выражено в пословице "Мирская молва – что морская волна!" (С. I, 1569). Безусловно, не только пословицы были выразителями мирской молвы. Былины и исторические песни также содержали народную оценку важнейших событий в государстве. И вражеские нашествия в XVII–XVIII вв., и смена царствующих фамилий, и потрясшие Россию грандиознейшие сражения восставших крестьян – все это мы находим в исторических песнях, составляющих своеобразную народно-поэтическую историческую хронику, остро публицистическую по своей направленности.

Суть исторических песен – это борьба за свободу закрепощенного люда, а одновременно и борьба за независимость отечества. Эти песни, подхваченные сотнями тысяч восставших, становились знаменем свободолюбия и вместе с тем народного самосознания, народного исторического мышления. Исторические взгляды народа уже достаточно раскрыты в многочисленных работах, главным образом фольклористов, что и позволило нам не останавливаться специально на этом вопросе. Заметим только, что народ на протяжении XVII–XVIII вв. неоднократно оценивал в своем творчестве деятельность царей, императоров и императриц, в том числе и личную их жизнь, которая не была скрыта от зоркого народного глаза. В XVIII в. продолжали рассказывать сказки о ловком воре Борме – Ярышке, которые ранее связывались народом с именем Ивана Грозного, а позднее – с Петром I, выступавшим в этих сказках (в традициях крестьянской веры в доброго и справедливого царя) как противник бояр и защитник тружеников¹⁰. Но дела Преображенского приказа, как это давно уже известно, сохранили для нас и иную крестьянскую оценку деятельности Петра I, резко расходящуюся со сказочным образом справедливого и доброго царя. ". . . Как его бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тяготы на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братии крестьянству нет. . . Какой он царь? Он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век. . . Мироед! Весь мир переел; на него, кутилку, перевода нет, только переводит добрые головы"¹¹. Эта крестьянская оценка царской власти перекликается с народными историческими песнями, описывающими тяжелую царскую службу, рекрутчину, жестокие муки бесчеловечных царских слуг, которые, как об этом говорит анонимная челобитная 1700 г., "яко лви зубы челюсти своими пожирают, и яко же змий ехидный развирепя напрасно попирают, и яко же волци свирепии бьют нас, яко немилостивыя Пилаты"¹².

Фольклорная оценка положения крестьянина в XVII–XVIII вв. перекликается и с теми характеристиками, которые встречаются в крестьянских челобитных и в "подметных листах" восставших крестьян. В XVIII в. широкой популярностью пользовалась народная драма "Царь Максимилиан", рисующая своевольного, жестокого и самоуправного царя¹³.

Записи фольклорных текстов XVII–XVIII вв. немногочисленны. Так, очень мало записей о Разине и Пугачеве, хотя до нас дошло очень много фольклорных произведений о них, записанных уже в XIX–XX вв. И Разин, и Пугачев, как известно, стали излюбленными героями русского народного творчества, воплощением многих идеальных черт, своеобразными символами народного свободолюбия¹⁴.

Мы вправе рассматривать песни о Разине и Пугачеве как крестьянскую трактовку крупнейших массовых выступлений XVII–XVIII вв. И чем дальше отстояло время записей народных песен, сказаний и преданий о Разине и Пугачеве от самих кровавых событий, тем все больше проступала антикрепостническая направленность этих произведений. Видимо, жесточайший крепостнический режим вызывал потребность создавать произведения, отражающие ненависть крестьян к барам-крепостникам, гордость и любованье "временно завоеванными демократическими вольностями"¹⁵.

Следовательно, все позднейшие записи фольклорных произведений, несмотря на их несомненное значение для характеристики народного мировоззрения вообще, лишь в очень незначительной мере могут быть использованы в качестве исторического источника для характеристики духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. Но историк с полным правом может опереться на те записи народного творчества, которые были сделаны в XVII–XVIII вв. Правда, источниковед всегда должен учитывать изменения социально-идейных функций фольклорного произведения: они могли быть разными в момент его создания и во время записи.

Крестьянство располагало весьма малыми возможностями для выражения (не говоря уже о распространении!) своих взглядов. Печатные станки находились в ведении правительства и церкви. Количество грамотных крестьян было невелико, и, следовательно, даже рукописная литература была доступна далеко не всем. Народу оставалось одно только устное слово – гонимое властями, осуждаемое церковью, но – живое и вольное! Печатно и устно, с амвонов и папертей церковей правительство и духовная власть осуждали мятежи и восстания, бунты и крамолы, "воровство", "гиль", "разбой" и "злодейство" восставших крестьян, а они в своих песнях и сказах прославляли "добрых молодцев, ясных соколов", "атаманов, удалых людей", выражая мечту о вольной и счастливой жизни и вместе с тем высмеивая своих господ. В этом плане нельзя не признать справедливой оценку социальной сущности фольклора, данную одним из исследователей: она "состоит в том, что он (фольклор. – Л.П.) является духовным творчеством производителей материальных ценностей, непосредственным идеологическим обобщением их трудового опыта, их общественной практики, непосредственным выражением их мировоззрения, морали, эстетических вкусов"¹⁶.

Конечно, фольклор в XVII–XVIII вв. был не только крестьянским по своему происхождению. Во-первых, появлялись уже зачатки творчества рабочих людей, предпролетариата, в которых отображались взгляды крепостных рабочих Тулы и Урала, Сибири и центра России. Из

воспоминаний нам известно, что сказки рассказывались не только в крестьянских избах, но и в дворянских хоромах и даже в белокаменных царских дворцах. Песни распевали не только крепостные мамки, няньки да крестьянки в поле, но и дворянские сынки и дочки¹⁷. Образную и краткую народную поговорку мы встретим не только в устах крестьянина, но и у протопопа Аввакума, патриарха Никона, у русских писателей-просветителей. Одним словом, фольклор продолжал в это время оставаться общенародным явлением, хотя феодалы и стремились все больше изолировать себя от влияния "простонародных" вкусов и обычаев. Это стремление особенно усилилось в период формирования абсолютизма, когда царское правительство уже в XVII в. стало официально запрещать исполнение народных песен, сказок, игр и проч.¹⁸ Позже весьма суровые меры были предусмотрены за исполнение песен и сказок о Пугачеве. Последовали строгие сенатские указы о "неболтании лишнего" . . . Вплоть до начала XX в. царское правительство стремилось искоренить в народе память о "набеглом царе", потрясшем Россию!

Фольклорные источники XVII–XVIII вв. отобразили взгляды крестьянина на семейные отношения, социальные надежды и чаяния крестьянства, его отношение к историческому прошлому и его мечту о вольной и свободной жизни без бар и царя, его стремление оценить труд как основу социального благополучия¹⁹. Проблема использования фольклорных источников – важнейшая среди тех вопросов, с которыми сталкивается историк, приступающий к изучению духовного мира русского крестьянина. Дело в том, что в последующие эпохи проще и явственнее выделяются среди фольклорных источников те, которые либо были созданы самими крестьянами, либо бытовали в их среде. Для изучаемого же времени можно говорить лишь о том, что те или иные фольклорные источники принадлежат в целом к творчеству народных масс. Выделить среди них произведения именно крестьянские по происхождению возможно лишь для определенной, причем весьма небольшой, части этих памятников. Равным образом, часть этих источников, тоже небольшая, имеет явно городское, посадское происхождение. Преобладающее же число произведений народного творчества того времени является основным типом источника для характеристики духовного мира трудящегося человека. Оно имеет общенародный характер, принадлежит всем трудящимся как города, так и деревни.

Но кто же составлял основу эксплуатируемого населения России эпохи феодализма? Это были, конечно же, крестьяне! Поэтому и народное творчество трудящихся масс эпохи феодализма было по преимуществу творчеством крестьян, земледельцев. Оно либо было создано первоначально в крестьянской среде, а потом в процессе бытования стало общенародным, либо было усвоено крестьянской средой и широко в ней распространено.

В науке давно уже высказана мысль о необходимости выделения ненародных (церковных, либо вышедших из среды феодалов) произведений среди тех, которые бытовали в народном быту. Эти ненародные произведения существовали, но их было немного. Исследователи давно уже

выделили их среди прочих произведений устного народного творчества. Но и вопрос об использовании подлинно народных фольклорных произведений в качестве исторического источника продолжает оставаться, как об этом уже было сказано выше, весьма и весьма спорным и дискуссионным. Многие исследователи опасаются привлечения фольклорного материала в качестве основного источника потому, что его очень трудно приурочить хронологически к тому или иному периоду²⁰.

Выше была подчеркнута важная мысль: с источниковедческой точки зрения, фольклорное произведение является несомненным историческим источником для времени записи этого произведения. Раз оно записано в определенное время, значит оно бытовало в народной среде, значит оно выражало вкусы, интересы, взгляды народа в это время, следовательно, оно может быть использовано в качестве источника.

Конечно, в этом случае в поле зрения исследователя неизбежно попадает все то, что сохранило народное сознание от предшествующих веков и донесло до времени записи фольклорного произведения. Иными словами, в фольклоре, записанном в XVII–XVIII вв., мы найдем и отзвуки древних народных воззрений, восходивших порой к дописьменной истории человечества. Скажем, к примеру, в популярной с давних пор колыбельной песенке:

Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю:
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок,
Унесет тебя в лесок
За ракитовый кусток, –

явственно проступает ситуация, характерная для самых древних периодов существования человеческого общежития, когда дикие звери подкрадывались к первобытному человеческому стаду и таскали маленьких детей, лежавших с краю. Но эта конкретная ситуация давным-давно забылась, матери поют эту колыбельную как простую потешку (именно как таковая она и по сей день публикуется в детских книгах!), поют, чтобы убаюкать расшалившееся дитя, а вовсе не для того, чтобы предостеречь его от опасной ситуации, могущей повлечь за собой гибель ребенка. Словом, сохранение в фольклорном произведении к моменту его записи древних пережиточных мотивов говорит лишь о том, что эти сюжеты, образы, темы продолжали жить в народном сознании, волновать носителей фольклора, выражать их чувства и стремления и что они, следовательно, могут быть использованы как исторические источники для характеристики духовного мира носителя этого фольклора во время записи этого произведения.

Конечно, оптимальным вариантом использования фольклора в качестве исторического источника является привлечение всех его жанров с равной степенью полноты. Народные чувства и идеалы выражаются во всех жанрах устного народного творчества: в сказке и пословице, былинке и песне, частушке и загадке – одним словом, нет и не может быть фоль-

клорного жанра, более предпочитаемого перед другими. Но в то же время методика анализа отдельных фольклорных жанров настолько специфична и индивидуальна, что требует жанрового ограничения – не случайно в фольклористике существуют как самостоятельные дисциплины, например, сказковедение и паремиялогия (наука о пословицах и изречениях).

Выбор одного из фольклорных жанров в качестве основного источника означает не предпочтение одного жанра другому, не возвышение одного жанра и принижение других как исторических источников, а всего лишь неизбежный в каждом научном исследовании отбор наиболее выразительных и убедительных примеров, полнее и точнее других подтверждающих мысль автора. И в настоящей монографии выбор пословиц в качестве основного источника определен меньшей изученностью данного жанра фольклора историками и естественным стремлением ввести его в научный оборот, а также большей исследованностью других жанров фольклора историками – таких, как былина, исторические песни, легенды, предания и т.д., давно уже введенных в сферу исторических источников – достаточно назвать имена Б.А. Рыбакова, В.И. Игнатова, А.И. Клибанова, Э.В. Померанцевой, К.В. Чистова, В.К. Соколовой, Н.И. Савушкиной, В.П. Аникина и многих, многих других авторов.

Меньше повезло в этом отношении сказке – она почти не привлекается историками для характеристики духовного мира трудового народа. И в нашей монографии этот фольклорный жанр использован весьма незначительно. Это объясняется тем, что записей народных сказок, сделанных в XVII–XVIII вв., очень мало, а дошедшие до нас весьма несовершенны и литературно обработаны. Пригодные для нашей темы записи использованы лишь как дополнительный источник.

Итак, в качестве основного источника нами использованы рукописные сборники пословиц XVII–XVIII вв.²¹ Что же касается печатных сборников пословиц²², то они используются лишь в качестве дополнительного источника, подтверждающего масштабы бытования и распространенности той или иной пословицы. Дело в том, что печатные сборники пословиц прошли уже цензуру, были очищены от наиболее одиозных, с правительственной точки зрения, примеров. Нередко они просто фальсифицировали произведения народного творчества, как это сделали, например, Екатерина II в своем опубликованном анонимно в 1782 г. сборнике "Выборные российские пословицы" или И.Ф. Богданович в изданном в 1785 г. по поручению императрицы сборнике "Русские пословицы" (ч. 1–3). Наиболее полным печатным изданием пословиц в XVIII в. было "Собрание 4291 древних российских пословиц" (М., 1770), выдержавшее три издания и имевшее многочисленные рукописные списки. Оно подверглось довольно резкой критике со стороны И.Н. Болтина²³, который вообще сурсово оценивал устное народное творчество как не имеющее никакого значения и смысла: и пословицы, и песни, по его мнению, были "подлые, без всякого складу и ладу", изображающие "вкус черни, людей безграмотных". Не случайно при составлении "Словаря Российской академии" решено было не включать в его состав пословицы, которые

”низки, а некоторые неблагопристойны”, а ”только такие, смысл которых может быть объяснен вполне удовлетворительно, коих знаменованию можно давать ясную и довольную причину”²⁴.

Полная, исчерпывающая картина духовного мира русского крестьянина может быть нарисована только при условии учета всех жанров устного народного творчества. Дошедший до нас фольклорный материал в записях XVII–XVIII вв. разнообразен по жанрам. Это – сказки, предания, легенды, былины, песни (исторические, любовные и проч.), плачи²⁵ и т.д. Но наиболее массовым по количеству записей и по значению для раскрытия духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. являются пословицы (до нас дошло их более 15 тыс. в записях этого периода!).

Выбор нами пословиц в качестве основного источника объясняется к тому же и тем, что ”элементы пословиц возникли в доклассовом обществе, когда люди еще не оперировали абстрактными понятиями и их мышление носило конкретный, предметный характер”²⁶. В течение длительного пути развития пословицы неизменно соприкасались народу в его исторической жизни, и в результате, по словам К.Д. Ушинского, в пословицах, ”как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями. . . В них отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребность, привычки, его взгляд на природу, на людей, на значение всей явлений жизни”²⁷.

Существует довольно подробно разработанная фольклористикой классификация паремнологических памятников на пословицы, поговорки, афоризмы, приметы и т.д. Однако для целей нашего исследования это не имеет существенного, принципиального значения, ибо во всех разновидностях паремнологических источников духовный мир их авторов-носителей отображался в равной степени, что и дает нам право привлечения всех их в качестве источника. Единственное, что следует подчеркнуть – это их общую специфику как жанра: необыкновенную многозначность и противоречивость, давно уже отмеченные и составителями сборников пословиц, и исследователями. Противоречивость пословиц должна быть учтена исследователем, но это не влияет на саму правомерность и возможность их использования в качестве источника, а лишь повышает источниковедческую требовательность; к подобным источникам нельзя относиться однозначно, прямолинейно. Всегда необходимо иметь в виду и противоречивость крестьянского сознания, и художественную форму отображения реальной жизни и духовного мира крестьянина в пословице.

Возникнув в глубокой древности вместе с искусством слова на основе трудовой деятельности человека²⁸, пословицы продолжали жить века, приспособляясь к новым социально-экономическим условиям и меняясь вместе с ними, наполняясь при этом новым социальным содержанием. Они оказались включенными в летописи и хронографы, в ”Слово о полку Игореве” и ”Моление Даниила Заточника”, во многие другие произведения древнерусской литературы, а начиная с XVIII в. – и в произведения русских писателей нового времени, поэтов и драматургов. Одновременно

шел процесс обратного воздействия литературы на фольклор, когда многие изречения русских писателей и поэтов прочно начали входить в русский устно-поэтический репертуар.

Пословицы давно уже стали предметом специального изучения – историография этого вопроса насчитывает несколько сотен работ.

К настоящему времени вышел ряд трудов, с разных точек зрения рассматривающих пословицу. Она привлекла к себе внимание лингвистов, филологов и фольклористов, историков и философов, которые многое сделали для того, чтобы вскрыть исторический и идейный смысл пословиц, их эстетическую и нравственную ценность, установить их хронологию и источниковедческое значение²⁹. Особую значимость для нашей темы имеют те исследования, авторы которых стремятся привлечь пословицу в качестве источника по истории народного мирозерцания, истории общественных взглядов крестьянства, его идеологии и – шире – социальной психологии трудящихся масс.

Большинство авторов сходятся в общей оценке народной пословицы: в ней выражается мировоззрение народа (пословица – “отстоявшийся сгусток народной философской мысли”), причем это мировоззрение рассматривается как “свод суждений о жизни народа, свод острых и точных характеристик, наблюдений и обобщений, сделанных трудящимися массами”³⁰. Исследователи отмечают также, что это народное мировоззрение является “в основном прогрессивным (социально-критическим и борющимся, атеистическим, патриотическим и оптимистическим, этически высоким, стихийно материалистическим), хотя, с другой стороны, и носит некоторые следы консерватизма и ограниченности, а также идеологические влияния господствующих классов”³¹.

Для раскрытия нашей темы важно отметить и почти двухвековое бытование одних и тех же пословиц в крестьянской среде. Это не могло не сказаться на форме пословиц. Поэтому нами приводятся все смысловые разночтения пословиц в записях XVII и XVIII вв., показывается то новое, что привнес XVIII в. в пословицу, как она изменилась (или, наоборот, не изменилась, а приобрела большую популярность – на это указывают приводимые в скобках упоминания вариантов XVIII в.^{1*}), какова сама динамика бытования пословицы в крестьянской среде.

Стремление к полноте изучения корпуса пословиц XVII–XVIII вв. заставило нас включить в анализ и речения книжного характера, и афоризмы библейского происхождения, изречения отцов церкви и т.д. – все они были записаны составителями наряду с подлинно народными пословицами и, видимо, имели хождение в народной среде. Поэтому анализу таких пословиц и уделено особое место. Наличие ненародных пословиц в общем корпусе пословичного материала не должно бросать тень на его источниковедческую ценность, особо выделенную исследователями. Так, глубокую характеристику дали пословицам и поговоркам Н.А. Добролюбов (“Давно уже у нас обратили внимание на народные пословицы как на

^{1*}В отдельных немногих случаях, когда цитируются единичные записи пословиц, не имеющих вариантов, ссылка на рукописный источник не приводится.

выражение народного ума, народной жизни, народного характера”) и К.Д. Ушинский (“Всякий народ в своей литературе, начиная песней, пословицей, сказкой. . . выражает свои убеждения в том, каков должен быть человек по его понятию. Он украшает этого идеального человека всеми лучшими качествами души своей”)³². Для нас в этих высказываниях особенно важно подчеркивание значения пословиц для характеристики духовного мира русского народа.

Столетиями накопленная мудрость народных пословиц хорошо была понята А.М. Горьким, который, отмечая, что “в простоте слова – самая великая мудрость”, особо выделял краткость пословицы и песни: “. . . пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги”. При этом он специально отмечал, что для подрастающих поколений пословица была своеобразным учебником жизни; пословицы – это “трудовые лозунги древности”, создающие “образ двумя, тремя словами” и поэтому запоминающиеся³³. Приравнивание А.М. Горьким пословиц к песням дало основание известному советскому фольклористу С.Г. Лазутину причислить пословицу к лирическому роду поэзии³⁴. Видимо, автор во многом прав, хотя фольклористы традиционно рассматривают пословицу среди явлений поэзии эпического рода. Ведь главная цель пословицы – не изображать то или иное явление жизни, не рассказать о том, что случилось или что произошло, а выразить отношение народа к явлению, событию, факту. И в этом плане глубоко прав В.И. Даль, говоря о пословицах: это – сплав “народной опытной премудрости и суетумудрия; это – стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это – цвет народного ума, самобытной стати; это – житейская народная правда. . . ”³⁵

Пословица по сути своей – это непосредственная реакция народа на явления реальной жизни, это отклик на часто встречающиеся типичные обстоятельства и ситуации. Не случайно М.А. Шолохов назвал пословицы “сгустками разума и знания жизни”, иными словами, опыта, которые донесли до нас “радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев. . . честность и обман, трудолюбие и лень. . . ”³⁶

Все сказанное дает нам основание присоединиться к образному определению значения пословицы для ученого-обществоведа: “Пословицы – великая кладовая для историков и этнографов”³⁷.

* * *

Пословицы XVII–XVIII вв. дошли до нас в ряде рукописных сборников. Специфика монографического исследования требует дать им хотя бы краткую оценку с выявлением особенностей записей пословиц и общего количества зафиксированных текстов. Поэтому, хотя эти сборники имеют уже довольно подробные описания, мы, чтобы не отсылать читателя к уже вышедшим работам, сообщаем основные данные об этих сборниках, систематизируя описания по трем группам: тексты XVII в., конца XVII–начала XVIII в. и XVIII в.

1. Основным сборником пословиц в записи XVII в. является сборник (С. 1), содержащий почти 3000 пословиц, поговорок, загадок, примет и проч., давно уже вошедший в научный оборот и полностью опубликованный П.К. Симони. Неизвестный составитель этого сборника пользовался, как он сам сообщил в своем "Предсловии до читателя", записями еще XVI в. ("ова писана издревле, мню, яко лет за сто или больше"). Пословицы расположены в алфавитном порядке по первой начальной букве пословицы. Составитель, по его собственным словам, "дерзнул, яко же видиши, малая собрати от многих воедино" из тех, что давно уже были в русском языке и что "на словах обносящаяся", т.е. находились в живом бытовании. Он утверждает, что все пословицы собрать просто невозможно: "Аще кто и паче от многолюботрудных потчищать мирская сия вещи, или пословицы, собрати – едва ли возможет". Составитель стремился записывать пословицы "точию без украшения, как мирстии жители простую речию говорят". Он добавляет далее, что видел "своима очима" печатные сборники пословиц из "западных стран", чем хочет подчеркнуть важность проделанной им работы³⁸.

Пространное предисловие к сборнику дает нам основание подчеркнуть большую источниковедческую ценность этого пословичного материала. Составитель стремился к точной записи, не обрабатывал текст литературно, помещал как народные пословицы, так и изречения из Священного писания, бытовавшие в народе. В сборнике много противоречащих друг другу пословиц, что также свидетельствует о беспристрастности составителя, который высоко ценит нравоучительный смысл пословицы – они "зело потребны и полезны, и всеми ведомы добре, и никогда ни от кого, имущих ум здравый, уничижишася и зазрешася". Сборник писан скорописью XVII в. и имеет заглавие: "Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту".

2. Отрывок сборника пословиц XVII в. (О) содержит 727 пословиц; он восходит генетически к сб. С. I, но не является его точной копией. В нем есть и совершенно новые пословицы, и варианты к уже известным, отрывок расширяет наше представление о составе пословиц и поговорок XVII в. Отрывок сборника пословиц обнаружен М.П. Султан-Шах и опубликован в 1972 г. Л.А. Дмитриевым.

Тексты конца XVII – начала XVIII века

3. Сборник пословиц конца XVII – начала XVIII в. (С.П), опубликованный П.К. Симони, содержит 1213 пословиц. Он составлен в Вологодском крае, писан скорописью того времени, заглавия и предисловия не имеет. Сборник неполный, отсутствуют записи пословиц на буквы З, И, К – эти пословицы мы можем найти в Псковском сборнике середины XVIII в. (см. ниже, пункт 9). Никаких сведений о составителе этого сборника у нас нет, равно как мы ничего не можем сказать о тех принципах, которыми руководствовался составитель при записи пословиц³⁹.

4. Сборник пословиц, хранящийся в Библиотеке Академии наук,

собрание бывшей Петровской галереи (БАН) относится к началу XVIII в. Составитель сборника неизвестен. Имеет заглавие и краткое предисловие, о которых будет сказано ниже. Содержит 1049 пословиц, причем около 500 из них не встречались в сборнике пословиц XVII в. В сборнике часто приводятся варианты пословиц; составитель стремился записывать пословицы так, как он их услышал. Изречения книжного характера немногочисленны. В содержании записанных пословиц заметны как черты, восходящие к старым родовым еще отношениям, так и признаки новых явлений, характерных для начального периода новой истории России. Пословиц, имевших хождение в среде господствующего класса, в этом сборнике мало⁴⁰.

5. К исследованию привлечен также единственный из дошедших до нас сборник украинско-русских пословиц конца XVII в., составленный поэтом и собирателем народной мудрости Климентием Зиновьевым (З). Это был один из первых известных нам этнографов и исследователей народной жизни⁴¹. В его сборнике содержится более полутора тысяч пословиц, записанных точно, дословно; но иногда поэт брал верх над собирателем: некоторые пословицы он обрабатывал, придавая им более точный стихотворный размер⁴².

Тексты XVIII века

6. Собрание пословиц Иоганна Вернера Пауса (П) содержит полную копию сборника БАН и дополнительно около 400 пословиц, записанных лично им во время его жизни в России (с 1701 по 1735 г.). Он был ректором Первой греко-латинской гимназии, обучал сына Петра I царевича Алексея, работал переводчиком в Академии наук, составил грамматику русского языка, а позднее – и лексикон. Этот энциклопедически образованный ученый⁴³ был первым известным нам собирателем русских пословиц. Составленный им сборник не имеет предисловия. И.В. Паус стремился к точности записи, сохранял имена тех, от кого он услышал пословицу, старался истолковать русские пословицы и подобрать к ним эквиваленты из латинского и немецкого языков. В этом собрании много афоризмов библейского и книжного происхождения, вообще заметен уклон в сторону философских обобщений⁴⁴.

7. Сборник пословиц В.Н. Татищева (Т) 20 – 30-х годов XVIII в. собирался им в течение многих лет и содержит 1339 пословиц, из которых примерно две пятых в более ранних сборниках не встречаются. В сборнике много вариантов одной и той же пословицы; помимо пословиц встречаются поговорки, крылатые выражения, библейские афоризмы, а также переводные пословицы. В.Н. Татищев внес в свой сборник довольно много пословиц антиклерикального и даже антирелигиозного характера, но наряду с ними он включал и изречения из Ветхого и Нового заветов, сочинений отцов церкви⁴⁵.

8. Сборник пословиц А.И. Богданова (Б) содержит почти 5 тыс. пословиц и поговорок. Автор закончил свою работу по собиранию пословиц к 1741 г., начав ее еще в 30-е годы XVIII в., когда занимал должность библиотекаря (архивариуса) Академии наук. Пословицы расположены в

строго алфавитном порядке; книжных афоризмов мало. Своеобразно заглавие сборника: "Собрание пословиц и присловий российских, которые в повестех и во употреблении народных речах бывалые и по алфавиту скорого ради приискания расположены в пользу народной забавы и увеселения, 1741 году". Уже из этого пространного заголовка видно, что собранные здесь пословицы широко бытовали в народе. По количеству записей этот сборник может быть сравним со сборником С. I; он содержит множество нигде не публиковавшихся пословиц и поговорок; многие записи многовариантны и противоречивы⁴⁶.

9. Псковский рукописный сборник пословиц середины XVIII в.⁴⁷, обозначаемый нами литерой "Ш", по имени его открывательницы и исследовательницы Г.Г. Шаповаловой, представляет собою, как это установил публикатор сборника, улучшенную копию (более полную и грамотную) рукописного сборника XVII в. С. II. Сборник озаглавлен "Пословицы и поговорки". Никаких сведений о составителе-переписчике не обнаружено, нет и предисловия, раскрывавшего бы принципы собирательской работы переписчика. Как отметила Г.Г. Шаповалова, этот сборник дает возможность проследить, как изменялись отдельные пословицы в результате бытования, как создавались новые варианты, что именно опускал переписчик из своего оригинала. Весьма интересен вывод автора: "Переписчик Псковского сборника, очевидно, считал нецелесообразным оставлять в сборнике библейские изречения, смысл которых был ясен лишь людям, знающим Библию, как, например: "Давид играл в гусли, а Ламех – в скрыпку", "Лотов грех не вменится в смех", "Обрете Филипп Нафанаила"⁴⁸.

10. Сборник пословиц второй половины XVIII в. (У) из рукописного собрания В.М. Ундольского (ГБЛ, № 911) содержит 275 пословиц на буквы К – С. Большая часть этого сборника представляет собою текст, близкий к опубликованному в Москве в 1770 г. "Собранию 4291 древних...пословиц". В нем есть 26 пословиц, нигде больше не встречающихся. Составитель брал свой материал из самых разнообразных источников. Ни названия, ни предисловия в этой анонимной и дефектной подборке пословиц нет, но сборник этот, несомненно, должен быть учтен исследователем начального периода собирания пословиц⁴⁹.

11. Сборник пословиц Е.Р. Романова (Р) писан скорописью начала XVIII в. и содержит 979 пословиц. К сожалению, первые листы утрачены, и мы не можем сказать, кто был его составителем и какими принципами он руководствовался при записи. Большая часть пословиц этого сборника уже известна, новых мало, однако упоминание о нем весьма важно, чтобы подтвердить популярность и распространение в XVIII в. той или иной пословицы⁵⁰.

В дальнейшем при раскрытии отдельных сторон и граней духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. придется не раз еще говорить о значении пословиц как источника для раскрытия нашей темы. Важно отметить, что как раз пословицы (наряду с легендами и преданиями) отобразили общественные идеалы крестьянина, его самые затаенные и сокровенные (и при этом, естественно, утопичные!) идеалы справедливо-

го государственного устройства. Остается только сожалеть, что фольклорные материалы в записях XVII–XVIII вв. дошли до нас в очень незначительных количествах. Особенно мало фольклорных сборников, отображающих внутренний душевный мир русского крестьянина, — здесь остается довольствоваться лишь сборниками любовных песен, изредка содержащими и народные тексты⁵¹.

* * *

Методика работы с текстами народного творчества разработана довольно детально и основательно⁵². Задача историка заключается в том, чтобы найти в фольклорном источнике отображение той реальной действительности, которая дала жизнь художественному образу, указать на возможную среду его появления. Это особенно относится к тем памятникам, которые отобразили взгляды крестьянина на конкретные исторические события или на какой-либо факт реальной жизни. Лишь в сочетании методов исследования устного народного творчества (особенно в анализе художественных образов и поэтики вообще!) с источниковедческими методами и приемами лежит залог успеха историка, использующего фольклорные памятники в качестве источника при анализе духовного мира человека.

Что касается этнографических источников XVII–XVIII вв., имеющих, конечно, огромное значение для характеристики духовного мира, то они дошли до нас главным образом в составе трудов этнографического характера, а также в мемуарной литературе. Этот тип источника дает представление о нравах и обычаях крестьянства, обрядах, бытовавших в его среде, суевериях, поверьях и верованиях, и тому подобных пережитках, т.е. о таких явлениях, которые возникли на самых ранних этапах развития человечества, но продолжали частично сохраняться и в XVII–XVIII вв.⁵³ Методика работы с этнографическими источниками осложняется тем, что мы не в состоянии применить к ним приемы непосредственного личного наблюдения, методику полевой экспедиционной работы.

Нам приходится довольствоваться лишь сохранившимися материалами личных впечатлений и наблюдений современников XVII–XVIII вв., дошедших до нас в составе весьма важного для нашей темы типа источников — письменных. Их особое место в изучении нашего предмета объясняется тем, что они, как и фольклорные материалы, дают представление об исторических и естественнонаучных знаниях крестьянина, помогают определить круг и характер чтения в крестьянской среде и многое другое, что не нашло отображения в других типах источников. Письменные источники по нашей теме можно систематизировать по трем большим группам: а) источники, исходящие от самого крестьянства; б) источники, исходящие из среды правящего класса феодалов и в) записи народного творчества, созданные в среде правящего класса, но имеющие, в силу своей специфики, общенародное значение.

Историки часто сетуют на отсутствие письменных источников, отразивших взгляды, интересы, идеологию трудящихся. Например, Б.Г. Могильницкий так пишет об этом: "Как правило, основная масса письменных

источников генетически восходит к господствующему классу и отражает его позицию. Что же касается угнетенных классов, то на протяжении целых исторических эпох, если судить по дошедшим до нас документальным свидетельствам, они "безмолвствуют" – не потому, конечно, что им нечего сказать и что они в действительности молчат: вся система общественных отношений в древнем мире или в средние века исключала выразителей интересов этих классов из круга творцов письменных источников⁵⁴. И это явление характерно не только для России. Вот, в частности, мнение античника: "Беда нашего времени в том, – пишет Д.П. Каллистов, – что на основании дошедших до нас письменных источников мы почти полностью лишены возможности ясно представить внутренний облик античного раба... В лучшем случае перед нами рабы, какими их видели представители социальных верхов, но не такие, какими они были в действительности"⁵⁵. Ведь то же самое или близкое по смыслу мы можем отнести и к русскому крестьянину эпохи феодализма.

Из общего дошедшего до нас рукописного наследия Древней Руси произведения, созданные грамотными представителями трудящихся России периода феодализма, составляют меньшую часть. Их авторами были главным образом горожане, посадские люди, ремесленники и проч. Это от них дошли до нас берестяные грамоты, апокрифы, "отреченные книги", "Слово о неправых учителях", сатирические повести⁵⁶ и некоторые другие произведения. В источниковедческом плане они являются, конечно, решающим материалом для характеристики общественно-политической мысли трудового народа, в том числе и крестьянства. Однако выделить в этой группе источников то, что относится к городу, а что – к селу, практически невозможно. Это – источник, характеризующий идеологию трудового народа России в целом.

Есть, однако, в этой группе источников такие, которые созданы именно крестьянами: изветы, донесения, челобитные и письма, прокламации ("прелестные листы") восставших крестьян⁵⁷. Но и эти документы не всегда реально отображали историческую действительность. Специфика самого создания челобитных, например, налагала свой отпечаток на эту разновидность письменных источников: ее автор пытался разжалобить вышестоящие инстанции и потому нередко сгущал краски, описывая бедственность своего положения, допускал при этом и намеренную фальсификацию, вполне объяснимую и понятную, и тем не менее искажавшую реальность. Кроме того, следует иметь в виду, что эта разновидность письменных источников не несла в себе функции пропаганды крестьянских взглядов. Челобитные просто фиксировали крестьянские настроения⁵⁸, в то время как устное творчество крестьян популяризировало в простой и доходчивой форме социальные идеалы крестьянства, желанные формы общественного устройства и общежития, а главное – поэтизировало те силы, что противостояли угнетателям.

Еще более сложны для использования так называемые "пыточные речи" и протоколы допросов из Тайной канцелярии и подобных ей учреждений: находившиеся под пыткой зачастую признавались в том, чего на самом деле не было. От пыточной практики Разбойного, Сысского и

других приказов идет пословица: "Не скажешь подлинной, так скажешь подноготную...". Сказать "подлинную правду" означало признаться в чем-либо во время пытки "под длинником", т.е. длинным хлыстом либо прутом. "Узнать всю подноготную" означало добыть у обвиняемого нужные сведения во время пытки путем забивания под ногти деревянных либо железных гвоздей... О какой тут объективности отображения действительности может идти речь! Не случайно в крестьянской речи возникает пословица, в которой кнут сравнивается со святым Николаем: "Кнут не Никола, а истину скажет!" (П. 39). В XVIII имели хождение и пословицы, предупреждавшие неопытных: "Тайного дела и не слушай, и не сказывай" (П. 191). Тем не менее для историков всегда было важно исследовать в подобного рода источниках, особенно относящихся к периодам социальных взрывов, народную оценку крестьянских войн и настроения крестьянина⁵⁹.

К этой же группе источников должны быть отнесены некоторые крестьянские повести из рукописных сборников XVIII в. Одни из них мало что дают для характеристики общественных взглядов крестьянина, другие, наоборот, являются первоклассным источником. Таков широко известный "Плач холопов". В советской историографии первым оценил это произведение А.И. Ревякин: «Своеобразие "Плача холопов" – не в пассивной жалобе на хмурую долю, а в действенности социального негодования. Осуждая "свирепство", "неправду", вероломство и казнокрадство господ-тиранов, автор "Плача холопов" зовет своих собратьев к беспощадной борьбе с ними»⁶⁰.

"Плач холопов" – не единственное произведение подобного рода. Таково же – пародийное "Духовное завещание Елистрата Шибаева"^{2*}. Это произведение крестьянской литературы в иронических и юмористических тонах рассказывает о горькой судьбе крестьянина, ставшего на путь разбоя⁶¹. Единственная его собственность – это виселица ("загородный мой собственный дом, выехав из Москвы за надолбами по Петербургской дороге: два столба врыты, а третьим покрыты")⁶². Скончался Шибаев "в голодное лето, в серый месяц, в шесто-пятое число"⁶³, но этот пограбленный и разоренный крестьянин передает в наследство всем своим приятелям ни много, ни мало как "наследство мое любезное, Землю Святорусскую": "Ково чем государь царь пожаловал, владеть вам, друзьям моим, по дачам бесспорно". Осознание себя наследником всей "Земли Святорусской" – новая черта в духовном мироощущении крестьянина XVIII в., понимающего свою роль и место в окружающем его мире.

Отметим еще один рукописный памятник такого же типа – шуточный рифмованный "Абшит, данный от хозяина серому коту за ево непостоянство и недоброту". Он мог восприниматься как намек на широко распространенное в XVIII в. явление: перед ревизиями многие крепостники выгоняли на все четыре стороны своих престарелых и увечных крепостных, чтобы не кормить и не содержать их⁶⁴. За образом вороватого проказника-кота угадывается старый и увечный слуга-крепостной, ко-

^{2*} Попросту говоря – разбойника; шибаева работа – это душегубство, разбой.

того не из милости отпускают на волю, а попросту выгоняют из дому, когда он стал не нужен ("А при моем доме не потребен боле"). Приведенные примеры рукописных повестей, вышедших из народной среды, дают достаточно полное представление о письменных источниках этого рода.

Отметим также важность изучения читательских и владельческих записей, скреп и помет крестьян-читателей и владельцев на рукописях и печатных изданиях XVI–XVIII вв.⁶⁵ Изучение этой разновидности письменных источников дает возможность определить круг чтения крестьянина, а значит и его отношение к грамоте, учению. Книги и рукописи с записями и пометами на них крестьян находятся в самых неожиданных местах: в различных архивных фондах – и в личных, и в государственных, и в местных, и в центральных архивах, в рукописных отделах самых разнообразных библиотек и проч. Именно отсутствием единых фондов хранения во многом объясняется малоизученность крестьянской культуры XVIII в., на что уже обращали внимание исследователи⁶⁶. Ученому приходится собирать свой материал по крохам, тратить массу времени на полистный просмотр рукописей, широко пользоваться литературой по истории XVII–XVIII вв. в надежде отыскать нужные ему факты и проч. Самые плодотворные результаты могут быть получены при полистном просмотре крестьянских челобитных и писем, а также записей и помет на рукописях и печатных книгах. Печатная продукция XVIII в. с этой точки зрения почти не изучалась, а между тем количество грамотных крестьян росло на протяжении всего XVIII в.

К письменным источникам, исходящим от самих крестьян, следует отнести также крестьянские уставы, постановления мирских крестьянских сходов, некоторые религиозные сочинения, созданные крестьянам (частично они были использованы в уже упоминавшихся монографиях К.В. Чистова, А.И. Клибанова, Н.Н. Покровского, М.М. Громько, Н.А. Миленко).

Определенный материал может дать лубочная литература, но на большой результат рассчитывать не следует. Большая часть лубочных картинок XVIII в. характеризует городскую культуру того времени⁶⁷; до наших дней дошло всего несколько листов с изображением комических сюжетов, героями которых были крестьяне. Иногда это – разбогатевший и выбившийся "в люди" мужик, как на лубке под заглавием "Аптека целительная с похмелья" с краткой подписью под одной из картинок: "Деревенский мужик Ермил посацким бабам мил, на кабаке хорошо вино подносит да и в дом к себе милости просит". Или это – мужик-неудачник, рассыпавший яйца, которые он нес на продажу в город. Интересны лубки, в которых отображается критическое отношение крестьян к дворянам, обычно выраженное в грубоватой форме. Например, картинка "Разговор дворянина с крестьянином", в которой крестьянин сравнивает барина со своей кобылой, с таким заключением: "И тако дворянин над крестьянином смеялся, а сам от него в стыде остался"⁶⁸.

Источники второй группы, т.е. созданные в среде правящего класса, весьма специфичны. Во-первых, вообще преобладающая часть письменных источников средневековья восходит к среде феодалов. В этих источ-

никах общественные взгляды крестьян, их отношение к социальным вопросам, конечно, нашли отображение, но они изложены сквозь призму восприятия, вкусов и симпатий авторов этих источников. Феодалы и их идеологи, говоря об общественных взглядах русских крестьян XVII–XVIII вв., передавали их неполно, искаженно, порою приписывали крестьянам те мысли и высказывания, которые не были для последних характерны. Одним словом, этот материал требует особо строгого источниковедческого подхода: показания письменных источников второй группы, должны, конечно, учитываться исследователем, но ими одними ограничиваться нельзя⁶⁹.

К источникам этой группы можно причислить законы, постановления, распоряжения, указы и т.д., т.е. памятники нормативного характера, относящиеся к крестьянству и дающие представление о политике государства по отношению к селянам. Но не только об этом. В подобных источниках исследователь может почерпнуть сведения о культурном уровне крестьянства, его грамотности, правовой дееспособности, гражданском статусе. Богатый материал содержится в топографических описаниях XVIII в., в документах всевозможных комиссий по крестьянскому вопросу, работавших в XVIII в. и оставивших после себя обширные собрания деловой документации. Особенно активно изучались материалы Уложенных комиссий 1700 г. и Комиссии по Уложению 1767 г.⁷⁰ Важны также судебно-следственные материалы XVIII в., отложившиеся в фондах Сената и Синода.

К этой же группе источников относятся разнообразные сведения, содержащиеся в мемуарной литературе, как русской, так и иностранной⁷¹. Современники оставили нам воспоминания, воссоздающие облик крестьянина, его одежду, бытовой уклад, обряды и праздники, рассказывающие о крестьянских верованиях, суевериях и обычаях. Конечно, и этот материал требует осторожной источниковедческой оценки. Необходима скидка на субъективность и особенности восприятия, на несознательную, а порою и преднамеренную фальсификацию фактов, но в целом мемуарные источники – весьма перспективная разновидность повествовательных памятников, могущих многое дать для воссоздания духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв.⁷²

Не менее существенна составная часть источников этой группы – литература XVIII в. Под интересующим нас углом зрения она мало еще изучена, особенно публицистика. Правда, этнографические труды XVIII в. привлекали к себе внимание исследователей, но главным образом в плане изучения пережитков, а для характеристики духовного мира крестьянина они почти не использовались⁷³. А между тем эти труды порою являются единственным источником для освещения нравов и обычаев, поверий и верований, семейных устоев, отношения к детям и предкам и т.д. Равным образом и художественная литература дает возможность проанализировать отображение крестьянского характера в сознании писателей, поэтов, публицистов и драматургов. Конечно, и здесь при использовании этой разновидности нарративных памятников необходимо делать поправку на художественный стиль и манеру пись-

ма. Например, сентиментальный "пейзан" в творчестве писателей-карамзинистов имел мало общего с реальным крепостным XVIII в. И все же некоторые духовные черты русского крестьянина отобразились в литературе, поэзии и драматургии той поры вполне отчетливо.

Публицистика XVIII в., стоявшая гораздо ближе к реальной действительности, отобразила ее и достовернее, и конкретнее, чем художественная литература. В журналах и особенно в газетах XVIII в. мы найдем много конкретных исторических фактов, характеризующих духовный мир русского крестьянина, его отношение к власти предрержавшим, его взгляды на мир и социальные отношения. Сбор источников этой подгруппы – дело трудоемкое и длительное, но весьма перспективное. Плодотворные итоги могут быть достигнуты при сопоставлении фактов, добытых из периодической печати, со сведениями, взятыми из документальных источников.

Третью группу письменных источников составляют фольклорные записи XVIII в. Они сделаны представителями правящего класса, однако отождествить их с источниками второй группы было бы неверно. Ученые, писатели, общественные деятели, публицисты, журналисты выступали в данном случае не как авторы, они лишь фиксировали бытовавшее в народе устное творчество. Они записывали пословицы, песни, сказки, былины, и все эти записи, несмотря на их (с современной точки зрения) несовершенство, несмотря на явственно различимое вмешательство в текст, несмотря на производимый авторами отбор при публикации в печати – все эти записи не только несут на себе отпечаток социального происхождения их авторов, но и имеют общенародное значение. Поэтому можно сказать, что эти памятники глубоко народны. Недаром один из рукописных сборников пословиц XVII в. (С. 1) носит такое название: "Повести или пословицы *всенароднейшыя* по алфавиту" (Выделено мною. – Л.П.).

Безусловно, используя рукописные сборники пословиц, исследователь в первую очередь должен выяснить, какими принципами руководствовался составитель сборника при их записи, какими источниками пользовался. Существенную помощь в решении этих вопросов оказывают предисловия к сборникам. Так, одно из них, написанное в начале XVIII в., донесло до нас весьма четкую программу собирательской работы, проделанной составителем:

Пословицы и присловицы,
каковы в народе издавна словом употреблялися
и яко в волне морской, тако в молве мирской разглашались,
а действием в мире, в разговорах между всякими разными делы в пристойности
преимуществвовали и угождали,
в приветах, запросах, советах и ответах и в протчем упреждали и утверждали,
так что о иных выразить не довольно,
х каким бы книгам слово действием не было пристойно,
делом ко злу и зависти и смут прерогативы не вкусить,
фецис или остаток оных остающая живы,
ныне же мы со употреблением слов нейтральных
и которых заграждают своих политик славных,

паче же сих крайних довольны ль,
всяк безпристрастно рассудит,
отчего более ныне оные малослышны и прочее разных,
но не фальшивых, и подлинно иные такие,
как бы из государства умерших,
и оные против других делом сильно остаются
и будто бы с распрееу значатца разглагольствуют и образуют⁷⁴.

Как видим, в предисловии дается оценка собранным пословицам, среди которых составитель различает и широко употреблявшиеся в то время, и те, что были "малослышны", и даже те, что были "как бы из государства умерших". Удивительно образно сравнение пословиц: "каковы в народе издавна употреблялися и, яко в волне морской, тако в молве мирской разглашались..." Перед нами, судя по предисловию, заслуживающий доверия источник, который может быть использован для воссоздания духовного мира русского крестьянина того времени.

К сожалению, мы не располагаем развернутыми предисловиями к записям сказок, песен и былин XVII–XVIII вв.⁷⁵. Записи народных сказок единичны – большая часть их дошла до нас уже литературно обработанными в соответствии с художественными вкусами того времени⁷⁶. Некоторый материал мы найдем в предисловии Н.А. Львова к его сборнику "Собрание русских народных песен с их голосами", составленному в соавторстве с композитором И. Прачем в 1790 г. Но главное внимание в нем обращено на мелодию и многоголосый склад русского народного хорового пения. Музыковедческий трактат Н.А. Львова и И. Прача – выдающееся для своего времени сочинение, однако для раскрытия нашей темы оно мало информативно⁷⁷.

В XVIII в. произведения народного творчества начали широко проникать в печать. Выходят печатные сборники пословиц, песен, сказок. При этом в процессе подготовки к печатанию тексты нередко искажались. Таковы сочинения Екатерины II "Гражданское начальное учение" и "Выборные российские пословицы", не имеющие ничего общего с устным народным творчеством. Это – составленные лично императрицей изречения, имитирующие народные пословицы, тенденциозные и искусственные, например: "Добрые дела сами собой воздаяние приносят", "Не так живи, как хочется, а как Бог велит", "Деньги много могут, а правда царствует" и проч.⁷⁸ Довольно много искажений мы находим в сказочных сборниках XVIII в. Лишь немногие из них сохранили в неприкосновенности и сюжет, и язык народных сказок. Большая часть крестьянских сказок литературно обрабатывалась, сближаясь с волшебнорыцарским либро с плутовским романом.

Все это, конечно, не означает, что мы не можем использовать печатные издания XVIII в. в качестве источников. Речь идет лишь о более строгом источниковедческом подходе к ним, о том, что необходимо сопоставление текстов XVIII в. как с более ранними рукописными, так и с более поздними профессиональными записями крестьянского фольклора. Сам факт публикации народного творчества в XVIII в. – явление весьма отрадное и положительное. Печатные издания XVIII в. начали популяризи-

зировать произведения народного творчества, способствовали дальнейшему распространению его в крестьянской среде, особенно в той его грамотной части, которая уже в XVIII в. поняла значение книги и даже имела собственные библиотеки⁷⁹.

При анализе письменных источников, дающих материал для характеристики духовного мира русского крестьянина, помимо обязательного для каждого исследования установления подлинности документа и его хронологических рамок, следует прежде всего требовательно отнестись к проблеме авторства – личного или коллективного.

И еще одно замечание. Фольклорные источники по нашей теме, с одной стороны, довольно существенно отличаются от письменных памятников и своим происхождением, и своим идейным содержанием, а с другой – сближаются с ними (хотя бы в том, что дошли до нас только в письменном виде и как таковые принадлежат к письменным источникам). Дело не в формальном противопоставлении двух этих типов исторических источников. Наиболее дальновидные источниковеды давно уже отметили иное. Так, говоря об исторических и литературных памятниках в источниковедческой оценке Д.С. Лихачева, Л.В. Черепнин пишет: "Автор возражает против встречающегося вульгаризаторского утверждения, что все, идущее от устного народного творчества, прогрессивно, а все письменное, "книжное" – реакционно. Борьба шла не между письменным и устным творчеством, а между идеологиями двух основных классов эпохи феодализма. При этом обоим классам – антагонистам феодального общества – был свойствен патриотизм, но содержание и проявление его были различны"⁸⁰.

В заключение хотелось бы сказать о перспективах дальнейшего изучения нашей темы. Расширение круга источников для изучения духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. – задача первостепенной научной важности. Это не только и не столько источниковедческая проблема, это и обеспечение результативности и репрезентативности выводов по всей историко-культурологической проблеме. До сих пор и духовный мир, и в целом культура основных производителей феодальной России того времени не только не раскрыты во всей полноте, но во многом попросту не исследованы. Внимание ученых было обращено главным образом на внешнюю сторону крестьянского быта и его культуры – на костюмы и украшения, на вышивку и резьбу по дереву, на обряды и праздники – вот что было объектом изучения. Глубинные же пласты крестьянского сознания, социальные интересы, правовое самосознание, этика и нравственность исследованы мало. Решить эту проблему без привлечения новых источников нельзя.

Где же и как их искать? Только полистный просмотр рукописей может открыть неизвестное исследователям. Ведь есть еще достаточное количество рукописей, не имеющих научного описания, не только в местных, но и в центральных архивах. Необходим тщательный учет владельческих и читательских помет и записей на книгах и рукописях, который поможет составить более верное представление о распространении грамотности среди крестьян и о круге их чтения. Необходим тщательный анализ

периодической печати XVIII в. — журналов и газет — не только для выявления новых источников по теме "Крестьянин в культуре XVIII в." (такая работа ведется уже давно и дала свои положительные результаты!), но и для установления новых фактов и источников, относящихся к духовному миру русского крестьянина.

Весьма важно пристальное изучение мемуарной литературы, сохранившей для нас живое впечатление авторов, лично наблюдавших жизнь российской деревни. Актуальной остается задача внимательного прочтения произведений художественной литературы, чтобы проследить проникновение крестьянской культуры в культуру господствующего класса. Эта работа ведется также давно и успешно, но главным образом в отношении к высочайшим вершинам русской культуры XVIII в. — Ломоносову, Державину, Радищеву, Фонвизину, Карамзину и некоторым другим. Но наибольших результатов следует ожидать от анализа творчества рядовых и даже мелких писателей XVIII в., ближе стоявших к крестьянству, полнее и точнее отобразивших его взгляды и настроения.

Все перечисленные типы, роды, виды и разновидности источников, отобразившие с той или иной полнотой духовный мир крестьянина, конечно, не равнозначны для исследования. Выбор обуславливается авторскими задачами. Так, К.В. Чистов и А.И. Клибанов построили свои труды на анализе легендарно-утопического материала, многие исследователи опираются на письменные источники, вышедшие из среды крестьянства — челобитные и письма. Настоящая работа опирается главным образом на анализ пословиц, бытовавших в крестьянской среде либо созданных в ней. Это — сложный и противоречивый источник, но таким же сложным и противоречивым был и сам духовный мир русского крестьянина. Противоречивость и непоследовательность крестьянского мировоззрения обуславливались противоречивой, двойственной природой самого крестьянина. Он был, с одной стороны, землепашцем, кормившимся трудом рук своих, причем трудом тяжелым и подневольным, с другой — мелким собственником, страстно стремившимся выбраться из своего угнетенного положения. Сила крестьянина состояла в том, что он оценивал всю окружающую действительность с точки зрения трудового народа; слабость — в том, что он был забит, опутан предрассудками, что у него отсутствовали и научные знания, и ясные представления о будущем и путях, ведущих к нему.

Крестьянские пословицы сложны для анализа еще и потому, что в них философские и гносеологические моменты не выступают в чистом виде, а преломляются в конкретных повествовательных сюжетах, в обобщенно-художественных образах; общефилософские, мировоззренческие проблемы переплетаются в них с политико-социологической проблематикой, выраженной в художественных образах⁸¹. Одна из задач, стоящих перед нами, и заключается как раз в том, чтобы раскрыть суть этих образов, иными словами — показать, как сам крестьянин понимал свою жизнь, каковы были его собственные оценки окружающей его реальной действительности.

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ПОСЛОВИЦ ИЗ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ

Вопрос об авторстве пословиц ставился в нашей науке применительно к записям XVII в.⁸² Рассмотрим этот вопрос на более обширном материале и применительно к XVII–XVIII вв.

Рукописные сборники пословиц сохранили для нас образцы подлинно народной речи во всей ее неприкосновенности⁸³. Так, в большинстве записей пословиц последовательно употребляется *во* вместо *го* в родительном падеже имен прилагательных и местоимений (например, большово, красново, твоево и т.д.). Правда, в записях XVIII в. встречается и литературное окончание *го* чаще, чем в сборниках XVII. Повсеместно встречаются просторечные формы слов (рожа, рыло, хошь и проч.). Довольно часто в записях, особенно XVII в., мы находим старую форму именительного падежа вместо винительного в таких, например, оборотах, как "варить бражка", "пить вода" – вместо "варить бражку", "пить воду". Встречается и древний творительный падеж ("Глазы пива не выпить". "Грозил батоги, а грыз кулаки" и др.).

Составители рукописных сборников пословиц XVIII в. также стремились сохранить народную речь в неприкосновенности, ограничиваясь минимальной литературной правкой – все это, конечно, увеличивает наше доверие к этим сборникам как к историческим источникам. Но чего нам решительно недостает – так это доказательств, что все записанные составителями пословицы имели "живое хождение" в народе, активно употреблялись в живом разговорном языке, "бытовали", как говорят фольклористы... Каков был социальный ареал их бытования? Каков был географический диапазон их распространения? Кто были те носители, информаторы, с чьих слов были сделаны эти записи?

Конечно, всегда следует иметь в виду, что пословицы – это весьма специфический жанр устного народного творчества. Их особенность – отображение реальной действительности в предельно обобщенной форме, общенародная их распространенность, бытование в самых разнообразных сословно-социальных слоях населения. Но все-таки основной массой, генерировавшей и потреблявшей пословицу, были трудящиеся феодальной России. К этому выводу приводит анализ идейного и тематического содержания пословиц.

Вполне понятно, что мы никогда не сможем узнать, кто именно был творцом, индивидуальным автором той или иной пословицы, кто впервые самостоятельно сформулировал ее и от кого она начала свою фольклорную историю (речь идет, разумеется, о народной пословице, а не о пословице литературного происхождения типа "Служить бы рад, прислуживаться тошно" или "А воз и ныне там", авторы которых нам хорошо известны). Но мы можем с большой долей вероятности установить, в какой именно среде возникла та или иная пословица, получившая впоследствии всенародное признание, но сохранившая в содержании следы своего изначального происхождения. Ведь в каждой профессиональной среде рождались ранее и возникают до сих пор обобщенные и кратко сформулированные наблюдения и такие выражения, которые впоследст-

вии становятся достоянием самых широких слоев населения. Так, широко бытующее в нашем современном языке выражение "выдать на-гора" первоначально появилось в среде шахтеров и лишь потом стало употребляться в переносном смысле.

Кратко сформулированные профессиональные правила, особенно если они были облечены в художественную форму, переходили со временем за рамки профессиональной среды – в устную речь всего народа. "Куй железо, пока горячо" – это мудрое житейское поучение, несомненно, возникло в среде кузнецов, людей, связанных с горячей обработкой металлов, а уже потом стало употребляться в обобщенном и широком переносном смысле. И таких примеров можно привести множество: "Лес сечь – не жалеть плеч!" (пословица, возникшая в среде лесорубов), "Один – с сошкой, семеро – с ложкой" (пословица крестьянского происхождения), "Без труда не вытащишь и рыбку из пруда" (пословица, связанная с трудом рыбака) и многие, многие другие. Мы употребляем сейчас эти пословицы, совершенно не задумываясь над тем, в какой среде они возникли и что первоначально обозначали. А ведь, скажем, такая пословица, как "На сусле пива не угадать" (С. I. 1729. Ср.: У. 91), первоначально возникла в среде пивоваров (ср. другой вариант: "Не узнавай пива на сусле, а узнавай на сливанье" – У. 161). Она отобразила в своем содержании давние и многолетние наблюдения крестьян-пивоваров над свойствами сусла: ведь пиво в XVII–XVIII вв. варили по всем крестьянским дворам повсеместно. Но со временем и эта пословица, оторвавшись от породившей ее среды, приобрела обобщающее значение и стала достоянием общенародной собственности. "Сама ся раба бьет, что не чисто жнет" (С. I. 2156. Ср.: У. 227) – и эта женская пословица, созданная когда-то крестьянкой-жницей, пережила века: давно уже не жнут крестьянки серпами хлеб в поле, а пословица употребляется в переносном смысле и в наши дни.

Можно считать установленным, что основная часть русских народных пословиц, дошедшая до наших дней, бытующая в живом разговорном языке, создана трудовым народом. Это он в обобщенной форме высокохудожественно отобразил свой вековой трудовой опыт, свои наблюдения над окружающим его миром, свое отношение к реальной исторической действительности. Занесенные в рукописные сборники в XVII–XVIII вв., эти пословицы и стали для нас важнейшим источником для воссоздания духовного мира крестьянина. Эти рукописные сборники дают нам достаточно материала, чтобы определить, какой социальной либо профессиональной прослойкой создана большая часть изучаемых нами пословиц.

Именно ЧАСТЬ, но не все. Ведь большинство общеморальных пословиц сложилось за много веков до записи. Эти пословицы восходят еще к дописьменным временам бытования фольклора. Они давным-давно оторвались от создавшей их среды, утратили какую-либо связь с ней, стали фактором народной речи. "Басни соловья не кормят" (С. I. 182), "Где тонко, там и рвется" (С. I. 577), "Назвался груздем – лести в кузов" (О. 23. Ср.: У. 75) – вот примеры таких общенародных пословиц (их коли-

чество, конечно же, легко увеличить), которые стали общенародным достоянием и о которых мы не можем с полным основанием сказать, что знаем ту среду, где они возникли. Возможно, о конкретных авторах многих пословиц мы ничего не узнаем. Однако это обстоятельство не снимает вопрос об их происхождении.

Типичный путь возникновения пословицы может быть представлен так: прежде чем стать общенародным достоянием, пословица первоначально принадлежала более узкому кругу лиц, связанных профессиональной или территориальной близостью. В процессе бытования пословица либо получала более широкое распространение и становилась общенародной ("Клин клином вышибают", "Эта овчинка выделки не стоит", "Ржа ест железо, а печаль – сердце" и т.д.), либо теряла общее значение, пропадала в народной памяти, оставалась свидетельством лишь своего времени, своего, породившего ее, социального слоя или профессиональной группы.

Существенную помощь исследователям в выяснении происхождения пословицы оказывает тот факт, что в преобладающей части пословиц высоко оценивается труд, ремесло, их значение в жизни человека. Это характерная черта не только пословиц, но и устного народного творчества вообще. Нам известно много народных песен, воспевающих труд и трудовую деятельность человека, его мастерство, его уменье. Труд был основой общественных идеалов в сказке и легенде – вспомним уральские сказы о мастерах-умельцах, образы Василисы Премудрой, ловких семи Семионов и многих других сказочных героев. Напротив, лентяи и бездельники сурово осуждались народом – и в песне, и в сказке, и в пословице. С насмешкой говорит пословица о неумехах: "Не вмеет шыла заострыти" (З. 619), "Не вмеет коню хвоста завязать" (З. 620), "Воли тому пасти, не медведе водити" (З. 122)⁸⁴. "Ремесло" в пословице выступает как синоним труда: "Ремесла за плечами не носят, а с ним лутче" (С. I. 2099; 0.316; БАН. 469). В XVIII в. встречаются и такие варианты: "Ремесла за плечами не носят, а с ним добро" (Т. 1142; Б. 3857), "Ремесло везде добро" (Т. 1145; Б. 3860), "Ремеслом и увечной хлеб сыщет" (Т. 1144; Б. 3859). Весьма показательно противопоставление ремесла воровству: "Худое ремесло лутче доброва воровства" (С. I. 2485), – сравни однотипное противопоставление: "Худой мир лучше доброй брани" (Б. 4469).

Для пословицы характерно восхищение перед высоким мастерством, образная оценка умения, знания: "В ремеснике золотая рука" (З. 112). Широко была распространена пословица, дошедшая до наших дней: "Всякое дело мастера боится" (С. I. 410, 519; С. II. 117; БАН. 138, 150; Т. 151; Б. 549). Трудовой люд потому ценил мастерство, уменье, что оно всегда было с работающим человеком, ведь "Ремесло не за собою носити" (З. 856). Пословица утверждала: "Ремесленник – что курица: что грянет (т.е. зашумит, загремит – Л.П.), то и клюнет" (Т. 1143; Б. 3858).

Эти и подобные им пословицы были созданы, несомненно, в среде, для которой труд был единственным источником существования. Вполне возможно, что позднее эти пословицы приобрели общенародное распространение и могли бытовать в самых различных социальных прослойках, но

их первоначальное трудовое происхождение бесспорно. Как гимн всепобеждающей силе труда звучит пословица: "Труд все побеждает" (Б. 4247) – сравни при этом осуждение лентяя, для которого избран образ трутня: "Трутень меда не носит" (Т. 1290).

Вообще следует отметить, что противопоставление труда и лени – ярчайшая особенность крестьянской пословицы. Она находит самые выразительные сравнения для ленивого человека, взятые из крестьянского быта: "Ленив как корова" (Т. 638; Б. 2519) или "Ленивой ложится с курами, а встает с свиньями" (Б. 2517). Ленивому лень нагнуться и сорвать гриб: "Ленивому гриб не стоит поклона" (Т. 637; Б. 2518), а ведь пословица специально подчеркивает, что "Не поклоняйся грибу до земли, не поднять его в кузов" (С. I. 1680). Пословица утверждает: "Ленивый и во сне себя соромит" (Ш. 437). Ленивому даже одеться лень: "Ленивому и одеться – труд" (Т. 635; Б. 2516). "Лень мужа не кормит" (Т. 636; Б. 2514), – поучает пословица; вариант XVIII в. добавляет: "Лень мужа не кормит, только портит" (БАН. 399). С осуждением говорит пословица: "Ленивому всегда праздник" (Т. 634; Б. 2513), – потому что "Ленивому не болит в хребте" (БАН. 408; Ср. Ш. 435). И, как общий вывод, удел ленивого – нищета: "Леность мужу нищету наводит" (Б. 2511), вместо еды он пьет воду: "Ленивый пьет воду" (С. I. 1395). Поистине "Леность наводит бедность" (С. I. 1450). Лень портит человека – вот итоговый вывод пословицы: "Лень мужа портит, а встанье его кормит" (Б. 2512; С. I. 1451). Ленивого человека легко распознать даже по тому, как он одет: "Ленивой и по платью знать" (Б. 2520; Ср.: С. I. 1391; Т. 436; С. II. 323). Хорошо подчеркнута в пословице зависимость между ленью и результатом труда: "Ленивой двой (т.е. вдвое. – Л.Л.) делает" (С. I. 1390). Боязнь для лентяя потрудиться в поле так образно выражена пословицей: "Ленивому – медведь в поле, а волк – за бороты" (С. I. 1401).

Но мы найдем в крестьянской пословице не только прославление труда, ремесла, мастерства, умения и осуждение лени, безделья, причем в самой обобщенной форме, но и желание подчеркнуть, что труд требует усилия, работы, что успех не дается сам по себе, он – результат длительной и усердной работы. Эта мысль выражается в пословице образным сравнением с различными формами труда, с использованием образов из разных сфер трудовой деятельности крестьянина. "Молоть мелко – постоять, а прясть тонко – посидеть" (С. I. 1594, 2062, 2261) – учит пословица, указывая на необходимость усидчивого труда для достижения желаемого результата. "Часто стегать – редко хлебать" (С. I. 2602, 2261) – и в этой пословице использованы образы труда крестьянки, обшивающей всю семью. Мы встречаем в пословице и лексику дровосека: "Терть пилюю – гнуть спиною" (С. I. 2284) или: "Лес сечь – не жалеть плеч" (С. I. 1399; БАН, 452).

Особенно часто в пословицах встречается образ труда кузнеца. Это и понятно: кузнечный труд в XVII–XVIII вв. был тесно связан с заботами земледельцев. Кузнецы имелись во многих деревнях, кузнецами работали те же крестьяне, поэтому и пословицы с образами труда кузнеца были близки и понятны крестьянам⁹⁵.

Выразительно подчеркнута поговоркой связь между трудом кузнеца и земледельца: "Железом хлеб добывают" (С. I. 949). На примере образов труда молотобойца поговорка делает глубокие обобщающие выводы житейского характера: "Куй железо, пока не остыло" (Т. 614; Б. 2178), или "Когда железо кипит, тогда его и ковать" (С. I. 1243; БАН, 878), "Куй железо, пока горячо, пей пиво, пока хорошо" (У. 46). Используются в поговорке и образы кузнечных инструментов – клещей ("Для того кузнец клещи кует, чтобы рук не жгло" – С. I. 735; БАН. 211; З. 238; У. 92; Т. 296; Б. 1000 – или "Железные руки и с огня волокут" – С. I. 997), молота ("Молот хошь молод, да бьет старо" – С. I. 1504), наковальни ("Али моя плешь наковальня, что всяк в нее толчет, будто в ступу" – БАН, 28)⁸⁶.

Нередок в крестьянской поговорке и выбор трудовой лексики, связанной с портновским ремеслом, которое издавна было распространено в каждой крестьянской семье. "Портновская" лексика была использована крестьянской поговоркой для формулировки общеморальных выводов, для обоснования житейской мудрости. Вот наиболее яркие примеры: "Игла служит, пока уши, а люди – пока души" (С. I. 1194), "Куда иголка, туда и нитка" (Т. 607; Б. 2154; БАН. 350), "Шьет, а нити наружу выходят" (С. I. 2649), "Где шьют, там и порют" (С. I. 585). Широкое распространение имела поговорка: "Без клинья кафтана не сделаешь" (БАН. 67; Б. 56; С. II. 60). Или такой вариант: "Без клинья кафтан, без рукавов епанча" (С. I. 218). Желая выразить свое отношение к старым обычаям и нормам, крестьянская поговорка также использует лексику портного: "Кроят платье, к старому примеривая" (С. I. 1336). Поговорка нередко употребляет эту лексику и в шуточных выражениях-перевертышах, типа: "Аршин портной, по чему мастер атласу?" (С. I. 34), хотя, конечно, отлично знает, что аршин – это мера длины ткани ("Аршин – на сукно, а кувшин – на вино" – С. I. 103 или "Аршин сукна швецам, а кувшин винца – певцам" – С. I. 104). Аршин, ножницы, игла – это исконный портновский инструмент (ср., например: "Иглою шьют, а чашею пьют, а плетью бьют" – С. I. 1191). Образ мастера, одевающего других, но не имеющего собственной одежды, мы встречаем и в поговорке, дошедшей до наших дней: "Портной без кафтана, а сапожник – без сапог" (Б. 3717).

Конечно, в крестьянских поговорках мы встречаем лексику, связанную и с другими профессиями, например красильника ("Красильник – не сильник: что ему дадут, то и красит" – С. I. 1301), мельника ("Мельник – не бездельник: хоша дела нет, а топор из рук не идет" – С. I. 1589 или "Мельник богат шумом" – Т. 452), плотника ("Извязло клинье в косое дерево" – С. I. 1213), но именно образы кузнеца и портного и связанная с их трудом лексика оказались наиболее популярными в крестьянской поговорке XVII–XVIII вв. Широкое использование точных и выразительных образов труда и быта крестьян-ремесленников, когда на знакомых примерах и образах высказывались высокие моральные истины, повышало действенность поговорки, ее воспитательную и дидактическую роль.

Образ крестьян-ремесленников мы находим не только в поговорках, но и в народной песне XVII в. Как известно, записей подлинно народных

песен в XVII в. было очень немного. До нас дошел отрывок одной из таких песен, начинающийся словами: "Со напраслины головушки погнули наши". И своим мелодическим строем, и песенными образами она напоминает прославленную А.С. Пушкиным песню пугачевцев "Не шуми ты, мати зеленая дубравушка". Как и эта песня восставших крестьян, она протестует против того, чтобы "добрых молодцев" называть разбойниками:

Только мы были не воры, не разбойники,
А мы были все люди ремесленные;
Да мы неводы вязали все ременные,
Да мы щуки те ловили все с гривами,
Да и окуни ловили со щетинами.
Где кони пропали — к нам следом пришли,
Ково в тюрьму возили — да ино мы в тюрьме сидели,
Да ково кнутьем стегали — у нас спинушки болят⁸⁷.

Судя по сопредельным документам судного дела, в котором сохранилась эта песня, она была записана под Вологдой в 1663–1667 гг. Она весьма характерна для народного творчества бурного, "бунташного" XVII в. Как и в широко известной народной песне, связанной с именем С.Т. Разина, ("Мы не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички!"), и в нашей песне говорится, что ее герои — "люди ремесленные", крестьяне-рыбаки. Известно, что Вологодский край в XVII в. был одним из самых богатых рыбой районов: его продукция шла в центр России и к царскому двору. Только вот рыбаки-то в этой песне были необычными: невода у них — ременные, а рыб-то они ловили с гривами да щетинами...

Публикатор этой песни Н.А. Попов полагал, что в ней речь идет о конокрадах. Но этот вывод представляется мало обоснованным. Крестьянское устное творчество с большим осуждением относилось к воровству вообще и к конокрадству в частности. Едва ли кража единственной кормилицы крестьянина — лошади — могла стать предметом воспевания и оправдания в художественном творчестве трудового народа. "Вор ворует, а мир горюет" (Б. 472), "Вору воровска и петля" (Б. 477), "В воре, как в море, — правды не сыщешь" (Б. 486) — вот как оценивала крестьянская пословица воровство.

"Долгогривые попы" да бояре — вот кто, скорее всего, скрывается под образами "щук с гривами" да "окуней со щетинами" — исконные враги трудового народа. Это их ловили "люди ремесленные", а сама песня об этом должна быть отнесена к числу тех, в которых воспевается борьба восставших крестьян со своими угнетателями.

Образы сельскохозяйственного труда, трудовой практики крестьянина занимают центральное место в общеморальных пословицах. Приведем некоторые примеры: "Каково семя, так и плод" (Б. 1702), "Каков лен, такова и пряжа" (Б. 1728) — здесь образы сельскохозяйственного труда используются для обоснования житейской мудрости. Несомненно крестьянского происхождения и пословицы XVIII в.: "Озимы в сусек не сыплют" (Т. 963; ср.: Б. 3512), или "Осеннее пороса и в Петровки^{3*} зябнет"

^{3*} День Петра и Павла, середина июля (по новому стилю), самые жаркие дни лета.

(Т. 973; ср.: Б. 3532, 4472). Такие пословицы, как "Капусту садить – спине досадить" (С. I. 1292), "Кто что сеял, то и пожнет" (Б. 2136), "Зяблые семена всегда поздно всходят" (С. I. 1026), "Кто что сажал, то и вырастет" (Б. 2137), "Чево на землю не падет, тово земля не подымет" (С. I. 2589), "В бороздах жито ниско растет" (Б. 564) и многие другие, сложены теми, кто каждодневно сталкивался с тяжким крестьянским трудом. Как итог многолетних наблюдений крестьянина над своим трудом и его результатами звучит популярная пословица: "Не посеяв – не пожнешь!" (Т. 858; ср.: Б. 3297) или "Каково засеяно, таково и взойдет!" (Б. 1669). Интересна пословица, сравнивающая деньги с сеном – она сложена, несомненно, крестьянами: "В копнах – не сено, а в долгах – не деньги" (С. I. 479; ср. другой вариант: "В кобалах – не деньги, а в копнах – не сено" – С. II. 177). Давние наблюдения земледельца отобразились в пословице: "Репу да горох не сей подле дорог" (С. I. 2072; ср.: О. 290), потому что "Завидно в поле горох да репа" (С. I. 1027; ср.: БАН. 162, 682; О. 56, 291); варианты XVIII в. несколько пространнее: "Обидны в поле горох да репа, а в мире – вдова да девка" (Т. 592; ср.: Р. 565) или "Горох да репа в поле, а вдова да девка в людех – не без обиды" (Т. 230; ср.: Б. 831), "Горох да репа – обидное семя" (Т. 229; ср.: Б. 880). Особенно много среди крестьянских пословиц тех, которые связывают изменение в погоде с ожидавшимся увеличением урожая ("Идет дождь, несет он рожь" – С. I. 1168), которые дают оценку природным явлениям в зависимости от того, какую пользу могут они принести крестьянину при уборке урожая ("Не хвали ветра, не извеяв жита" – С. I. 1730). Снова и снова напоминала крестьянская пословица, что только неустанный и тяжкий труд дает нужный результат: "Пашню пашут – так руками не машут" (С. II. 557) или "Покиня шашни, принимайся за пашню" (С. I. 1904).

Среди крестьянских по происхождению пословиц много таких, которые говорят о тонкостях крестьянского труда, известных лишь тем, кто сам, например, непосредственно участвовал в сенокосе ("Косу острят – на траву смотрят" – С. I. 1312 – или "Пробить коса – осохнет роса" – С. I. 1940; "Косу острят на траву, а меч – на главу" – С. I. 1294), в жатве ("Сеют начаяся, а веют сличаяся" – С. I. 2202; "Жни, баба, пшаницу, жди пироги" – С. I. 887; "Сей хлеб в ненастье, а собирай в ведро" – Т. 1189; ср.: Б. 4120), кто видел и знал зависимость урожая от посадочного материала ("От доброва корени и отрасль добра" – С. I. 2512), от подготовки земли ("Какова пашня – таково и брашно" – С. I. 1235; ср.: С. I. 1877) и т.д. Этот изнурительный труд: "Сено семерых съело" (С. I. 2191), "Жать ячмень – нагибаться" (С. I. 922) – противопоставляется тем, кто нерадиво относится к своим хлеборобским обязанностям: конечно, "Редко сеять – легко веять" (С. I. 2074).

Весьма выразительны крестьянские пословицы, в которых образы сельскохозяйственного труда применялись для выражения общемо-ральных понятий. "Когда будет репа, тогда и мера" (С. I. 1373), – говорит пословица о последовательности действий, а зависимость результата от предшествовавших действий выражается образом жатвы: "Каково веет-ся, таково и мелется" (С. I. 1328).

Итак, многие крестьянские пословицы не только отображали в художественной форме труд земледельца, но и со временем приобрели более общий смысл, а художественные образы, связанные с сельскохозяйственным трудом, стали применяться для выражения общеморальных понятий. Таков художественный образ сева – важнейшей земледельческой операции: "Каково кто сеял – таково и пожнет" (С. I. 1228; ср.: С. I. 1378) или "Сеяй скупостию, пожнет скудостию" (С. I. 2216). Понятно, что пословица говорит не только о связи урожая с посевом, это и общее нравоучение, приложимое к любой сфере деятельности человека. "Рожь да пшеница годом родится, а верен друг всегда пригодится" (С. I. 2032; ср.: С. II. 623; О. 249; Р. 664) – это не просто наблюдение над непостоянством урожая, а в первую очередь напоминание о необходимости беречь дружбу. "Жнут поле в пору" (С. I. 913) – замечание крестьянина о необходимости соблюдения сроков жатвы могло употребляться в переносном смысле в самых разнообразных житейских ситуациях. "Новый друг – что неуставной плуг"^{4*} (С. I. 1735) – это сравнение крестьянского происхождения приобрело более общее значение и стало общенародным достоянием, хотя, как и предыдущие пословицы, сохранило в своем содержании память о породившей его среде.

Фольклористы правы: подобные общенародные пословицы воспринимаются нами сейчас в отрыве от той среды, что их породила. Популярная и в наши дни пословица "Сама ся раба бьет, что не чисто жнет" (С. I. 2156; ср.: Б. 3904; Р. 701) – чисто крестьянское наблюдение, ставшее пословицей, в образной форме воспитывающей в человеке навыки честного отношения к труду. "Красно гумно стогами, а стол пирогами" (С. I. 1342; ср.: Б. 1985) – и в этом изречении мы видим зависимость сытой жизни от неустанного земледельческого труда. Как много чисто житейской наблюдательности в пословице "Всякий гриб поднимают, а не всякой в лукошко кладут" (С. I. 475)! Примеров подобного рода можно привести очень много. Как итог размышлений над ролью труда в жизни звучат пословицы: "Только трудами до славы достигают (П. 175)", "Труда не терпев в чести не будет" (П. 341), "без труда ничего не получишь" (П. 340). Только труд приносит достаток: "Не поле кормит – нива" (Т. 856; ср.: Б. 3286). Труд приносит не только достаток, но и почет, уважение: "Чести без труда не сыскать" (Б. 4510).

Иногда содержание пословицы не дает достаточных оснований для установления именно крестьянского ее происхождения, тогда приходится ориентироваться на косвенные признаки. Вот, например, пословица: "Прасол с мясом, а наши всегда без каши" (С. I. 1889) – "наши" – это могут быть любые труженики, в том числе и крестьяне, для которых знакомство с прасолами (т.е. гуртовщиками, скупщиками либо перекупщиками мяса) было обычным и естественным: прасолы скупали мясо именно по деревням. "В сусеке – мак, а в другом – так, а в третьем – ничево" (С. II. 955) – пословица не содержит прямых указаний на крестьянское

^{4*}Т.е. плуг, который еще не отрегулирован, не установлен и которым поэтому трудно поднимать землю.

происхождение, однако слова "сусек" (т.е. заком, отгороженный ларь в амбаре для хранения хлеба) было распространено преимущественно в крестьянской среде. (Ср. пословицу: "Не то хлеб, что в поле, а то хлеб, что в сусеке!") Именно крестьянин мог употреблять эти и подобные им пословицы, реально оценивая результаты своего нелегкого труда и повторяя популярную в XVII–XVIII вв. пословицу: "Привыкай, коровка, ко ржаной сололке!" (С. I. 911; ср.: С. II. 545; БАН. 743; О. 126).

Эта безысходность крестьянской жизни, полная зависимость быта земледельца от урожая нашли свое образное выражение в пословице: "На што было женитца, коли рожь не родится" (С. I. 1742; ср.: С. II. 415), – подчеркивающей, что даже создание новой семьи обусловлено результатами тяжелого крестьянского труда. Хлеб – вот единственное достояние крестьянина, цель его стремлений в жизни: "Овин горит, а мужик молотит, инова просит" (С. II. 491). Крестьянин так привык к своему горькому хлебу, что выразил это в пословице: "То не беда, что во ржи лебеда" (С. I. 2251)! Жить крестьянину можно было, лишь не теряя надежды на урожай: "Орать пашню – купить квашню" (С. I. 1870).

Вопросы авторства фольклорного произведения принадлежат к числу наиболее сложных и неразработанных. Конечно, единственным и бесспорным автором устного народного творчества является сам трудовой народ. Отличительные черты фольклора – безымянность и коллективность исполнения, постоянное изменение текста в процессе бытования. Поэтому речь может идти лишь об установлении той сословно-профессиональной среды, в которой возникло первоначально то или иное произведение устного народного творчества. Цель настоящего раздела – попытка доказать, что основная часть дошедших до нас пословиц XVII–XVIII вв. возникла в среде трудового народа, воспевала труд и на образах труда, рукоделья, мастерства воспитывала высокие моральные чувства.

Проблема авторства пословиц включает в себя и вопрос о том, что было привнесено в пословицу извне – из книг (главным образом, религиозно-поучительного характера), из устных проповедей церковников и, наконец, со стороны феодалов. Этот вопрос давно уже волновал исследователей. Действительно, в громадной массе народных пословиц находят такие, которые были созданы правящим классом, отражали его идеологию. Были среди них и созданные самими крестьянами в духе процаристской идеологии – общеизвестно, что вера в "добротого царя" в среде угнетенных слоев просуществовала вплоть до 1905 г.

Эти царистские иллюзии возникли вполне закономерно: они были связаны с образом народного заступника – царя, олицетворявшего абсолютную власть и выступавшего против феодального гнета. Народ создал в своем творчестве образ "законного", "подлинного", "настоящего" царя-защитника от эксплуататоров-помещиков. Когда же народ сталкивался с самодержавной властью и убеждался, что царь поддерживает бояр и дворян, то в народном сознании возникала мысль, что либо "настоящий" царь окружен врагами, либо он подменен. Отсюда и самозванчество⁸⁸.

Нам нередко приходится сталкиваться и с таким случаем, когда власть предрержащие стремились использовать народную пословицу в

своих целях. Пользуясь многозначностью пословицы, ее способностью к иносказанию, крепостники переиначивали народные выражения, переосмысливали их. Старая народная пословица "Посади свинью за стол, она и ноги на стол" была ими обращена в пословицу о мужике-крестьянине. В среде феодалов возникли пословицы: "Из хама не сделаешь пана", "Холоп на господина не доказчик", "Душа божья, тело – государево, а спинка – барская" и многие, многие другие.

Особенно много пословиц, восхваляющих царя и Бога. "Бога бойся, а царя почитай!" (С. I. 317) – вот главная идея этих пословиц. "У Бога всего много, все близко" (О. 566) – вот чему учила православная церковь. Пословицы прославляют царский суд ("Суд царев – суд божий" – С. I. 2119; ср.: О. 344) и службу царю ("За Богом молитва, за государем служба не пропадет" – БАН. 299), добавляя при этом, что "Царю служат – о домех не тужат" (С. I. 2546; ср.: О. 696). Пословицы подобного толка прославляют царских слуг: "Царевы слуги не жалеют ноги" (С. I. 2562; ср.: О. 713); при их помощи царь мудро управляет государством: "Царь благими воеводы смиряет мира невзгоды" (С. I. 2564; ср.: О. 715). Именно поэтому царь получает от народа одну благодарность. "Царя не всяк видит, а всяк за него Бога молит" (С. I. 2544; ср.: О. 694). В этих пословицах царь сравнивается с солнцем: "При солнце тепло, а при государе добро" (С. I. 1967; ср.: С. II. 567; О. 184); в них подчеркивается верность крепостного крестьянина своему помещику ("Верен раб – и господин ему рад" – БАН. 146; ср.: С. I. 443; С. II. 40; Т. 134), а, с другой стороны, ласковость крепостника ("Ласковой господин двоих раб держит" – С. I. 1437), его высокие моральные качества ("Честен перстень у дворян на руке" – С. I. 2610) и проч.

Вместе с прославлением царя и его верных слуг в народную пословицу проникали изречения, принижающие труженика, изображающие его самыми неприглядными красками: "Раб госпоже – что мед на ноже" (БАН. 767; ср.: С. I. 2027; С. II. 244; Т. 688) или "Меха не надуть, а смерда не научить" (БАН. 482; ср.: С. II. 354; Т. 462). Это из уст крепостника вышла пословица "Еловый пень – неотродчивый, а смердей сын – непокорчиво[й]" (С. I. 839). Возможно, что именно феодал высказал мысль: "Бедной в нуже – что жаба в луже" (С. I. 249) – или так оценил состояние труженика: "Крестьянская кость до собачьим мясом обросла" (С. I. 1380). Это господствующий класс породил и распространял пословицы: "Холопей ответ, будто ничево нет" (С. I. 2478; ср.: О. 67) и "Мужик – деревянная рогатина" (С. I. 1571). Презрение к подневольным породило такие пословицы о них, как "Где смерд думал, тут Бог не был" (БАН. 169), "Мнит убог в гордости место обрести" (С. I. 1496), "На овчине сидит, а про соболей сказывает" (С. II. 1136), "Мужика хоч три дне вари в рассоле, а он еднок сыростью смердыг" (З. 548). Желание унижить крестьянина слышится в пословицах: "Ел смерд блины, да засалил брилы^{5*}" (С. I. 2750), "Назови крестьянина братом, он [по]хочет на стол и ноги положить, и отцом

^{5*}Т.е. губы.

быть" (БАН. 592), "Выдряной пух – что смердей дух" (С. II. 155; Т. 145), "Не бей мужика кнутом, бей его рублем" (С. I. 1791).

Особенно много в пословичном материале XVII–XVIII вв. пословиц церковного происхождения. Это вполне понятно, в массе своей крестьяне были религиозными людьми, регулярно ходившими в церковь и с рождения верившими в спасительную силу церкви: "Ангел в правде помогает, а бес лжею подстрекает" (Т. 1). В крестьянской среде активно бытовали многие нравоучительные афоризмы из Ветхого и Нового заветов, поучений отцов церкви и особенно из Псалтири.

Причины этого ясны. Ведь церковь много веков укрепляла в сознании своих прихожан мысль о благотворном влиянии православия на культурное и национальное развитие русского народа. Нельзя, конечно, отрицать того, что церковь активно содействовала государственному становлению Руси, была одним из защитников и хранителей духовных ценностей русского народа. Несомненна и связь деятельности церкви с отечественной культурой. Принятие христианства на Руси содействовало развитию русской литературы, а духовная культура, существовавшая и ранее, была оплодотворена новыми идеями, стала более успешно развиваться и расти⁸⁹.

Церковь издавна выделяла религиозность русского народа в целом и русского крестьянина в особенности. Православная церковь стремилась отыскать в прошлом весомые доказательства "врожденного боголюбия" русского человека, его "инстинктивной тяги" к благолепию православной церкви, укоренившегося глубокого и искреннего почтения к Богу, святым иконам и проч. Однако откуда же тогда появилась необходимость применения строгих мер в отношении богохульников? Для кого же тогда предназначались строгие указы типа: если иноземец или русский человек "возложит хулу на господу Бога и спаса нашего Христа... на Богородицу... или на честный крест, или на святых его угодников... того богохульника, обличив казнить, сжечь". Чем объяснить большое количество дел "о богохульстве"⁹⁰?

Известно, что мировоззрение лучших представителей передовой общественной мысли России XVIII в. М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева складывалось в русле деизма, а русские революционеры-демократы Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов связывали атеизм с задачами антикрепостнической борьбы. Вспомним знаменитое письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю или высказывания последователей революционных демократов И.А. Худякова, И.Г. Прыжова и др.⁹¹ Однако критика православно-христианской концепции в этом вопросе велась, как правило, с философско-атеистических позиций и в основном на материале XIX–XX вв., когда антицерковные взгляды русского народа стали проявляться и ярче, и последовательнее. Исторические же корни отношения русского народа к религии и церкви вскрыты еще недостаточно. Особенно мало работ, раскрывающих взгляды трудящихся масс средневековья на церковь, что объясняется как скудостью сохранившихся источников, так и недостаточностью внимания исследователей к этому важному и острому вопросу.

Связь духовного мира средневекового человека с религиозной идеологией не была однозначной. В мировоззрении средневекового труженика самым причудливым образом переплетались пережитки дохристианских, еще языческих, верований и убеждений с догматами и нравоучениями христианской религии, вера в спасение души и в вечную жизнь с критикой основных христианских догм. Само народное творчество раннего средневековья, которое является основным историческим источником для раскрытия данной проблемы, изучено пока недостаточно.

Для того чтобы установить истинные границы проникновения религиозной идеологии в сознание крестьянства XVII–XVIII вв., необходимо проанализировать с этой точки зрения весь корпус дошедших до нас пословиц в рукописных сборниках. И здесь сразу же выявляется, что в количественном отношении подобные пословицы книжного религиозного происхождения составляют весьма незначительный процент от общего числа записей пословиц XVII–XVIII вв., они довольно легко выделяются из корпуса русского пословичного материала того времени. Но и они требуют внимательного к себе отношения и строгого источниковедческого анализа.

Сам этот факт давно уже известен в науке. Исследователи обратили внимание на то, что в старинных записях пословицы религиозного содержания сохранены сборниками пословиц частично в неприкосновенном виде или в переработанном народом на свой лад и приспособленном к своим целям, зачастую весьма далеким от тех, которые преследовали первоисточники этих изречений.

Дореволюционные собиратели и исследователи фольклора нисколько не сомневались в том, что само наличие религиозных пословиц в старинных сборниках подтверждает исконную религиозность русского народа и особенно русского крестьянина, свидетельствует, какой высокий и искренний пиетет питает он Богу, святым, апостолам, к обрядности православного вероисповедания, к книгам Ветхого и Нового заветов⁹².

К сожалению, среди довольно большого количества работ, посвященных атеистическим взглядам русского народа, нет таких, которые глубоко и доказательно излагали бы и объясняли саму причину появления религиозных пословиц в старинных рукописных сборниках пословиц, которые давали бы источниковедческий анализ этих пословиц и тем самым решали бы вопрос о роли и месте религиозных воззрений в сознании русского крестьянина. Не ставя своей целью окончательное решение этого сложного и многопланового вопроса, выношу на рассмотрение некоторые наблюдения над религиозными пословицами, бытовавшими в среде русского крестьянства XVII–XVIII вв. и, главное, изменявшимися в этой среде в процессе бытования.

Православная церковь, борясь с язычеством, усиленно насаждала среди своих прихожан образ всевидящего и всезнающего Бога, устрашала картинами Страшного Суда, внушала понятия греха, искупления грехов. Отлучением от церкви она грозила тем, кто не выказывал покорности власти предрежащим. "Несть власти, аще не от Бога" – учила церковь, воспитывая терпение и покорность. "Блаженны нищие духом" – таков

один из давних постулатов христианства. С амвона непрестанно звучали поучения, проповедующие покорность князю и церкви. А вот "на долю человека христианство оставляло пассивное созерцание всеильного Бога и ожидание лучшей жизни за гробом"⁹³.

Особое внимание было уделено религиозному воспитанию детей. Обучение грамоте в допетровской Руси и в XVIII в., как известно, проводилось главным образом по так называемым "прописям" и азбукам, составленным, как правило, самими священниками⁹⁴. Вот, например, одна из многих "певчих" азбук XVII в. По ней дети обучались церковному пению. Начинается она со славословия Богу-царю:

Пойте Богу нашему, пойте,
Пойте цареви нашему, пойте,
Яко царь вся земля — Бог!

Или вот, например, какие поучения предлагалось списывать обучающимся грамоте на буквы А, Б и В:

Аз есмь Бог, всему миру свет.
Бог есть прежде всех,
Видя бо всю тайну человеческу...

Как общий итог путей познания преподносилась в азбуках церковная мудрость: "Не ищи, человеце, щедрости, ищи, человеце, кротости: аще обрящещи кротость, и одолеши мудрость"⁹⁵.

Собиратели пословиц, составители рукописных сборников XVII–XVIII вв. были, конечно, людьми грамотными: ведь среди них мы встречаем таких высокообразованных людей, как историк В.Н. Татищев, архивариус библиотеки Академии наук А.И. Богданов⁹⁶, ректор латинской гимназии И.В. Паус и др. Безусловно, они не могли пройти мимо таких библейских слов и выражений, которые давно уже оторвались от текста Священного писания и стали фактом живого разговорного и литературного языка. Вот примеры подобных речений: "Не рой ямы другому, сам в нее попадешь" (Псал. VII, 15–17; Притч. XXVI, 27); "Кость от кости, плоть от плоти" (Быт. II, 23); "Краеугольный камень" (Исайя. XXVIII, 16) "Книга за семью печатями" (Апокал. V, 1–5); "Зеница ока" (Псал. XVI, 8); "Козел отпущения" (Левит. XVI, 10); "Не хлебом единым" (Второзаконие. VIII, 3); "Перековать мечи на орала" (Исайя. II, 4); "В чужом глазу сучек видим, а в своем бревна не замечаем" (Еванг. от Матфея. VII, 3); "Да минует меня чаша сия" (Еванг. от Марка. XIV, 36) и многие другие. Уже в XVII–XVIII вв. эти и подобные им изречения не воспринимались в народе как "божественное" или евангельское, либо библейское поучение. Это была обычная образная языковая форма, афористичная и всем понятная. Библейское либо евангельское происхождение подобного рода выражений давно уже было забыто. Они и по сей день бытуют в нашем языке, и лишь специальные словари помогают нам установить их исторические корни⁹⁷.

Многие церковные поучения, особенно из псалмов, притч и посланий, близкие к афористической форме, были усвоены народным сознанием. Они были творчески обработаны в процессе бытования, приняли емкую пословичную форму, но в своем содержании сохранили еще связь с цер-

ковным первоисточником. Вот несколько примеров:

Народные пословицы

Его же любит Бог, того и наказует (С. I. 810).

Начало премудрости страх господень (С. I. 1631).

Гордым Бог противитца, а смиренным благодать дает (БАН. 175; БАН. 153; С. I. 556).

Не сыпь бисера перед свиньями, да не попрут ево ногами (С. I. 1645).

Книги Священного писания

Ибо кого любит господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему (Притчи Соломона. III, 12).

Начало мудрости — страх господен (Псалм. СХ, 10).

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Послание Иакова. IV, 6).

Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими (Еванг. от Матфея. VII, 6).

Обратим внимание на то, как творчески относится народ к подобного рода поучениям: они существенно сокращаются, приобретают ритмическую форму, редкое, "жемчуг" заменяется привычным "бисер" и т.д. В то же время пословица сохраняет в своем содержании тот источник, из которого она произошла. Вот примеры подобного рода:

Царево сердце в руке божьей (С. I. 2545).

Даст Бог утро и день, даст Бог и пищу (С. I. 682).

Несть человека без порока (С. II. 405).

Сердце царя — в руке господя (Притч. XXI, 1).

Очи всех уповают на тебя, и ты даешь им пищу их в свое время (Псалм. СХIV, 15).

Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил (Екклез. VII, 20).

Дальнейший этап бытования пословицы религиозного происхождения — это полная ее трансформация, изменение не только по форме, но и по содержанию. Вот примеры:

По нужде и закону премена бывает (БАН. 751).

Кинь хлеб-соль за собою, и объявится перед тобою (С. I. 1812).

Всяк человек — ложь, а мы — то ж (С. I. 374).

Готов у Бога меч грешников сечь (С. I. 605).

Обет Богу дать — вскоре исполнять (С. I. 1851).

Христос все видит, хто кого обидит (С. I. 2441; 291).

Потому что перемену священства необходимо быть и перемене и закона (Послание к евреям. VII, 12).

Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его (Екклез. XI, 1).

Я сказал в опрометчивости своей; всякий человек — ложь (Псал. СХV, 2).

И если кто обращается от праведности к греху, господь уготовит на того меч (Сирах. XXVI, 26).

Когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что он не благоволит к глупым: что обещал — исполни (Екклес. V, 3).

На всяком месте очи господни, они видят злых и добрых (Притч. XV, 3).

Пословицы последнего типа наиболее сложны в источниковедческом плане. Ведь наличие общей идеи, общего нравственного настроения в пословице и в каком-либо изречении из книги Священного писания вовсе не обязательно предопределяет, что пословица ведет именно от нее свое происхождение. Это – сложный вопрос, связанный с проблемой соотношения религии и культуры. Известна давняя способность религии к духовной мимикрии, умение приспосабливаться к моральным устоям и принципам трудового люда и в последующем применять его запросы и чаяния к своим целям. Это явление мы наблюдаем и в пословице: давние моральные требования трудящихся масс, уходящие своими корнями еще в первобытность, были подхвачены христианской религией, усвоены ею и в дальнейшем объявлены порождением православия. Общность нравственной идеи стала выдаваться за генетическую зависимость народной морали от христианской религии. А многочисленные комментаторы клерикального толка, соединяли русскую народную пословицу – краткую, емкую, ритмически организованную – с близкими по теме и идее соответствующими текстами священного писания! При этом, естественно, игнорировались своеобразие и неповторимость художественной формы пословицы, национальная специфика ее языка, а идентификация основывалась лишь на смысловой близости.

Один из примеров подобного комментирования – книга И.И. Сирота "Параллели", где автор ставит задачу доказать прямое влияние "библейского мировоззрения на русскую народную мудрость" и называет "источники пословиц и поговорок, библейское происхождение которых представляется, несомненным или, по меньшей мере, весьма вероятным"⁹⁸. И вот к каким выводам он приходит:

Видна печаль по ясным очам, кручина – по белу лицу.

Аптека не лечит, так калечит.

Старших и в Орде почитают.

Не люби потаковщика, люби поперешника.

Учение – свет, а неучение – тьма.

Не бойся богатых гроз, а бойся убогих слез.

Веселое сердце делает лицо веселым, а при сердечной скорби дух унывает (Притч. XV, 13).

Кто согрешает пред сотворившим его, да впадет в руки врага (Сирах. XXXVIII, 15).

Перед лицом седого вставай и почитай лицо старца (Левит. XIX, 32); Не пренебрегай человека в старости его, ибо и мы стареем (Сирах. VIII, 71).

Обличающий человека найдет после большую приятнь, нежели тот, кто льстит языком (Притч. XXVIII, 23).

Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою (Екклез. II, 13).

Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что господь вступится в дело их и восхитит душу у грабителей их (Притч. XXII, 22–23).

Надо ли доказывать, что все эти доводы о "заимствованных" из Священного писания русской пословицей тех или иных нравственно-этических поучений либо попросту житейских наблюдений искусственны, а сходство речений порождено сходством условий жизни людей. Возьмем последний из приведенных примеров: в притче говорится о том, что господь защищает несчастного бедняка, а в пословице, наоборот, подчеркивается его активная роль, сила, способность постоять за себя, не надеясь на помощь свыше. Ведь не случайно именно эту пословицу включил в свой "Самоучитель для начинающих обучаться грамоте" И.А. Худяков⁹⁹, увидевший в ней материал для революционного воспитания! Кроме того, давние экономические, политические и культурные связи народов между собой способствовали широкому распространению одних и тех же пословиц и поговорок у самых разных народов, нередко весьма далеко расположенных друг от друга. Например, одна и та же пословица "Рука руку моет" встречается в латинском языке (*Manus manum lavat*), немецком (*Eine Hand wäscht die andere*), французском (*Une main lave l'autre*), итальянском (*Se una man lave l'altera*), английском (*At court one hand will wash the other*) и т.д., но из этого никак нельзя еще сделать вывод, что наша пословица заимствована из какого-либо языка, а не возникла самостоятельно. То же самое можно сказать и о различных поговорках типа "Кот в мешке", которые звучат почти идентично в языках других народов¹⁰⁰.

Из сказанного вовсе не следует, что книги Священного писания не оказали никакого влияния на русскую пословицу. Многовековое господство церкви не прошло даром. Многие библейские поучения вошли в народную пословицу, и она свободно, раскованно использует христианскую тематику. Особенно много пословиц об Адаме и Еве – мифических прародителях рода человеческого: "Адам привычон к бедам" (С. I. 79), "Адам сотворен, и ад обнажен" (БАН. 3), "Адамова лета с начала света" (П. 37; ср.: БАН. 5; С. II. 17; Т. 37), "Адам прельщен женою, а жена – змиею, а оба вон из рая изгнашася" (БАН. 4), "Адаме, Адаме, ты согрешил, наши сердца сокрушил" (С. II. 3; ср.: Т. 23), "Умре Адам, быть там и нам" (О. 538), "Адам прельстился – что з горы скотился" (С. I. 143), "Ай, ай, Адам, грех сотворил" (С. II. 10, 12), "Адам зло сотворил и рай отворил" (С. I. 15; ср.: С. I. 2; БАН. 3), "Женою Адам из рая изгнан" (С. I. 1010). Как итог высказываний об Адаме звучит пословица, свидетельствующая о несомненной начитанности ее автора в книгах Ветхого завета: "Адам да Авраам женами славны: един смехом, а другой – грехом" (С. I. 3; ср.: книга Бытия. XVIII, 2).

Ветхозаветный патриарх Аврам (позднее – Авраам), его жена Сара, наложница Агарь, племянник Лот и многие библейские персонажи также вошли в русские религиозные пословицы. Правда, подобные пословичные речения с библейскими именами не несут в себе моральной функции – они, как правило, просто пересказывают библейский сюжет, ни мало не заботясь о воспитательной, дидактической роли (ср., например: "Аврааму отец Фара, а жена ему Сара" – С. I. 4; "Авраам, оставя дом, молился за Содом" – С. I. 6; "Авраам гулял по горам, а Адам крылся по норам" –

С. I. 16; С. II. 15; Агара^{6*} не гогара: исстари она славна” – С. I. 81). Равным образом лишены нравственно-воспитательной функции и те пословичные речения, в которых фигурируют имена библейских пророков (ср.: ”Агей-пророк – не всякому порок” – С. I. 66; ”Еноху обличати – и Илье не молчати” – С. I. 812; ”Данила в рове убоился львоуе” – С. I. 764 и др.). Мы найдем в пословицах отголоски легенд об Иосифе Прекрасном (С. I. 1208) и египетском плене (С. I. 2379), о Лоте (С. II. 341) и Ионе (С. I. 286; С. II. 94), Ахаве (С. I. 22) и апостолах Павле и Иуде (С. I. 2686; 1205–1207), но форма и содержание всех этих изречений явно выдадут их книжное происхождение. Встречаются они в сборниках пословиц, как правило, в одном-двух случаях, равно как и упоминания о так называемых ”святых местах” – Афонской горе (С. I. 135), Синайской горе (БАН. 433), Фавор-горе (С. I. 2380), Вавилонской печи (С. I. 396) и Палестине (С. II. 107).

Эти и подобные им изречения так и не стали народными пословицами. Они не получили нравственной глубины, дидактического смысла. В них нет и веками отточенной художественной формы, яркой запоминающейся рифмы, как в пословицах, например: ”Били Фому про куму, а Трошку – про кошку” (С. I. 247) или ”Агей пшеницу вей, а у Ипата широка лопа-та” (С. I. 146). Ну, что, например, пословичного в таких изречениях: ”Обрете Филип Нафанаила” (С. II. 486) или ”Жена Олоферну голову отсекла” (С. II. 285)? Отсутствие высокой художественной формы подобных речений – убедительное свидетельство того, что народ не принял их, не усвоил, не переработал – они так и остались памятником церковной книжности, внесенным в сборник народных пословиц составителями – людьми и грамотными, и сведущими в церковной литературе.

Каковы были пути проникновения религиозных изречений в русскую пословицу? Во-первых, сами книги Ветхого и Нового заветов, но не только они. Сборники изречений, широко бытовавшие в древнерусской книжности (Пчела, Менандр, ”Разумения единострочные”, азбуковники, апофегматы и т.д.)¹⁰¹, включали в себя большое количество афоризмов из Псалтири, поучений Соломона, Иисуса сына Сирахова, цитаты из евангелий и апостольских посланий. Поэтому в старинных сборниках пословиц и встречаются церковные поучения. Составители сборников пословиц стремились начинать их перечень по алфавиту, как правило, с изречений ”божественных”. Так, сборник С. I: на букву ”А”: ”Аще бы не Бог, кто бы нам помог” (С. I. 1); на ”Б”: ”Бог есть благ; Бог любит смирение; Богат Бог милостью; Бог свое содевает” (С. I. 151–154); на ”Г”: ”Господь гордым противится, смиренным же дает благодать” (С. I. 556) и т.д. В то же время в количественном отношении книжные афоризмы составляют лишь незначительную часть пословиц в старинных сборниках¹⁰².

Весь изложенный выше материал должен, по замыслу автора, еще раз проиллюстрировать всю сложность решения вопроса об авторстве пословиц. Народ не просто включал в свой пословичный материал книжные афоризмы, нравоучения Псалтири или поговорки царей (известно, что выражение ”Все божье и государево!” принадлежит царю Ивану Грозно-

^{6*}Т.е. Агарь.

му). Стихия народного языка творчески перерабатывала свои источники. И все же в более позднем сборнике пословиц В.И. Даля зафиксированы лишь очень немногие приведенные выше ненародные по своей идее пословицы.

Проблема выделения ненародных речений из общего корпуса пословиц сложна еще и потому, что противоречивым было и само народное мировоззрение, в котором идеи борьбы за свободу прекрасно уживались с проповедью невмешательства ("Моя хата с краю...") и покорности ("Помолчи боле, проживешь доле"). Известный авторитетный исследователь древнерусской литературы В.П. Адрианова-Перетц писала: пословицы в сборниках XVII–XVIII вв. "широко отразили и противоречивость мировоззрения устной поэзии и разнородные влияния на это мировоззрение, которые шли от господствующего класса и его внутриклассовых групп в отношении к проблемам общественной и частной жизни"¹⁰³.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ДУХОВНОГО МИРА
РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА
XVII–XVIII ВЕКОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОСЛОВИЦЕ

В силу специфики жанра пословица тяготеет к обобщенной характеристике описываемых явлений. Поэтому социальные отношения в ней выступают главным образом посредством противопоставления таких полярных понятий, как богатство – бедность (или богатый – убогий), правда – кривда и т.д. При этом богатый вовсе не всегда равнозначен термину феодал или боярин, барин – речь идет о богатстве вообще как о типичном признаке правящего класса и о бедности (нищете, убогости и проч.) как отличительном признаке угнетенных и в первую очередь – крестьян. Пословица в данном случае важна для нас потому, что в XVII–XVIII вв. она, как и фольклор в целом, выражала отношение крестьян к социальной несправедливости, пусть даже в предельно обобщенной форме... Стремление понять сущность социального неравенства между людьми мы находим во многих произведениях народного творчества, но ярче всего оно проявилось все же в пословице.

Устное творчество крестьян было практически единственным воплощением их социального сознания, социальных настроений и представлений, выраженных в художественной форме. Поэтому так важно и интересно для нас в этом плане изучить крестьянскую оценку жизни земледельца и его труда в XVII–XVIII вв., выяснить крестьянские идеалы в этой области и показать, насколько они отличались от реальной действительности, с одной стороны, и как они в скрытой форме выражали социальный протест крестьянства – с другой. Констатация несправедливости – это нельзя забывать! – есть первая форма социального протеста¹.

Дошедшие до нас крестьянские пословицы XVII–XVIII вв. явственно свидетельствуют о том, что крестьянин того времени уже понял основное противоречие эпохи: одни работают, а другие живут плодами их труда. "Ржи много в поле, да нам нет доли" (С. I. 2060; ср.: О. 276) – так образно оценила пословица невозможность для крестьянина воспользоваться результатами своего труда. Сравни также: "Ори^{1*} до тины, а ешь мякины" (С. I. 1827; С. II. 496; ср.: О. 42). Видимо, нельзя считать случайностью, что народная пословица использует и в этом случае образы, связанные с крестьянским трудом: именно крестьяне – этот самый многочисленный отряд трудящихся феодальной эпохи – в большей степени испытывал на себе гнет помещиков.

^{1*}Орать, т.е. пахать.

Коллизия *богатый – бедный*, столь характерная для устного народного творчества вообще, имеет, безусловно, общенародное значение: она свойственна не одним только крестьянам, а трудящимся массам в целом, – но ведь в том числе и крестьянам! И в их среде могли бытовать пословицы, порожденные долголетним опытом подневольного человека. Такова одна из самых популярных пословиц того времени: “С сильным – не борись, а з богатым – не тяжись” (С. I. 2121; ср.: БАН. 780; О. 346; З. 384; Т. 1239; Б. 4133; Р. 677), потому что “За богатым не угоняешься” (БАН. 304; ср.: Т. 395; Р. 677). Вероятно, сама жизнь XVII–XVIII вв. – периода разрушения феодальных и зарождения новых, капиталистических отношений – породила пословицы, подчеркивающие силу денег (“У рака мочь в клешне, а у богатова – в мошне” – С. I. 2333; ср.: С. II. 2690; С. II. 596; БАН. 768; О. 526), их возросшую мощь (“Ястреб ловит, что хочет, а богат купит, что может” – С. I. С. 2776). Интересно проследить, с кем сравнивает крестьянин богача. Ну, прежде всего, с животными, с которыми он часто встречается в жизни – с быком (“Мужик богатой – что бык рогатой” – БАН, 478; ср.: С. II. 388; Б. 106, 2770; Р. 272), с собакой (“Мужик богат – ему добро, собака кудлат – ему ж тепло” – З. 650; ср.: П. 249; Б. 4092; Р. 599), с оленем (“Богатой – что олень рогатой: в тесные врата не пройдет” – С. II. 292), с ястребом (см. выше), и т.д. Но не только с ними – в крестьянское сознание вошел и образ экзотического для него зверя – льва – ср. пословицу “Богат силен, что лев” (С. I. 255). Пословица передает силу богатства: “Буду богат – буду рогат: кого захочю – того избуду” (С. I. 311; ср.: С. I. 242; ср. варианты XVIII в.: “Был я рогат, когда был богат” – Б. 293; “Будешь богат, будешь и рогат” – Т. 81).

Крестьянин явственно осознавал, что не всегда богатство дано по заслугам, но – увы! – жизнь подсказывала ему, что “Коли богат – то всем брат” (З. 487). Нередко приходилось труженику сталкиваться с тем, что не всегда богатый человек был наделен от природы умом, но, следуя установившемуся обычаю – встречать по одежке, – он с горестью отмечал: “Богату, хотя глупу, всяк деет место”! (С. I. 259) или “Богата, хоть дурака, всяк почитает” (С. I. 257). Образна украинская пословица на ту же тему: “Коли в кого грош, то всюду завше хорош” (З. 466).

Весьма выразительна пословица, вскрывающая зависимость между богатством и почтительным отношением к тому, кто им владеет; стоит только измениться ситуации – пропадает и уважение: “Как у Сенюшки две денешки, – так Семен да Семен, а у Сенюшки ни денешки – ни во что Семен” (БАН. 326; ср.: П. 261; Р. 825; Т. 414). Крестьянин хорошо осознавал силу денег. Это образно выразили пословицы: “Везде с алтыном господин” (П. 101) и “Без денег – худенек” (П. 265). “З золотым ключем во все двери входит” (П. 330) – так говорит пословица о силе денег, которые важны даже в такой области, как суд: “Тот не боится суда, кто имеет деньги и смелость” (П. 334). И вообще богатому жить легче: “Богатому с полугорем жить” (Т. 39; ср.: Б. 110).

Красноречиво характеризует крестьянская пословица жизнь в услужении у богатого человека: “Охота – боярский двор: стоя дремлют, сидя спят, походя едят, ношки болят, а сесть не велят” (Т. 989; ср.: Р. 443). В

этой пословице слово *охота* употреблено в старом (утраченном в настоящее время) смысле *радость, веселие*: с какой иронией называет крестьянская пословица радостью и веселием тяжкую жизнь на боярском подворье, где даже и посидеть человеку не дают! Поэтому крестьянская пословица и предостерегает слушателей: не стремитесь к богатству! Богатство – при всей его привлекательности для бедного крестьянина – постоянно характеризуется им как потенциальная опасность: "Богатство к случаю – велика помощь, а не к случаю – гибель" (Б. 94); ведь как бы ни был богат человек, он не избежит общего для всех конца: "Богатство человека от смерти не избавит" (Б. 95; ср.: Т. 64), хотя, конечно, "Богатство при нужде опора" (Б. 96).

Интересны те пословицы, в которых говорится о том, что не всякому человеку богатство идет на пользу: "Богатство да не к рукам – ничто есть" (Б. 97); особенно это относится к глупцу ("Богатство глупому не пользует" – Б. 98). С горечью добавляет при этом пословица: "Богатому разум не треба" (Б. 17, прим.). Богатство не принесет счастья и гордецу: "Богатство гордому сугубо зло" (Б. 101). Мало быть богатым, нужно еще быть и счастливым, потому что "Богатый добывает, а щастливый подбирает" (Т. 67). Пословица весьма определенно утверждает: "Щастие лучше богатства" (Б. 4615), так как "Богатство в нещастии расточается, а в щастии собирается" (Б. 99), а ведь "Щастия духовною^{2*} не утвердишь" (Б. 4614). Только то богатство ценно, которое создано праведным трудом: "Богатство неправедное – прах" (Б. 100). Одного богатства еще недостаточно, нужна распорядительность, изрядность: "Богатство, да к нему изрядство" (Б. 102). И пословица делает вывод, полностью соответствующий трудовой крестьянской психологии: "На богатство не уповай" (Б. 2826). В самой обобщенной форме противопоставление богатства и бедности звучит так: "Рубище – не дурак, а золото – не мудрец" (Б. 3784). Давние житейские наблюдения лежат в основе таких пословиц, как "Не насытится око зрением, а ум – богатством" (Р. 371), "Хвастливова з богатым не узнаешь" (БАН. 1057; ср.: Б. 4353; Р. 884).

Но при всей источниковедческой ценности подобных пословиц следует все же заметить, что для характеристики социальных отношений в крестьянском сознании гораздо большее значение имеют те пословицы, в которых дается противопоставление богача и бедняка. Эти сопоставления, как правило, гиперболичны и социально заострены. Так, платье богача приравнивается в пословице к лицу бедняка: "У убогова лицо дери, а на богатом платье – равная обида" (БАН. 1015) или "На богатом платье дери, а на убогом – рожу" (Т. 720). Резкие социальные контрасты звучат в пословицах: "Убогай рад киселю, а богатому и золото в горло не идет" (С. I. 2346; ср.: О. 542) или "Убог камени не гложет, а богат злата не глотает" (С. I. 2339; ср.: О. 534); есть и такие варианты XVIII в.: "Богатой сахар не зоблет – и убогой не камень гложет" (Т. 38) или "Богатый сахар зоблет, а убогой не камень гложет" (Б. 104). Явственно звучат со-

^{2*} Имеется в виду духовная грамота – так на Руси XII–XVIII вв. именовались завещания.

циальные противоречия в сопоставлении убогого с богатым в пословицах: "Богат сидит в пиру, а убог бродит в миру" (С. I. 285; ср.: С. I. 225; С. II. 93; Т. 95) или "Богат шепчет с кумою, а убог – с сумою" (С. I. 284). Иногда *богатый* заменяется в пословице на *сытый*, но исходный смысл противопоставления при этом не меняется: "Сытой голодному может долго казанья казать" (П. 287). Порою термин *убогий* заменяется на *голый*: "У богатога все в масле, а у го́лова и в кашу нет" (С. II. 1146) или "Богат дивится, – чим голь живится" (Т. 37; ср.: Б. 103; Р. 33). Пословица утверждает даже, что "Богатым злато нищих ради" (Т. 60). Судьба богатых и бедняков резко противоположна: "Богат творит как хочет, а убог – как может" (С. I. 184) или "Богатый носит, что хочет, а убогой – что может" (Б. 105; ср.: Р. 20), поэтому "Богатому – телята, а убогому – ребята" (БАН. 78; ср.: О. 496; Т. 40; Б. 111; Р. 852).

Созданная в трудовой крестьянской среде пословица не может отказать себе в удовольствии посмеяться над постоянным страхом богача за свою судьбу: "Богат ждет пакости, а убог – радости" (С. I. 161; ср.: Т. 79; С. II. 72). "Богатой всегда в страхе" (П. 328) – утверждает не без основания пословица. И, как итоговый вывод: "У богатога, скупова несть ни друга, ни сродника" (П. 148). Потому-то крестьянская пословица с явным осуждением говорит о жизни богатея: "Богат, как ильинский сот, а живет, как скот" (Т. 41), делая при этом вполне обоснованный вывод (подкрепленный житейской практикой): "Богатство – скор путь на зло" (Т. 42; ср.: Б. 93). Не случайно пословица учила: "Больше денег – больше хлопот" (Т. 52) или "Деньги делают хлопоты" (Т. 280).

Конечно, ошибочно думать, что, судя по этим пословицам, крестьяне того времени были библейскими бессеребрениками, не знающими ценности денег и отрицающими их роль и место в жизни. Отнюдь нет. "Деньга рубль бережет" (Т. 282) – утверждала пословица, добавляя при этом: "Деньгам – щот, а хлебу – мера" (Т. 283). Это приравнивание денег к хлебу весьма красноречиво, ср. другую пословицу: "Дорог хлеб, как денег нет" (Т. 326; ср.: Б. 1072) – вспомним, что хлеб был для крестьянина мерилom жизненного уровня!

Постоянное и последовательное осуждение богатства как явления и богача как антипода труженика-крестьянина сопровождается в народной пословице трезвым пониманием того, что одно это осуждение ничего в жизни не меняет: "Богатство не хвалят, а ничто ему зделается" (Б. 107; ср.: Р. 14), потому что "Богатого слово в Евангелие кладут, а убогаго – и в азбуку не годится" (Б. 108), поэтому "Богатому все возможно" (Б. 109). Сама житейская практика заставляет крестьянина сделать вывод: "Всякого чтут не по чести – по деньгам!" (Б. 542).

Для пословицы вообще характерен реальный взгляд на положение вещей. Она исходит из давно сложившейся и ставшей уже типичной ситуации, когда отмечает, что "Виноватой платит, а не богатой" (С. I. 474), потому "Бедному везде бедно" (С. I. 250; ср.: Б. 350). Поэтому так скорбен вывод пословицы: "Всякая одежда бедному пристойна" (П. 209). Крестьянин хорошо осознавал, что такое бедность, так как испытал это на своей собственной судьбе. Отсюда печальная по своему звучанию пословица:

”Богатство — дмета^{3*}, а нищета вдвое гнетет” (С. I. 337). Отсюда неизбежная горечь пословицы: ”Бедной не тягается с богатым” (П. 154).

Вообще следует отметить, что бедняк — постоянный персонаж крестьянской пословицы: ”Бедной времени не ищет” (С. I. 162; ср.: Б. 344) или ”Бедному кус — за ломтя место” (С. I. 163; ср.: Т. 80). Бедность — это сила, стоящая над человеком, она не подвластна разуму: ”Бедность безумного во тьму от людей отводит” (Т. 72) или ”Бедности человека научают и мудрости” (Т. 77). Пословица утверждает: ”Бедность и мудрого смиряет” (БАН. 60; ср.: Б. 354). Да, где бедность — там и голод, недоедание, недаром так часто пословица упоминает об этом: ”Голодному хлеб на уме” (БАН. 183; ср.: З. 148; Т. 219; Б. 855) или ”Голодный и патриарх хлеба украдет” (БАН. 168; ср.: Т. 215; Б. 849), ”Голод в мир гонит” (Т. 212; ср.: Б. 857).

Выразительно до горечи сравнение голодного человека с волком: ”Голодной волк и завертки рвет” (Т. 213; ср.: Б. 848). Голодная и холодная крестьянская жизнь заставляла идти нищенствовать (”Где голод, там и холод” — Т. 173), выпрашивать кусок хлеба даже у тех, кто и сам имел его не в избытке, и шли люди на это, ибо ”Голод научит говорить!” (Т. 214; ср.: Б. 858) или ”Проймет голод — появится голос” (Т. 1099; ср.: Б. 863, 3793; Р. 150, 588). Голодный человек на все пойдет, так как ”Голод — не тетка: не терпит” (Т. 217; ср.: Б. 860) или ”Голод — не сосед: от него не уйдешь” (Т. 218; ср.: Б. 861). Поистине ”Голодной укусил бы и камня!” (Т. 220; ср.: Б. 851). Голод в представлении крестьянина — источник многих бед и напастей: ”Голод принудит красть” (Б. 859), ведь ”Голодной разбоя не боится” (Б. 852). Одна забота у голодного — ”Голодной рыщет, хлеба ищет” (Б. 854) или ”Голодной свищет, когда хлеба не сыщет” (Б. 853). Для голодного главное — насытиться, и сытость ассоциируется в пословице с райским блаженством: ”Хлеба край — и под елью рай, хлеба ни куска — и в палатах возьмет тоска” (С. II. 793; ср.: Т. 853, 850; БАН. 364) или ”Как хлеба край — так и под елью рай” (Б. 1882, 5173), либо такой вариант явно антирелигиозного толка: ”На что рай, как хлеба край!” (Б. 3066). ”Много хлеба не докучит” (Б. 2740) — говорил крестьянин, утверждая, что ”Хлеб да пирог и во сне добро” (Т. 840).

Уважение к хлебу — исконная черта крестьянского сознания. Это нашло свое выражение во многих пословицах, посвященных хлебу. Отметим лишь некоторые из них: ”Хлебом люди не шутят!” (Б. 4375), ”Хлеб да соль — всему тому голова” (Б. 4364), ”Хлеба ломоть всего лучше” (Б. 4376), ”Хлеб да капуста лихово не попустят” (Т. 833) и многие другие. Для крестьянской пословицы характерно трепетно-бережное отношение к хлебу как основе жизни: ”Горек обед без хлеба” (С. I. 634) или ”Все добро — за хлебом” (С. I. 438). Без хлеба нет и не может быть веселья: ”Беседа без хлеба ни пригожа, ни угрожа” (С. I. 275), ”Всякая погудка за хлебом добро” (С. I. 491; ср.: БАН. 97). Образно выразила крестьянская пословица полуголодное состояние труженика: ”На удачу мужик хлеб ест” (Р. 315).

^{3*}Т.е. гнет.

Не только пословица, но и безымянный "Плач экономических крестьян", созданный в конце XVIII в., в стилизованной под прошение в небесную канцелярию форме в бесхитростных виршах так живописует полуголодное существование экономических крестьян:

До такой крайности дошли, что нечем одеться,
Не только в праздничный день разговеться;
Работаем и трудимся до поту лица,
Не съедим в христов день куриного яйца,
Едим мякину вместе с лошадьми, —
Какими уж мы можем называться людьми?
Стали убоги мы, нищи,
Что не имеем насущной пищи,
Кроме иной,
Как мякины свиной².

Все эти пословицы о голодной жизни сложились, несомненно, в той среде, где мучительное чувство голода было обыденным, где хлеб да вода были повседневной пищей: "Еще то не беда, як есть хлеб да вода!" (З. 266). Ведь хлеб для голодного — первая еда: "Кто голоден — никогда не скажет, что хлеб худ" (П. 97) или "Голодной ествы не разбирает" (П. 131). Характерен и еще один вывод, который делает крестьянская пословица: "Голод учит жить" (П. 13; ср.: Б. 858). Без хлеба самые богатые хоромы негожи: "Хотя палата бела, да без хлеба скушна" (Т. 1337; ср.: Б. 4459), причем речь идет именно о черном хлебе — главном продукте крестьянского питания в XVIII в.: "Колач хлебу не замена" (Б. 1893) или "Почитай хлеб за колач" (Б. 3739). Показателен в этом плане и раешный стих, помещенный в сборнике пословиц середины XVIII в.:

Все хорошо —
Да не так, как толокно:
Толокно замеси,
Да и в рот понеси.
А где тово лутче,
Как хлеб оржаной:
Решь да ешь! (Ш. 160).

Нищета, голод унижают человека, лишают его чувства собственного достоинства — и это тоже нашло отображение в пословицах "Беден часто ся озирает, хотя и не ево кличут" (С. I. 256) или "Хто худо живет, тот без страха не бывает" (П. 70). Как тяжкий итог горького осознания неизбежного горя крестьянской жизни звучат пословицы: "Нашева горя и топоры не секут" (С. I. 1778) или "Голь об голь как рыба об лед" (С. II. 1050)... Да, "Беда — не дуда: як станет дуть, то аж сліозы идут" (З. 87).

Последняя степень бедности — нищета, и этому широко распространенному в XVII—XVIII вв. социальному явлению посвящены многие пословицы того времени. Нищие — это те, у кого вообще нет ничего, кроме их сумы, и потому "Нищего ограбить — сумой пахнёт" (Т. 928; ср.: Б. 3438; Р. 426, 847), а раз так, то и "Нищей татя не боится" (Т. 929; ср.: Б. 3439). Особенно остро крестьянин ощущал то, что нищета, унижая достоинство человека, приучает его к терпению ("Нужда научит терпеть" — Т. 939; ср.: Б. 3445), смирению ("Нищета мужа смиряет" — Т. 930; ср.: Б. 3440).

Да, нужда – горький учитель: “Нужда научит колочей есть!” (Р. 465), – иронией говорит пословица... Нищих начинают сторониться даже ставшие богатыми друзья (“Нищих друзей стыдятся богатых двери” – Т. 932) – и приходится это терпеть, ибо: “Нищему гордость – как корове седло” (Т. 933). Нищета, нужда приходят неожиданно: “Нужда не ждет ведреной погоды” (Т. 940), ну, а когда она придет, то заставляет многим поступиться: “Нужда обеты преступает” (Т. 941; ср.: Б. 3449). И в то же время и в этой трудной и, казалось бы, безвыходной ситуации крестьянское сознание продолжает воспитывать в человеке уверенность в том, что и “Нищета не отымет [ни] ума, ни чести” (Т. 931; ср.: Б. 3441).

Поистине неизбывной горечью пропитаны крестьянские пословицы XVIII в. о бедности! “Бедному бедна и смерть!” (Б. 346), “Бедному руку помощи никто не подаст” (Б. 347), “По бедному мало печальника” (Б. 348; ср.: Б. 349) и как итог – “Бедному смерть не страшна” (Б. 345) или “Нищета хуже смерти” (Р. 477). Трудно избавиться от бедности тому, кто впал в нее; пословица утверждает: “От бедного беды не отходят” (Б. 352) или “В беду попасть скоро, а вытти долго” (Б. 567). А впасть в бедность очень просто: “До бедности много дорог” (Б. 357), “В бедность прийти недолго” (Б. 358). “Бедность все несет” (Б. 353), – утверждал крестьянин и, однако, добавлял при этом: “Кто нужды не видел, тот и щастия не знает” (Б. 2088; ср.: Т. 598). И бедность, и богатство – это крайности, и крестьянин утверждал: “Лучше ни убог, ни богат” (Б. 2414). В то же время крестьянин понимал, что одним трудом богатства не нажить: “Лямкой богатства не вытянешь” (Б. 2595). Как итог размышлений крестьянина о нужде звучит пословица XVIII в.: “Нужа, нужа, нет тя хуже!” (Б. 3450).

Ирония, как известно, одно из неотъемлемых качеств пословицы. И как выразительна она в тех из них, которые возникли в среде подневольных тружеников, привыкших к поклонам и рабскому унижению, к угождению властям предрержащим! “Цело свербит – кланяться некому!” (С. I. 2596; ср.: Б. 4501), – усмешается пословица... Обычная повседневная еда крестьянина иронично именуется дворянской пищей: “Хлеб да вода – то наша дворянская еда” (Б. 4361). Ироничным итогом звучит и пословица: “Велик свет, да негде ся подет!” (З. 105) (т.е. некуда деться!). Да и в самом деле – где мог крестьянин найти себе пристанище от одолевавших его бед и горестей? К кому прислониться, на кого надеяться? От кого ждать милостей? “Целовал ворон курку до последнего перышка” (С. I. 2568) – вот что видел в жизни бедняк... Потому-то и делал вывод в пословице: “Нужда есть горькая трава” (П. 189). Только тот, кто сам пережил нужду, может по-настоящему ее оценить: “Кто никогда в нужде не был, тот и не разсудит” (П. 342).

Итак, основная социальная коллизия феодального общества отобразилась в крестьянской по своему происхождению пословице главным образом в противопоставлении богатства – бедности³, богача – бедняку, убогому. Иногда мы встречаем и термины *боярин–холоп* или *боярин–смерд*. В этом образе боярина выступал чаще всего не представитель высшего слоя феодального общества и не высший чин среди “служилых людей по отечеству”, а просто феодал-помещик, бывший для зависимого от

него населения боярином^{4*}. Позже, в XVIII в., это слово модифицировалось в *баре, барин*, — и коллизия *боярин—холоп* трансформировалась в *барин—мужик*.

Равным образом и слово *смерд*, часто встречающееся в пословице XVII—XVIII вв., означало вовсе не смердов славянского общества раннего средневековья — этот термин стал довольно рано исчезать из официального языка. После XIII в. упоминания о смердах сохраняются только в тех источниках, которые рассказывают о событиях в Галицко-Волынских и Новгородских землях. В XIV—XV вв. смерды выступают уже как крестьяне-собственники, а в XVI в. термин *смерд* практически вообще исчезает из деловой и официальной речи⁵. Каким же тяжким было положение смерда, если он в крестьянской пословице сохранился как живой персонаж вплоть до XVIII в.! — сравни популярную в то время пословицу: "Дворянином жить не сможется, а смердом быть не хочется!" (Т. 269; ср.: Б. 958. 1287).

Холопы существовали в Русском государстве с X по XVIII в. включительно⁶ и были наиболее угнетенным слоем трудящихся, активными участниками антифеодальной борьбы с боярами — именно поэтому так часто пословица ставит рядом эти два термина: "Вольно черту в своем болоте, а боярину над своим холопьем" (С. II. 1110; ср.: Б. 453), особо подчеркивая бесправие холопа: "Хто в холопах бывал, тот и бит, чаю, бывал!" (С. II. 774) или "Холоп — што мешок: што положишь, то и несет" (П. 250). Четко и недвусмысленно сформулировала крестьянская пословица взаимосвязь холопа с его владельцем: "Неволя холопу — воля господину" (Т. 789; ср.: Б. 459, 3243). Особо тяжкое положение холопа подчеркнуто в пословице образно и выразительно: "Все люди на конех, а холоп — пеш" (Б. 517). Недаром пословица сравнивает кабалу с опалой: "Кабальный — что опальный" (Б. 1655). Или вот как красноречиво выражал крестьянин свое отношение к холопству: "Не дай Бог в холопех, а холопу — в попех^{4*!}" (Р. 464).

Жизни холопов XVIII в. посвящен, как известно, один из самых примечательных памятников того времени, которому его издатель академик Н.С. Тихонравов дал выразительное название "Плач холопов":

О, горе нам, холопом, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить!
А хотя кто и служит — так как острая коса;
Видит милость — и то как утренняя роса.
О горе нам, холопом, от господ и бедство!
А как прогневишь их, так отымут и отцовское наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти?
Что мы сами наживем — и в том нам нет власти.
Пройди всю подселенную — нет такова житья мерзкова...

Горькой безысходностью тяжкого положения бесправных холопов звучат строки этого "Плача":

Во весь век сколько можем мы, несчастные, пожить,
И всегда будем мы, несчастные, тужить.

^{4*}Т.е. в попах.

Знать, прогневалась на нас земля и сверху небо,
Неужель мы не нашли б без господ себе хлеба!
На что сотворены леса, на что и поле,
Когда отнята и та от бедных доля?
Зачем и для чего на свет нас породили?
Винны в том отцы, что сим нас наградили...
Знать, мы все несчастны на свет рождены,
Что под власть таким тиранам во век утверждены!

Несчастливым холопам некуда деться, так как власть крепостников

...увеличилась, как в Неве вода:
Куда б ты ни сунься — везде господ!

Показательна та мечта голодных и замученных работой холопов, которую они выразили в строках этого "Плача":

Ах, когда бы нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли бы мы, братцы, в солдатскую службу,
И сделали б между собою дружбу,
Всякую неправду стали б выводить
И злых же господ корень переводить!

Этот написанный около 1767 г. памятник хорошо передает состояние холопов, которые не имеют права даже возразить своему господину:

Когда холоп в господские слова вступил,
То как сам себе он побои купил...

Безвыходной скорбью веет от этого "Плача", ничего, кроме беспросветной жизни, не обещавшего холопу до последних дней его существования:

Сколько нам, братцы, ни рваться,
Знать, по смерть нам их бояться!
А когда холопей в яму покладут,
Тогда и вольный абшит^{5*} в руки дадут...
Господи наш боже!
Даждь в небесном твоём поле ложе!
Ты бо нам творец:
Сделай бедным один конец!⁷

Но для крестьянского сознания характерно не только противопоставление богатого и счастливого боярина несчастному и обездоленному холопу (смерду), но и утверждение равенства всех людей в их личных взаимоотношениях независимо от социального происхождения. Трудовой народ не признавал только за "благородными" права на высокие и светлые человеческие чувства. Пословица учила: "Князю — кня[г]иня, боярину — Марина, а всякому своя Катерина" (БАН. 395; ср.: Т. 552; Б. 1904) или "Кня[г]ине — дитя, кошке — котя, таково ж дитя" (БАН. 397; ср.: Т. 553; Б. 1905, 4268; Р. 829).

Еще в большей степени важны для исследователя те пословицы, в которых звучит не безвольное смирение (признававшееся православной церковью за одно из основных душевных качеств истинного христианина!), не преклонение головы перед богатством и властью, а гордое ут-

^{5*}Т.е. отпуск, отставка.

верждение вольности и свободы человека, противопоставленных и зажиточности, и силе, основанной на деньгах: "Хоть на хвойке, да на своей вольке!" (С. II. 793), "Хоть шуба и сера, да воля своя" (С. II. 792; ср.: С. I. 2461), "Свита черна, да воля своя" (О. 421). Пословица утверждает – не то главное, что на человеке, главное – что у него внутри, в душе: "Шуба овечья, а душа человечесь" (С. I. 2687). Цветные кафтаны, в которые были одеты служилые люди, не избавляют их владельцев от побоев: "Свита сера, да воля своя, кафтан зелен, да бьют ежедень" (Р. 757). Для крестьянина характерно пренебрежительное отношение к внешним атрибутам жизни, не это для него главное. "Деньги – железо, платье – тлен, а кожа всего дороже" (С. I. 281). Богатые люди боялись потерять свое имущество, а вот "Голому разбой не страшен" (З. 149), "Голой разбой не боится" (Т. 221), потому что бедняку нечего терять. Встречается в пословице и явно пренебрежительное отношение к богатым одеждам: "Кто в камке, кто в тавте^{6*}, я в холсту по тому ж мосту!" (Т. 590; ср.: Б. 2001). Дело не в одежде и не в упряжи, все едут по одной и той же дороге: "Тот тужи, у ково ременны гужи, а у нас – лыко да мочало, туда же помчало!" (Б. 4242).

Воля, свобода – самое дорогое для труженика, поэтому "Красная нужда – дворянская служба" (Т. 580; ср.: Б. 1983; Р. 208), "Не мила птичке золотая клетка!" (Т. 837). Не случайно и сравнение человека с полевым цветком: "Цвет в поле – человек в воле" (С. I. 2547; ср.: О. 697). И, наоборот, самое тяжелое для человека – кабала, гнет, приневоление, т.е. состояние, когда "Во всем доля, а ни в чем – воли" (С. I. 540). Поистине "Неволя пляшет, неволя и песни поет" (Т. 788; ср.: Б. 3141; Р. 444).

Противопоставление богатства и бедности в сознании крестьянства иногда принимало и явно гипертрофированные формы, когда авторы и исполнители пословиц, ставя все с ног на голову, утверждали: "Боярство – холопство, крестьянство – господство" (С. II. 1084) или "Дворянство бывает хуже пономарства" (Т. 272). Честность, верность своему слову – основное качество бедняка. Это видно, в частности, по одной из пословиц XVII в.: "Живучи в бедности, исчет честности" (Гос. Ист. музей. 2418. Л. 49) или "Обещать – то дворянски, а слово держать – то крестьянски" (С. II. 528; ср.: Т. 612; Р. 5330).

Для крестьянской пословицы характерно реальное осознание положения вещей в мире. Пословица так образно оценивала общественную жизнь того времени: "Рыба рыбою сыта, а человек – человеком" (С. I. 2036, ср.: О. 253). Нелегкая жизнь бедняка породила пословицы: "За неволю волосы вянут, как за них тянут" (БАН. 313; ср.: Б. 1366; Т. 411), "Край земли, конец моря – много везде горя" (С. I. 1309). Осознавая силу и власть господ ("Господская прозвба станет за приказ" – Т. 232; ср.: Б. 886), крестьянин возлагал надежду на сознательность хозяина и потому просил: "Осудари наши, воля ваша! Хотя на нас дрова возите, лишь не по многу кладите!" (С. I. 1864; ср.: О. 80). Нужда нередко заставляла крестьянина добровольно продавать себя в холопы, но это не мешало ему четко осознавать, что "Купле-

^{6*}Т.е. в тафте.

ной – холоп, а не купленной – вольной казак” (С. II. 1170; ср.: Т. 831). ”Не рожден – не сын, не окуплен – не холоп, не вскормя – врага не видать” (С. I. 1657; ср.: Т. 877; Б. 3229).

Несомненную ценность для историка имеют пословицы, в которых в той или иной форме отобразилась борьба крестьянства XVII–XVIII вв. за свои права. Понятно, что таких пословиц совсем немного. Лишь по случайной случайности они дошли до нас в составе рукописных сборников. За распространение подобных пословиц следовала расправа; показательна в этом плане пословица XVII в.: ”Шутил Купряшка, да попал в тюрьашку” (С. I. 2664)... В пословице недаром говорилось: ”Шутки шутить – так людьми замутить” (Т. 883). Шутка шутке была рознь... Но угроза тюремного заключения не останавливала крестьян, которые прекрасно понимали: ”Тюрьма не дурна, без людей не живет” (З. 983).

Хорошо известно, что борьба крестьян XVII–XVIII вв. была многообразной. Одна из ее форм – непрекращавшиеся побег крестьян от своих господ (сначала на юг, на Дон, потом на восток, на Волгу, и далее – в Сибирь)⁶. Крестьянская пословица так откликнулась на эту форму протеста: ”Платил долги, а не минул Волги” (С. I. 1958; ср.: О. 166) или ”Кабалка* лежит, а Ивашка бежит” (БАН. 407; ср.: Т. 503; Б. 1654, 1907). Хорошо сказала пословица и о том, как трудно было беглому крестьянину уйти от помещика: ведь ”Беглому одна дорога, а погонщикам много” (БАН. 82; ср.: Б. 315; Р. 58) или ”Беглому одна дорога, а погонщикам – сто” (Т. 9)⁹. Видимо, нельзя считать случайным, что и в XVIII в. крестьянин, продолжая утверждать: ”На Дону воля” (Б. 2876), все же осознавал, что побег не всегда приносит избавление: ”Дон, Дон, а лучше дом!” (Т. 322; ср.: Т. 192; Б. 1067). Правда, и в XVIII в. беглых крестьян было много, это в их среде продолжали бытовать пословицы: ”Беглого не устережешь” (Б. 314), потому что ”Беглому путь везде чист” (Б. 316; другой вариант: ”Беглому поле – воля!” – Б. 52, прим.), ”Беглый не стоит” (Б. 317). ”За беглым не нагоняешься” (Б. 318), ибо ”У беглого глаза остры” (Б. 319). Да и вообще, утверждал крестьянин, ”Государева земля не клином сошлась” (Б. 896), места еще много. В то же время крестьянин хорошо понимал ненадежность двойственного положения беглеца, что и нашло отображение в пословице: ”И мука, и рай на воле!” (Б. 1631).

Стремление крепостного крестьянина сбежать от своего господина отражено не только в пословице, но и в крестьянской песне XVIII в., рассказывавшей о тяжелой жизни холопов и дворовых в услужении у крепостников. В этом плане поистине драматична дошедшая до нас в деле о беглом холопе, дворовом человеке князя Н.С. Долгорукова, песня-исповедь одного крепостного. В 1787 г. он сбежал от своего самодура-князя и в былинном стиле так описал свою жизнь:

Ох, как был-то я, добрай молодец, во неволюшке,
Во неволюшке в доме господским,
Служил я своему князю верой-правдой,
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову:

^{7*} Кабала, кабальная грамота.

Служил я ему тридцать лет,
 Не заслужил я себе славы добрыя,
 Славы добрыя, чести-милости.
 Не видал я дней веселых,
 А всегда я был во кручинушке.
 Без резону он всегда гневался,
 Без вины он нас наказывал,
 Он наказывал нас всегда палочьем,
 Апосля того под караул сажал,
 Под караул сажал на хлеб, на воду.
 Заставлял работать в зеленом саду
 По прешпектам березовым,
 По дорогам зеленом,
 Что копали мы пруды глубокие,
 Огораживали дворы птичные.
 Запретил он нам по ночам гулять,
 По ночам гулять, в хоровод ходить...¹⁰

Сложной и трудной была борьба крестьян за свои права, и трудовой народ прекрасно это осознал – недаром так популярна была пословица "Высоко Бог, далеко царь" (С. I. 467), или "Бог высоко, а царь далеко" (Т. 43; ср.: Б. 12, 4476). Бесправные по закону, задавленные нуждой и барским гнетом, крестьяне все же знали, что "Сила и закон преступает" (С. I. 2139; варианты: "Нужда и закон преломляет" – П. 90; "Где сила владеет, тут закон уступает" – Т. 185). Особенно это было наглядным тогда, когда народ выступал в защиту своих прав всем миром. Осознание силы *мира* в борьбе за свои права – характерная черта крестьянского самосознания. "Мир – дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет" (С. I. 1610), – говорили в народе. – "Временщики родом велики, да недолговеки" (С. I. 552). Тяжкую память оставили по себе многочисленные в XVIII в. временщики, если народ утверждал: "Всякий временщик с корени широко зачнется, да скоро изведетца" (С. II. 1109). Как итоговое заключение звучит пословица, ставшая общенародной: "Мирская молва – что морская волна!" (БАН. 491; ср.: Т. 472; С. I. 1569; С. II. 366; Р. 300). Народ отмечал силу мира, единения: "Як в людей будет, то и в нас будет хлеб" (З. 1339). Таким же обобщением звучит народная пословица: "В мире вся суть" (Т. 95)¹¹. Весьма своеобразно оценивает крестьянская пословица и такую ситуацию, когда беда для всего мира оборачивается прибылью для тех, кто этот мир угнетает: "На мир – беда, а воеводе – нажиток" (Т. 743; ср.: Б. 2947).

Призывы к единству, к сплочению сил, к согласованности действий чаще всего встречаются в прокламациях восставших крестьян. Так, широко известная прокламация 1670 г. обращена ко всей "черни". Она призывает ее "заодно (выделено мною. – Л.П.) изменников выводить". Она зовет крестьян к единству ("в совет") с казаками и обращена ко всем "кабальным и апальным"¹².

Выделение роли мира, общины, артели, столь характерное для крестьянского сознания, не означало, однако, отрицания роли атамана, главаря, руководителя: пословица специально отмечала, что "Атаманом артель крепка" (Т. 1; ср.: Б. 2), или "Без матки пчелки – пропащие детки"

(Т. 19; ср.: Б. 50), "Без пастуха овцы – не стадо" (Т. 20; ср.: Б. 67), "Погибнет пастырь – розыдутся овцы" (Т. 1028). Пословица идет и еще дальше, утверждая, что "Каков пастырь – таковы и овцы" (Б. 1729).

Призывы к единству, к совместным действиям мы находим и во многих крестьянских пословицах. Это, прежде всего, оценка единения как залога счастливой жизни: "У гурту и кулеш с кашею естся" (З. 1049). Только общие усилия могут дать результат, одиночка обречен на поражение: "Две головни курятся, а одна – николи" (С. I. 725; ср.: Б. 971). Сила присуща только тем, кто объединяется: "Где стан, там и сыла" (З. 161). Тот, кто сообща борется за свои права, тот не боится и смерти: "С людьми и смерть красна" (С. I. 2228). Только сообща можно выполнить тяжелую, непосильную одиночке работу: "Где людей купа, не болит у пупа" (З. 162).

В крестьянском сознании присутствовала вера в конечную социальную справедливость. Именно эта вера и явились истоком таких пословиц, как "Мужик сер, а ум у него не черт съел" (Т. 711), "Мужик – деревня: хоть серо, да збойливо" (Р. 277), "Крестьянин серо, да збойливо" (С. II. 1089; ср.: Т. 710; Б. 255, 2768) или "Алтын убогих прельщает, а Мартын богатых смущает" (С. I. 92), "И перед нашими воротами сонце взойдет" (З. 377; ср.: Б. 393, 394; Р. 104) или "Будет и на нашей улице праздник" (Т. 63; ср.: Б. 239). Вера в свои силы, особенно в моменты острых социальных потрясений, отобразилась в пословице "Мужик гол, а в руках у него – кол!" (С. II. 395). Потому-то и учила пословица: "Грози богатому, так денежку даст!" – Т. 242; ср.: Б. 901). Видимо, в среде восставших крестьян была создана пословица "Чей день – завтра, а наш – сегодня" (С. I. 2621). Крестьяне хорошо понимали силу народного бунта: "Бунт – не перца фунт, а живет горек" (С. I. 281). Они прекрасно осознавали и силу свободного слова, по-своему высоко оценивали его, приравнивая к обычному оружию восставших крестьян – рогатине: "Холопье слово – что рогатина" (С. II. 764; ср.: БАН, 1067).

Вожди крестьянских войн широко пользовались "холопьем словом" и рассылали прокламации с призывами к объединению и обещаниями свобод и привилегий крестьянству. Крестьянин-труженик остро чувствовал инородность всего, что связано с боярами, дворянами, господами, поэтому говорил: "Наших, ваших, а боярских – взашей" (Р. 450)¹³.

Конечно, не следует переоценивать эти выражения социального протеста и видеть в них чуть ли не революционность крестьянства как класса. Нет, и в XVII–XVIII вв., и позже "масса русского народа, крестьяне столетиями, из поколения в поколение, тупо влачили своё существование"¹⁴. Оторванные и разобщенные, придерживавшиеся старинных форм "хозяйства и жизни с их вековой неподвижностью и рутинной"¹⁵, крестьяне жили в гораздо большей степени интересами своей семьи и общины, чем интересами класса. Патриархальность и ограниченность крестьянства как класса бесспорны. Выступления крестьян против господствовавшего строя были стихийны и бесплодны. Но они были! Крестьяне не только влачили "унылое состояние", они, во-первых, трезво оценивали его, а во-вторых, выступали против него, – и с рогатиной, и со словом.

Не случайно русский XVII век современники называли "бунташным". Он начался Крестьянской войной 1606–1607 гг. под предводительством И.И. Болотникова, продолжился рядом локальных крестьянских и городских восстаний и завершился грандиозным выступлением крестьян 1667–1671 гг. под предводительством С.Т. Разина. Да и в XVIII в. Россия в меньшей степени оставалась "бунташной": в 1705–1706 гг. – Астраханское восстание, в 1707–1709 гг. – выступления крестьян и казаков под предводительством К. Булавина, в 20-х, 30-х, 50-х годах – вооруженные выступления крестьян в Шацком уезде, в Калужской провинции. В середине века – многотысячные выступления крестьян на Урале, Слободской Украине, в центральных губерниях, особенно усилившиеся в конце 60-х – начале 70-х годов и завершившиеся "Чумным бунтом" в Москве в 1771 г. Наконец, в 1773–1775 гг. – Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева. Но и после ее поражения крестьянские волнения и восстания не прекращались; в середине 90-х годов ими были охвачены более половины всех губерний страны.

Положение осложнялось тем, что в Россию проникали известия о Французской революции. Интерес к ним был велик во всех слоях общества, в том числе у крестьян. Сведения о Французской революции обсуждались, например, в селах Екатеринославщины и Полтавщины. Так, некий дьяк Романовский "разглашал между простолюдинами" сел этих губерний, что "во Франции все свободные" и ждал времени, когда "и у нас" будет так же, т.е. кончится торговля крепостными, уничтожится принудительный труд¹⁶.

Мы можем со всей определенностью сказать, что почти все фольклорные жанры того времени социально окрашены и оппозиционны феодальному насилию. Присущие крестьянскому фольклору скорбные мотивы, оплакивание горькой доли крепостного люда, приводили в итоге к тому, что скорбь не только рождала ненависть, но и заставляла крестьян искать новые в пути в борьбе за лучшее будущее. Это хорошо видно на примере изученных К.В. Чистовым русских народных социально-утопических легенд, сопровождавших все крупные народные восстания с XVII по XIX в. Важно отметить, что они вселяли веру в освобождение трудового народа, хотя и указывали фантастические пути для его осуществления. Особенно яркие и выразительны социально-утопические легенды о царях-избавителях, бытовавшие среди участников Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Конечно, идеологическая сущность этой войны не исчерпывалась социально-утопическими легендами. Требования "земли и воли", отмеченные в многочисленных документах восставших, подкреплялись легендой о царе-избавителе, изложенной участником восстания Алексеем Горбуновым, в которой содержится призыв "Кровь за кровь!"¹⁷.

Мы остановились на наименее изученных памятниках фольклора – на пословицах, но круг источников для исследования социальных отношений и духовного мира русского крестьянина, конечно, должен быть расширен. Подробный анализ этих памятников излишен – они давно уже введены в научный круг. Манифесты Пугачева и его ставки, произведе-

ния литературы предпугачевского и послепугачевского времени (например, "Повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царем", записанная крестьянином Пянтюковым в 1766 г.)¹⁸, фольклор, прижизненный Пугачеву и послепугачевский – все это в той или иной мере дает материал для раскрытия нашей темы.

Необходимо также привлечь и сочинения беглого солдата Евфимия (1740?–1792), по некоторым источникам – крепостного переяславского помещика Мотовилова, основателя бегунства или странничества (одного из староверческих течений, имевшего распространение в крестьянской среде XVIII в.)¹⁹. Евфимий был представителем той народной культуры, которая была ориентирована на традицию. Так, с традиционных позиций он характеризовал Петра I, в котором видел антихриста, который "при описи раздробил народ на разные чины и расположи дань подушную, потом же и землю размежевал и купечеству отдели... и сим разделением яко язычников содеяв, друг на друга работоборствовать, межи бо яко границы чуждым землям устави, аже комуждо глаголати **свое**: сей же глагол св. Златоуст **проклятый** и скверный нарицает глагол: **мое** от диавола, рече, введется; **вся вам общая** сотворил есть Бог"²⁰. Иными словами, введение и частной собственности на землю, и подушной подати привело к раздроблению народа, и это дело антихристово, проклятое, скверное.

Несправедливое распределение материальных благ ведет к порче нравов, к ненависти, зависти, лжи, вражде и драке – говорит далее Евфимий: "Человецы при имениях **своих**, яко же мравия неусыпно тцание возымеша, как большая собрати, с сего ради оттоле начаша бывати **обманы**, неправыя меры, неистовые весы, и во всякую вещь неудобные примесы родишася... жаждалества имения, ненависть, зависть, вражда и драки и междоусобныя **брани** до свирепства, **обида** до **грабительства**... кому... император надели много, кому мало, иному же ничего же дав...". Частная собственность на землю – вот, по Евфимию, источник зла на земле²¹!

Следует сказать, и о том, что наряду с широко распространенной в крестьянской среде верой в "батюшку-царя", с царистскими иллюзиями мы встречаем в документах XVIII в. и "непристойные речи" о лицах царской фамилии. О Петре I крестьяне прямо говорили: "Какой-де это царь, он-де не царь – мироедец". Такие "речи" звучали в Московском, Тульском, Переяслав-Рязанском, Тверском, Новгородском, Ярославском и других уездах. Большой материал по этому вопросу собран и проанализирован Н.Б. Голиковой²².

В результате анализа сохранившихся до наших дней источников мы можем сделать вывод, что социальные отношения занимали видное место среди воззрений крестьянства на мир. Трезво оценивая реальную действительность, крестьяне остро чувствовали социальную несправедливость и противопоставляли ей мирскую сплоченность и организованность, образное и яркое "холопье слово".

Это наглядно можно проследить также и на отображении в народной пословице отношения крестьян к праву и суду, как к органу государства, свято чтившего и осуществлявшего права феодалов.

Отношение народа к суду и праву – тема неисчерпаемая, равно волнующая и ученых, и самые широкие слои читательской публики. Как именно трудящиеся массы оценивали понятия права, закона и как они относились к царскому суду на разных этапах исторического развития, насколько хорошо они разбирались в тонкостях судопроизводства²³ – решение этих и других вопросов важно для раскрытия исторических корней законодательства, для показа истинной сущности царского судопроизводства, для анализа современных теорий, утверждающих беспристрастность и объективность буржуазного суда. Важно решение этих вопросов и для раскрытия некоторых сторон духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв., который часто становился и объектом, и невольным субъектом царского судопроизводства, повседневно сталкивался с судебскими чиновниками и отобразил в своем творчестве отношение к этой большой и сложной проблеме.

Для более полного раскрытия социальных аспектов духовного мира русского крестьянина требуется показать, как рассматривается тема суда и права, закона в народном творчестве интересующего нас периода. Это вовсе не означает, конечно, что до XVII в. и после него народ не отражал в своем творчестве отношения к боярскому и царскому суду, к проблеме права и законности вообще. Начиная с самых ранних этапов развития общества народ боролся со своими угнетателями и с теми правовыми и судебными рогатками, которыми феодалы пытались оградить себя от гнева угнетенных. Однако только начиная с XVII в., как уже говорилось выше, в руки исследователей попали источники, вышедшие из среды трудящихся масс, – пословицы.

Конечно, народные пословицы не являются единственным источником для характеристики взглядов трудового народа на право и суд. Важным источником для освещения этой темы могут служить рукописные сатирические повести XVII–XVIII вв., также вышедшие из демократической среды и отобразившие в художественной форме отношения трудового народа к царскому суду и судопроизводству. Эти произведения давно уже стали предметом изучения филологов²⁴. Известно, какое большое место в общественно-политической мысли XVII в. занимала тема суда, особенно суда неправого. Достаточно вспомнить "Судное дело леца с ершом", "Шемякин суд" и другие повести, бытовавшие в XVII в. и дошедшие до наших дней во многих вариантах, чтобы показать, какой популярностью пользовались подобного рода произведения, какой интерес вызывали они у читателей, среди которых не последнее место занимали и грамотные крестьяне.

О неправом суде писал в своих виршах первый русский придворный поэт Симеон Полоцкий. Он порицал продажность судей и угрожал им страшными карами за мздоимство и жадность²⁵. Пересказывая популяр-

ные в западноевропейской литературе истории и анекдоты, Симеон Полоцкий тем самым расширял круг чтения русского читателя, одновременно он ратовал за справедливый и бескорыстный суд, особенно для высшей, верховной власти²⁶.

Тема суда затронута и пословицами XVII–XVIII вв. В одних из них прослеживаются мысли, близкие тем, что мы встречаем в литературных произведениях того времени. "Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю" (С. I. 1512) – этой пословицей вполне можно выразить идею "Повести о суде Шемяки". Пословицы о взятках, о мзде часто встречаются в сборниках того времени. Объясняется это тем, что сама историческая действительность той эпохи давала богатый материал для подобного рода размышлений. Известно, что продажность суда и воевод стала в XVII–XVIII вв. настолько вопиющей, что с нею пыталась бороться даже верховная власть. Так, в "Уложении государя царя и великого князя Алексея Михайловича" целая глава посвящена взяткам и мерам наказания за них. Продажность суда, конечно, была характерна и для более ранних эпох, однако именно в XVII в. она стала проявляться с наибольшей силой. Даже дворяне и дети боярские в своих челобитных царю в первой половине XVII в. жаловались на бояр и видных московских дворян, которые "отяжелели и обогатели", на дьяков и подьячих, которые "неправедным своим мздоимством" наживают большие богатства: "Разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправедных судов..."²⁷. Что же тогда говорить о том, сколько несправедливостей и обид видели от царского и воеводского суда крестьяне, весь трудовой люд!

Продажность суда в XVII–XVIII вв. стала притчей во языцех; она отобразилась не только в пословицах, но и в "Плаче холопов", где так говорится об этом:

Умножилась неправда в российских воеводах:

Подарок принесет кто – тот прав и без доводов.

Такая крестьянская оценка царского судопроизводства своеобразно соотносится с традиционными формами расследования и суда, резко отличными от существовавших в практике судебных учреждений России²⁸.

Нельзя считать случайностью, что в популярный литературный сборник XVII в. "Пролог" включено "Слово к судиям, еже право судити". В нем говорится: "Разумевай и право суди и праведно рассуживай. Не удобь ти мзды приимати. Не оправдай неправедного, аще и друг ти есть, и не обиди праведного, яко божий суд истинен есть. Аще брат ти есть, не оправдай его и правого не осуди виною. Огнь бо от бога приходит на дом криво судящих... И не приемли клеветы тай шепчущих. Не ярися на неповинного, ни яростию распайся, судя. Сира и вдовицы не поработи виною продания. Не гордися саном власти своея, от бога бо дано ти есть"²⁹. Поучения неправедным судиям, как верно пишет исследовательница этого памятника, "должны были находить живой отклик у читателей"³⁰.

О неправом суде, лживости и продажности судей писали путешественники-иностранцы, посетившие Россию в XVII в.³¹ Этот тягчайший порок признавали и деятели высшей придворной администрации. Так, об уко-

ренившейся системе взяточничества с горечью говорил А.Л. Ордин-Нащокин: "Неисчетные убытки казне через меру в приказах всякое недоумение ваших государских высоких дел точно бы не для своей корысти бог исправляет, а ища и себе корыстей. Корень бо есть всем злом сребролюбие"³².

Сурово осуждали мздоимство крестьяне-старообрядцы, видя в нем одно из свидетельств наступления царства антихриста. Так, в "Известии" чаусских крестьян-старообрядцев 1756 г. говорится, что "как духовная власти, так и земская, мздами ослепяеми; ныне у вас весь народ мздами отягчают"³³.

Взяточничество и продажность судей отмечаются во многих исторических документах XVII–XVIII вв. Их обличает протопоп Аввакум, они осуждаются в царских грамотах воеводам. Показательна в этом плане грамота царя Михаила Федоровича астраханским воеводам А.Н. Трубецкому и Б.И. Нащокину об отправлении Тимофея Желябужского к нагайским мурзам для приведения их в русское подданство (от 21 октября 1634 г.). Грамота специально подчеркивает, что за взятки виновные будут "казнены смертью" и что именно "насилие и гонение" воевод были причиной того, что нагайские мурзы отложились от русского подданства³⁴. О взятках и посулах пишет и Г.К. Котошихин³⁵.

В XVIII в. взяточничество приняло настолько катастрофические размеры, что в 1711 г. был создан институт "фискалов" специально для борьбы с должностными преступлениями. Многочисленные царские указы грозили, что каждый, уличенный во взятках, будет "весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или и смертию казнен будет". Но ничто не помогало. По доносам обер-фискала А.Я. Нестерова был повешен (в том числе и за взятки) сибирский губернатор князь М.П. Гагарин, а сенаторам князю Е.И. Волконскому и В.А. Апухтину публично жгли языки раскаленным железом за казнокрадство и взятки. На самого "светлейшего князя" А.Д. Меншикова был сделан громадный начет (более 300 тыс. рублей) и, наконец, и сам обер-фискал Нестеров был уличен и во взятках, и в лихоимстве³⁶.

На протяжении всего XVIII в. правительство безуспешно боролось со взяточничеством – но ни строгие указы Правительствующего сената, ни жестокие казни не помогали. В конце века драматург В.В. Капнист пишет сатирическую комедию "Ябеда", в которой он "мздоимство, ябеды, всю гнусность обнажил" (так он сам писал в посвящении Павлу I, предпосланному комедии). В третьем действии, рисуя попойку чиновников, грабителей и взяточников, он влагает им в уста песню, превращающую фарсовую буффонаду в гротескно-символический обряд:

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

(Все повторяют):

Брать, брать, брать!³⁷.

Рукописная литература конца XVII–XVIII в. также неоднократно обращала внимание на продажность судей. В "Послании-челобитной некоего черница царю Петру Алексеевичу" конца XVII в. говорится, что дьяки и подьячие "губят государство нагло, судят неправедно, и с судимые емлют. Кто дает почести посульной, тот и прав... Правого не оправят для того, что и с виноватого взято... А дьяки подьячие, сидя в-ьных приказах, так обогатели, что ни торговые люди, ни самые гости. Многие-де себе вотчины накупили, лавки, и деревни, и пустоши"³⁸.

И общественно-политическая мысль трудового народа также отображала эту жизненную ситуацию.

В "Плаче экономических крестьян" безымянный автор горько сетует на земский суд, на то, «что от исправника и секретарей житья нам нету, по повелению их головы, соцкие, воры поминутно делают поборы, поступают с нами бесчеловечно, чего не слыхано было вечно...» «Судейские крюкотворы», – продолжает автор, –

...разорили нас во конец,
Не оставили ни кур, ни овец...
И мы все свои прибитки и доход
Потребляем для земского суда на расход³⁹.

И крестьянская пословица не оставалась глуха к этому пороку: "Мзда и премудру мужу ослепляет очи!" (С. I. 1513; ср.: Т. 693; Ш. 461; Б. 2685; БАН. 496), "Мзда глаза дерет" (С. I. 1511), "Мзда глаза слепит" (С. I. 1535; ср.: Б. 939), "На поклеп денег не напасться" (С. I. 1748), "Сильная рука богу судит" (БАН. 834) – вот какие пословицы о взятках мы встречаем в сборниках XVII–XVIII вв.

Уже эти первые пословичные примеры дают нам право сделать вывод, что если рукописная литература того времени использует бытовые наблюдения главным образом в нравоучительных целях, то пословица и не помышляет об исправлении судьи-взяточника. Она лишь констатирует и продажность суда, и приверженность властей предрержащих к ябедникам: "Бог любит праведника, а господин любит ябедника" (Р. 63). В пословице открыто заявляется: "Судейские ворота не всегда отворятся без серебра" (Т. 1250; ср.: Б. 4159), да и вообще "В приказ ворота широки, а из него – узки" (Б. 654). Явного осуждения, в пословице, достоин тот, кто "Из приказу в приказ волочится" (Б. 1591). Тема приказа (в том числе и Судного!) – одна из весьма выразительных, особенно в поговорке, где встречаются выражения "Приказная строка" (Б. 3769), "Приказная ябеда" (Б. 3770), "Приказная волокита" (Б. 3771). Видимо, сильно досадила крестьянам делопроизводственная волокитная практика феодальных учреждений!

Зная истинное положение вещей, пословица реально смотрит на жизнь: без взятки лучше не начинать челобитья: "Бить челом Фоме, а было бы в суме" (С. I. 252). Крестьянин трезво осознавал: только "3 золотым ключем во все двери входит" (Ш. 330). Отсюда пословица делает вывод: "На суд ит[т]и – прежде самому осудитца" (С. I. 1635) или "За малое судиться – большое приложить" (Б. 1355). Пословица утверждает: "Умной на суд не ходит, а глупой с суда не сходит" (С. I. 2354; ср.: О. 548). Большим житей-

ским опытом и нелегкой практикой рождена пословица, дошедшая до нас в нескольких сборниках: "Не бойся истца, бойся судьи!" (С. II. 897; ср.: С. I. 1718; Т. 776; Б. 3093). Крестьянин, сталкивавшийся с неправыми решениями суда, говорил: "Тот не боится суда, кто имеет деньги и смелость" (II. 334). Неправые решения были так часты в судебской практике тех времен и так разнообразны по форме, что пословица отметила и эту черту суда: "На кривой суд обрасца нет" (С. I. 1747). Образ судьи-взяточника, видно, так сильно повлиял на народное сознание, что он стал применяться для характеристики совсем иных, отнюдь не связанных с судом явлений: "Брюхо, что несправедный судья, и молча просит" (С. I. 355).

В народной пословице звучит мысль о том, что был суд для угнетенных и совсем иной суд для угнетателей. Пословица же утверждает, что необходимо всех судить одинаково: "Им же судом судите, судится вам" (Т. 489; ср.: Б. 1628). Пословица предупреждает тех, кто хочет обогатиться путем несправедного суда: "Исчай чужаго – о своем възрыдае" (Т. 497). Интересно, что в крестьянской пословице мы находим и образ судьи, который освоил внешние приемы судопроизводства, но отвечать за свои поступки не в состоянии. "Судить умею, а отвечать не умею" (Т. 1251; ср.: Б. 4160). Как итог высказываний о суде звучит пословица: "Бой да увечеь читай, а суда не сыщешь" (Б. 127).

Крестьянин осознавал социальную сущность феодального суда, выразив ее в привычных для него образах окружающего мира: "Закон – как паутина: шершень пробивает, а муха увязает" (Б. 1339). (Образ шершня вошел и в поговорку: "Пробился, как шершень сквозь паутины!" – Б. 3789; II. 259.) Крестьянин видел, что феодальный суд строг только к угнетенным, а для тех, кто сам был причастен к судопроизводству, законы не писаны: "Законнику закон не лежит" (Б. 1344). Крестьянам часто приходилось сталкиваться с несправедливыми судебскими решениями, и это вылилось в такой пословице, как "Люди крадут, а мы – отвечаем" (Б. 2586).

Но своеобразие и ценность крестьянских пословиц для раскрытия нашей темы состоит в том, что пословица знает и другую тему, связанную с судом – тему ПРАВОГО суда, ЗАКОНА как высшей формы поведения. "Закон – закон законом!" (С. I. 1042) – учит пословица. "Аще бы не было суда – друг друга пожерли бы" (С. II. 23) – вот как пословица возвышает настоящий, правый суд, утверждая далее, что "Закон не игрушка!" (Б. 1340). "Прав суд – не остуда!" (С. I. 1906; ср.: О. 121) – так оценивает пословица значение истинного суда, еще раз напоминая судьям: "Сиди криво, а суди прямо!" (С. I. 2160; ср.: О. 382). Закон в понимании крестьянина стоит над людьми: "Закон человека судит!" (Б. 1341). "Где закон, там и страх" (С. I. 558) – пословицы возвышают справедливого человека, ставят его в пример другим людям ("Правый обычай и во тьме сияти" – Т. 1085), утверждают первичность закона: "Прежде закон, нежели грех" (Т. 1086; ср.: Б. 3760). Пословица утверждает, что "Беззаконным закон не лежит" (Б. 55). До наших дней дошла мудрая народная поговорка "Дураку закон не писан" (Б. 1112). Большой житейской мудростью наполнена пословица "Лучше суд, неже драка!" (Б. 2471).

Крестьянская пословица, следовательно, не только отображала реальную действительность, но как и общественная мысль вообще старалась повлиять на нее. Пословица отмечает стойкость закона ("Закон преступить – во тьму поступить!" – С. I. 1116), но, с другой стороны, говорит о необходимости менять устаревшие нормы: "По нужде и закону премена бывает" (БАН. 751; ср.: "Нужда и закон преломляет" – П. 190). Однако крестьянин понимал, что "Сила и закон преступает" (С. I. 2139; ср.: О. 362), и в самой общей форме даже говорил, что "Человеческий закон не без премены!" (П. 218). Наконец, мы встречаем в пословице и тонкую иронию в отношении судьи-взяточника: "Не изобидь на делу, а после делу хоть все отойми" (С. I. 1675; ср.: Т. 729; Б. 2881).

Показательно стремление пословицы подчеркнуть всеобщую подсудность населения – от суда никто не застрахован: "На кого проговор не живет!" (Т. 737), – утверждает народ. Особенно важно отметить гуманность крестьянской пословицы в отношении суда: она утверждает – и не без основания! – "Бывает и виноватой прав!" (Б. 266), подчеркивает зависимость суда от того преступления, которое в нем разбирается: "Каково дело, таков и суд" (Б. 1699), и говорит о тесной связи закона и правонарушения: "Если бы не закон, не был бы преступник" (Б. 1181).

Возможно, некоторые пословицы, отобразившие тему суда, вышли из среды феодалов или были продиктованы церковными учительными книгами. Таковы пословицы о незыблемости законов: "Кто закон полагает, той никогда же разоряет" (С. II. 1154); о том, что законы создаются с государственной целью, а не по пустякам: "Всеу законы писать – как не хранить!" (С. II. 1136). Интересно, что Петр I в Указе от 17 апреля 1722 г. использовал эту пословицу: "Ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масти к масти"⁴⁰.

Точность отображения действительности фольклором XVII–XVIII вв. может быть подтверждена пословицей: "Всяк о[т] своих слов оправдитца или осудитца" (БАН. 133; ср.: Б. 526), справедливо оценивающей значение устных показаний в суде, существенно влиявших на судьбу приговора. Весьма показательна в этом плане пословица "Самовольное признание – лучшее свидетельство" (Т. 1170). С другой стороны, пословица, отображая реальную действительность, утверждала: "Без пытки вора не допытаешься" (Б. 73). Практика Пыточного приказа накрепко вошла в сознание крестьянина, который в пословице высказал и свое неверие в силу жестокости, и свое осуждение бессмысленности бесчеловечных пыток: "Хоть рви, хоть пытай – правды не сыщешь" (Б. 4458). Подмечена пословицей и такая деталь судопроизводства того времени, как приглашение на суд свидетеля ("За волосы свидетеля не тянут" – Б. 1315) или необыкновенная длительность судебной волокиты ("Суд да дело, а в боку давно болит" – Б. 4161). Ну и, конечно, частые наказания кнутом породили пословицу: "Кнут – не Никола, а истину скажет!" (П. 39). Интересна также пословица: "Что на суде говорят, то и записывают" (С. I. 2634) – видимо, частенько приходилось простым людям бывать на

суде и на собственной шкуре испытывать всю утомительную процедуру судебного дознания, скрупулезно заносимого на бумагу! Для крестьянского самосознания вообще характерна вера в незыблемость письменного решения, вера в действительность "бумаги", документа: "Быть так, как пометил дьяк" (Р. 10) – утверждала крестьянская пословица XVIII в. (другой вариант: "Быть тому так, как писцы написали" – Р. 31).

Можно, следовательно, сказать, что сохранившиеся фольклорные материалы XVII–XVIII вв. дают основание для исследования такой проблемы, как отношение народа к судебным-правовым институтам России того времени. Крестьянская пословица позволяет понять, как оценивало крестьянство царский суд и как высоко ценила она понятие закона как высшей нормы поведения человека. В этом – непреходящее значение фольклорных материалов для характеристики социальных аспектов духовного мира русского крестьянина, новую грань которых мы открываем в теме "Торговля и деньги в народном творчестве XVII–XVIII вв."

* * *

Появление этой темы в народном творчестве не случайно: оно связано со вступлением России в "новый период" ее истории, с формированием всероссийского рынка, дальнейшим развитием элементов капитализма в экономике феодализма. Начиная с XVII в. торговля стала охватывать все слои населения – от дворцовой верхушки до крестьянства. И хотя в торгово-денежных операциях ведущая роль принадлежала купечеству и посадским людям, тем не менее в крепостной деревне с XVII в. стал складываться разряд торговых крестьян⁴¹, остававшихся в крепостной зависимости от хозяев и плативших им оброк со своего капитала, однако ведущих самостоятельную торговлю либо в качестве скупщиков, либо как самостоятельные торговые люди⁴².

Количество крестьян, занимавшихся торговыми операциями, продолжало возрастать в XVIII в. И.Т. Посошков говорил, что в одном Новгородском уезде "крестьян, кои торгуют, будет сто-другое... есть такие богачи, что сот по пяти-шти имеют у себя в торгу"⁴³. Некоторые крестьяне выступали уже крупными подрядчиками, перевозили различные товары за сотни и тысячи верст и выступали конкурентами даже купечества, что и привело, как известно, к законодательному ограничению крестьянской торговли в городах⁴⁴. Происходило расслоение крестьян, занятых торговыми и мелкотоварным производством.

Усиление роли денег и торгового капитала нашло свое отражение не только в ряде официальных документов XVII–XVIII вв., но и в крестьянских пословицах, в емкой и образной форме показавших растущую власть злата: "Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют" (С. I. 74), "Везде с алтыном господин" (II. 101). Крестьяне склонны видеть в деньгах даже самостоятельную силу, которой все доступно: "Алтын сам ворота отпирает и путь очищает" (С. I. 75). Мало того, деньги могут не только помочь человеку, но и уничтожить его: "Алтын пробивает и тын, а полтина убивает и Мартына" (С. I. 62).

В течение всего XVIII в. основными покупателями и продавцами на

сельских ярмарках и торгах были, конечно, крестьяне. Уже к середине XVIII в. «сельская торговля крестьян была узаконена не только в отношении продуктов своего хозяйства, но и разных "мелочных" товаров»⁴⁵. Указом 1745 г. мелочная торговля была разрешена "в больших селениях вдали городов и на больших дорогах, где для крестьян и проезжающих необходим был торг"⁴⁶, зажиточное крестьянство стремилось записаться в купечество, преимущественно в столичное – Москвы и Петербурга. Но, конечно, в массе своей крестьяне были не продавцами, а покупателями, почему и некоторые товары прямо характеризуются как "крестьянские": "шапки крестьянские", "пугвицы крестьянские" и проч.⁴⁷

Народная пословица чутко откликнулась на это изменение роли денег в общественной жизни: "Где деньги, там и честь" (Б. 746), утверждает пословица, причем добавляет: "Как деньги есть, так и все есть" (Б. 1764) или "Много денег не скучит" (Б. 2713). Часто пословица выражает эту же мысль и в такой форме: "Деньга – слина^{8*}, а без нее – схи́ма" (С. I. 785; ср.: БАН. 228, 257; З. 155; Б. 977, 1182). Как общий итог звучит утверждение: "Без денег – худенек" (БАН. 35; ср.: П. 266; Р. 34). Основа торговли – деньги, и пословица выражает эту истину в такой обобщенной форме: "За ничто ничего не купят" (Б. 1369).

Рост внешней и внутренней торговли России во второй половине XVIII в. сопровождался увеличением оброков и государственных податей, которые шли и на частые войны, и на содержание императорского двора. "Крестьяне, чтобы уплатить оброки, подати, по необходимости должны были продавать часть своего продукта, превращая его в товар". Подати и оброки росли, а цены на хлеб падали. В указе от 28 марта 1762 г. говорится: "Во многих еще провинциях и при великих реках лежащих хлеб остается в такой низкой цене, что крестьянин при всем урожае оного едва столько намолотить успеет, сколько на заплату его податей потребно". В докладе Комиссии о коммерции от 21 июня 1764 г. сообщается: "Крестьянин, трудясь через целое лето, насилию на платеж своих оброков может заработать" что заставляло продавать свой хлеб на корню. В то же время зажиточная часть крепостного крестьянства выделялась из общей массы и становилась видной финансовой силой. Известно дело крепостного крестьянина Шереметевых Н. Сеземова, который за одни только винный откуп выплачивал казне ежегодно по 911,7 тыс. рублей. Сам Шереметев задолжал ему 28 280 руб.⁴⁸

Стремление к накопительству, к созданию крупных денежных капиталов отобразилось и в пословицах XVII–XVIII вв., бытовавших в крестьянской среде в это время. "Алтыном – полтина, а полтиною – рублина" (С. I. 83) – вот как создается богатство, и пословица поучает: "Деньгам – щот, а хлебу – мера" (Б. 974). Пословица сравнивает деньги с самым дорогим, что было у крестьянина – с хлебом! В нескольких сборниках сохранились пословицы: "Денешка любит щот!" (С. I. 748; ср.: БАН. 220; П. 121) и "Деньга рубля стережет" (С. I. 665; ср.: БАН. 217; Б. 973). Крестьянское происхождение подобного рода пословиц выявляется, в частности, в том, что пословица отдает предпочтение самым первичным

^{8*} Т.е. сляна.

формам торговли, связанным с унаследованными еще от отцов традициями: "Домашняя денешка лутче заещева рубля" (Т. 184); "Домашняя гривна лутче отъезжева рубля" (С. I. 777) или "Домовитой больше продает, нежели купит" (Б. 1061). Показательна в этом плане и такая пословица: "Без денег в торг – сам не себя ворог" (БАН. 38; ср.: Б. 49; Р. 8). Пословица особо подчеркивает сложность торговли, требующей и способностей, и ума: "Без ума торговать – лише деньги терять" (С. I. 223, 339; ср.: С. II. 61; БАН. 68; Б. 80; Р. 49). Еще один вариант пословиц XVIII в. дает и такие образные сравнения: "Без денег торговать – как без соли хлебать" (Б. 50), "Без денег жить – вода пить!" (Б. 51); "Быть без обеда, коли денег нет" (Б. 307). Интересен и такой вариант: "Денег нет – на полати преть" (Б. 979).

Снова и снова повторяет пословица: торговля – вещь сложная, требующая знаний, навыков, привычки, ума: "Был бы ум, а то будет рубль, не будет ума – не будет рубля" (Р. 67), "Умом – торговать, а без ума – горевать" (С. II. 742; ср.: Б. 4312), иначе придется расплачиваться карманом: "Чево глазы^{9*} не доглядишь, то мошноу доплатишь" (С. I. 2629; ср.: БАН. 1098; Б. 789, 804, 4488). Пословица предупреждает тех, кто думает, что процесс торговли прост и легок; нет, "Торговать – не упировать" (С. I. 2270). Конечно, в торговле бывают и ошибки, особенно при счете денег "Кто не щитал, тот не об[с]читывался" (Б. 2086).

Мы найдем в пословицах речения, отразившие саму механику торговли: "Товар подачу любит" (С. I. 2239), "Продают товар збойством, а купят – назойством"^{9*} (С. I. 1916; ср.: О. 132), "Похваля – продать, а хуля – купить", "Не похваля, товар не продашь" (Б. 3301). Пословица знает, что торговля дает прибыль: "Живой товар растит наклад" (С. I. 889). Термин "наклад" употреблен здесь в его древнем значении "рост, лихва"⁵⁰. Пословица утверждает также, что "В наклад товару ни продают, ни покупают" (Б. 663), а также "Без накладу барышу не наживешь" (Р. 11). Пословица подчеркивает тесную связь между прибылью и торговлей; "Барышу наклад – большой брат" (С. I. 289; С. I. 1787; ср.: С. II. 98; Б. 2902). Мы находим в пословице уравнение барыша с накладом: "Барыш с накладом равны" (Б. 39) и даже "Малой барыш лучше большева накладу" (Б. 40). Барыш – это неотъемлемая сущность торговли: "Без барыша не продать" (Б. 41), хотя, конечно, "Не у всякого товару барыш бывает" (Б. 42). Барыш, прибыль – смысл торговли, именно поэтому пословица утверждает: "Любить барыш – любить и наклад" (Б. 2527). Пословица даже пытается оправдать получение прибыли божественной силой: "Бог – за товаром, а купец – за накладом!" (С. I. 160; ср.: Б. 115) или "Хозяин – за товаром, а Бог – за накладом" (С. I. 2422; ср.: БАН. 738). Замена Бога и купца в двух последних пословицах весьма знаменательна. Видимо, эти пословицы зародились в среде, старавшейся убедить покупателей, что источник благосостояния торгующих не в обмане, не в наживе, а в благословении божественной силы. Но встречается и иное толкование происхождения наклада: "Продавец за товаром, а купец – за накладом, черт за купцом" (Т. 671).

^{9*} Назойство – упорная, наглая требовательность.

Интересны пословицы, говорящие о качестве товара и его роли в процессе торговли: "Холею^{10*} и товар красивее" (Б. 4387) или "На опальный товар много купцов" (С. I. 1771) – тонко подмечает пословица, добавляя при этом, что "Худой товар богатой в радости, а убогой в слезах не увидит" (С. II. 1010). Мы находим среди пословиц и те, что стоят на стороне продавца: "Товар полюбитца – кум отступитца" (С. I. 2237; ср.: БАН. 838). Более выразителен вариант XVIII в.: "Товар полюбится – и ум разступится" (Б. 4221). Есть пословицы, которые как бы убеждают покупателя не скупиться: "Товар – не медведь – всех денег не съест!" (С. I. 2237; ср.: О. 477; Б. 4220). Но вместе с тем немало пословиц, что отражают интересы покупателей, с иронией взиравших на то, как "Розсыпал гость товар, да запел, что комар!" (С. I. 2086; ср.: О. 302) и не без оснований утверждавших, что "Хто торгует, тот ворует" (С. I. 2495).

Надо сказать, что пословица очень часто дает подспудное сравнение торговли с воровством, хотя никогда прямо не говорит о тождестве этих понятий. Так, в пословице "наклад" бывает не только в торговле, но и в воровстве, причем "Воровать – не торговать: накладу больше!" (Б. 487). Близость этих понятий видна и в пословице: "Воровать не смею, а торговать не умею" (Б. 488). Но в итоге пословица утверждает: "Лучше торговать, неже воровать" (Б. 2485), потому что "Лучше трата малая, неже прибыль худая" (Б. 2486).

Мы можем проследить по пословицам весь процесс торговли, начиная с установления цены. При этом пословица подчеркивает индивидуальность этого действия: "Чужому товару цены не уставливай" (С. I. 2579), "Собою цены не уставить" (С. I. 2137; ср.: О. 360; З. 953). Оценивать товар надо до его продажи: "Пени дома, а продавай на торгу" (II. 100); а цена стоит в прямой зависимости от качества товара: "Какова плена^{11*}, такова ей и цена" (Б. 1665). В то же время в пословице звучит и мысль о подвижности цен, легкости их изменения, – ведь "Цена уставить – не село преставить!" (С. I. 2548). Вариант XVIII в. заменяет село на город: "Цена уставить – не город составить!" (Б. 4479). Хорошо осознавали покупатели и значение запроса в процессе торговли: "Запрос в мощну не кладут" (С. I. 1049); образно передает пословица и вручение задатка: "Лапа в лапу, а задаток в лавку" (С. I. 1424). В пословицах содержится и характеристика товара в процессе торговли: "Дешеву товару – дешева и цена" (С. I. 766) или "И дешево, и дорого продать" (Б. 1533). Очень популярной была пословица: "На гнилой товар да слепой купец"^{12*} (С. I. 1743; ср.: С. II. 414; БАН. 69; Т. 727; Б. 2859), при этом особо подчеркивается роль личного знакомства с товаром, очной торговли: "За очи каня не купят" (С. I. 1051), "За очи яйца торгуют" (С. I. 1089), "Заочно торговать – по товаре горевать!" (С. I. 1090). В пословице отразилась и важность ходкости товара, его раскупаемость: "Застой товару цены збавливаєт"

^{10*}Холя – чистота, опрятность.

^{11*} Плена (плева) – кожа, тонкая, пленка.

^{12*}Имеется в виду покупатель.

(Б. 1403). Прекрасно знали авторы пословиц роль пошлины в торговле, когда употребляли в переносном смысле речение: "Пошлины взяты – и товар утонул" (С. II 556; ср.: БАН. 739); или когда горевали от слишком высоких пошлин, мешавших развитию торговли: "Столько и товару нет, что пошлин правит" (С. II 643; ср.: БАН. 862; Б. 4145). Особо выделяет пословица вольность, нерегламентированность торговли. "Вольнее торгу нет" (С. I 544), – утверждает пословица, добавляя: "Торг повольной – купец любовной" (С. I 2269) – ср. вариант XVIII в.: "Торг повольной, а купец поводной"^{13*} (Б. 4236).

Конечно, многие пословицы, затрагивающие торгово-денежные операции и связанные, возможно, своим происхождением с торговой средой, в процессе своего бытования оторвались от этой среды и стали употребляться и в переносном, и в обобщенном смысле. "Голосом – петь, коном – воевать, а деньгами – торговать" (С. II 997), – говорит пословица, выбирая для каждого рода деятельности свой художественный образ. "У кукиша не выторгуешь мякиша" (С. II 1124), – лукаво молвит пословица. "Дехтем торговать – дехтем и вонять" (С. I 704) или "Луком торговать – луковым плетнем и подпоясаться" (С. I 1418) – эти и подобные им речения служили для выражения совсем иных понятий, не связанных больше с торговлей.

Тема денег в пословице не связана только с торговлей. Очень часты призывы к экономности. В них звучит озабоченность перед возможными ударами судьбы. Отсюда такие пословицы, как "Береги деньги на белой (Так! – Л.Л.) день" (П. 2; ср.: Б. 85, где говорится о черном дне). Интересны мысли о том, что деньги обязательно себя проявят, как ни храни в тайне свое богатство: "Любовь, кашель, дым и деньги не будут долгое время скрытны" (П. 66).

Показательно утверждение пословицы: "Больше денег – больше и хлопот" (Б. 138) или "Деньги делают хлопоты" (Б. 975). Крестьянская пословица советует: "Лучше ни убыток, ни прибыль" (Б. 2415), предупреждая неопытных: "На деньгу не скоро мечись" (Б. 2889). Конечно, без денег спокойнее, деньги – это горе, но "Горе – деньги, а вдвое – без денег" (Б. 874, 978). Деньги, богатство всегда тянули к себе человека – пословица так говорит об этом: "Не насытится око зрением, а ум – богатством" (Б. 3258). Но крестьянская пословица оперирует очень мелкими денежными единицами – полушкой, грошом, деньгой (денежкой), в лучшем случае – алтыном: "На свои алтыны купил, не на чужие!" (Б. 302), или "Всякая копейка алтынным гвоздем прибита" (Р. 90). Крупными суммами крестьяне в массе своей не ворочали, да и мелкие монеты доставались им с трудом, без них нельзя: "Денешки нет – и колачика не дадут" (Б. 981), а "За свой грош – везде хорош" (Б. 1399, 3020) или "Кабы был у меня грош, то был бы хорош" (Б. 1660). Вот и приходилось крестьянину долго раздумывать, можно ли ему истратить заработанные деньги: "Как даром да шаром, так: хорош табачек, а на денешку – зелен!" (Б. 1763).

Для крестьянского сознания характерно трезвое понимание конечной

^{13*}Т.е. послушный.

ценности денег: "Деньги – железо, а платье – тлен, а кожа всего дороже" (Б. 976). Как итог размышлений о силе золота звучит пословица "Денешка маленька, да имя велико" (Б. 980; ср.: Б. 2598).

* * *

К пословицам о торговле примыкают пословицы, затрагивающие тему ростовщичества. Их появление не случайно. Известно, что уже в XVII в. денежные операции приняли широкий размах, заемные, ссуды исчислялись не только в сотни, но и в тысячи рублей, а в XVIII в. к услугам ростовщиков стали прибегать не только крестьяне, помещики, но и само государство⁵¹. Для малоимущих крестьян ростовщичество было кабалой, подлинным бичем. Растущая в обществе сила денег породила пословицу "Заем красен платежом" (С. I. 1094, 1252; ср.: БАН. 237; Б. 1371). Прежде чем занимать, подумай, чем будешь расплачиваться: "Занимай, да было бы чем платить" (Б. 1370). Поэтому пословица предупреждает: "Как занял, так и плати" (Б. 1778). Возврат долга – нежданная радость, так утверждает пословица: "Як хто довг^{14*} отдаст, то як находка" (З. 1289). Пословица поучает неопытного: "Богатее себя в заем не давай, так и не оголеешь" (С. II. 113; ср.: БАН. 817). Верная пропаганде высоких моральных правил, пословица требует выплаты долга: "Заем платить – не беда" (С. I. 1093) или "Бувши винным, треба сути и платным" (З. 45). В то же время осознается, что многие бедняки не в состоянии уплатить деньгами своего долга – они за него расплачиваются своей спиной: "С худова должника хоть не деньгами, да чешую" (БАН. 875). Займодавец заботился о том, чтобы его должник был жив и мог бы заплатить своей долг: "Бодай той жив, хто винен" (З. 70). Горька судьба должника: "Займуя – смеются, а платяя долг – плачут" (С. I. 1095). Пословица говорит: "Займщик займодавцу всегда виноват" (С. I. 1096). Верная старинным дедовским заветам, она поучает вообще отказаться от ссуд и займов: "Ссуда – лишняя остуда" (С. I. 2217); указывает на пагубность не только брать, но и давать в долг – возврата потом не добьешься. Поэтому лучше отказаться в просьбе дать в долг: "Дать ссуда – на век остуда, а не дать – только на час" (С. I. 700; ср.: БАН. 584). Особенно нежелательные последствия были, когда ссужали близкого друга, зачастую теряя прежнюю дружескую близость: "Друга ссужать – себе досаждать" (С. I. 703).

Мы видим, следовательно, что пословицы, в которых затронута тема торговли и денег, отобразили и в содержании и форме отдельные черты крестьянского сознания. Они также должны быть учтены исследователями при характеристике духовного мира русского крестьянина. В период ускоренного формирования всероссийского рынка и активного проникновения товарно-денежных отношений во все сферы жизни крестьянство не могло остаться в стороне. Существование крестьянских пословиц на интересующие нас темы – лишнее доказательство его социальной активности.

^{14*}Т.е. долг.

Эта активность проявилась и в пословицах, отобразивших отношение крестьян к церкви и ее служителям. Ранее было уже сказано, что в массе своей крестьяне послушно отправляли свои обязанности, связанные с православной церковью. Не только священники, но и помещики следили за этим. Церковная идеология оказала воздействие на взгляды крестьян, на их устное поэтическое творчество. Но источниковедческая ценность пословиц в том, что они отобразили не только это несомненное и довольно значительное воздействие, но и собственные взгляды трудового человека на окружающую его жизнь, в частности на церковь и ее служителей. Иначе и быть не могло: сталкиваясь со священником, крестьянин объективно мог судить о нем, о его жизни; это давало крестьянину большой сопоставительный материал и для оценки его собственного места в обществе, и для высказывания более общих суждений по социальным аспектам его жизни. Обычно источниковедение рассматривает пословицы как один из важнейших источников изучения общественных отношений⁶², в том числе отношения народа к религии и церкви.

Конечно, было бы весьма заманчивым определить отношение к религии и церкви средневекового русского человека в более ранние века, однако отсутствие репрезентативных источников за X–XVI вв. не дает нам права на научно обоснованные выводы. Мы можем лишь трансполлировать наши знания о мировоззрении трудового народа России XVII–XVIII вв. на более ранний период, т.е. в наших выводах всегда будет присутствовать элемент гадательности, допущения, предположения.

”Фольклорные и литературные произведения, созданные трудовым людом, являются наиболее ярким и самобытным выражением передовой общественно-политической мысли”⁵³ – В.В. Мавродин совершенно справедливо обратил внимание на близость фольклора и демократической рукописной литературы, на возможность их совместного использования для характеристики мировоззрения, социальных аспектов духовного мира трудящихся масс.

Большая часть анализируемых ниже пословиц касается главным образом социальных отношений, но есть среди них и такие, которые затрагивают и мировоззренческие проблемы более глубокого свойства. Исследователи давно уже отметили, что ”те пословицы, в которых затрагиваются вера и церковь, в большинстве своем пронизаны атеистическим и антиклерикальным духом”⁵⁴. Многие уже сделано в нашей науке и для того, чтобы раскрыть самый процесс развития атеистического сознания русского крестьянина⁵⁵. Однако до сих пор у нас нет полного представления о том, что думал и что говорил русский крестьянин XVII–XVIII вв. в своих пословицах о тех, кто был для него, с одной стороны, учителем жизни, духовным наставником, земным предстателем перед самим Богом, а с другой – защитником власти царя и помещика, мирским захребетником, наживающим богатства на ограблении бедняков-крестьян.

Поэтому совсем не случайно во многих русских народных пословицах XVII–XVIII вв. затрагиваются вопросы веры, религии, церкви. Прежде всего бросается в глаза критическое отношение авторов пословиц к слу-

жителям церкви – белому и черному духовенству. Это и понятно: священник и монах ближе всех стояли к трудовому люду, их пороки и недостатки бросались в глаза. В массе своей священники (особенно сельские), а также монахи не отличались высокой нравственностью: церковь и монастырь для них были чаще всего средством более или менее безбедного существования и пропитания. Безусловно, среди них было немало искренне верующих в свою высокую просветительскую миссию, бескорыстных проповедников, но в то же время некоторые священники не столько заботились о спасении душ своих прихожан, сколько о собственном благополучии, о сытом и хмельном быте. Этот факт не был секретом для высшей церковной власти. Яркую картину распада монастырского быта мы находим в грамоте 1649 г. патриарха Иосифа вологодскому архиепископу Маркеллу: ”в монастырех умножилось хмельного питья, и от того хмельного пьяного питья монастыри оскудели, и общежительство и монастырский чин разрушаются. А архимандриты, игумены, и попы черные, и строители, и старцы о церковном пении и благочинии не радеют...”⁵⁶.

Один за другим следуют строгие царские указы, направленные на борьбу с пьянством монахов. В 1647 г. царь Алексей Михайлович послал в Соловецкий монастырь грамоту, в которой отмечалось, что монахи этого монастыря ”охочи пьяного пития пить: и они своих мер за столом не пьют, и носят по кельям, и квасят в кельях, и напиваются допьяна, и от того пьянства бывает многая вражда и мятежи”. Царь указал ”за бесчинство и за пьянство смирять монастырским всяким смирением, смотря по вине, кто чего доведется”⁵⁷. Но все это были частные мероприятия, видимо, не давшие результатов, и через два года, в 1649 г. от имени царя Алексея Михайловича было разослано во все монастыри указание ”во всех монастырех хмельное питье, вино, мед и пиво отставить, чтоб от того монастыри в оскудении не были”. Во исполнение этого митрополит ростовский и ярославский Варлаам, например, послал грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь о недозволении держать в монастырех хмельное питье, ”а велено во всех монастырех про братню и в расход держать квас ячной и ржаной”⁵⁸.

Суровые царские указы, однако, не меняли положения дел. Вскоре, в 1652 г. от имени царя Алексея Михайловича была послана новая грамота архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Митрофану, и в ней говорилось о том, что ”в московских, в ближних и в дальних, в степных и в нестепных монастырех и архимариты, и игумены, и келари, и строители, и казначеи, и священники, и братья на монастырских погребях и по кельям у себя держат хмельное питье, вино, и мед, и про монастырский обиход и про себя в монастырских вотчинах вина сидят, и пива варят, и меды ставят, и в монастыри возят, и от того хмельного пития церкви божи бывают без пения”⁵⁹.

Типичность этого явления церковного быта подтверждается и пословицами, среди которых во многих рассказывается о пьянстве попов и монахов: ”Варил поп пиво – невелико диво” (Б. 374) или ”Пьяный Тит псалмы твердит” (О. 135; ср.: С. I. 1919; БАН. 35). Пьянство монахов

особенно бросалось в глаза иностранцам⁶⁰. Вот один из примеров: Николай Витсен, амстердамской бургомистр и географ, пользовавшийся позднее покровительством и поддержкой Петра I, еще в молодые годы посетил Россию вместе с послом Бореелем. В 1665 г. он посетил Новый Иерусалим и беседовал с опальным патриархом Никоном, а затем осмотрел вместе с ним монастырь: "Монастырь окружен был деревянной стеною с несколькими деревянными бастионами. В стенах, однако, не было отверстий для пушек и ружей, чтобы монахи через эти отверстия не таскали водки в монастырь. Вообще Никон очень строго следил за тем, чтобы монахи не напивались"⁶¹. Но, видимо, строгие меры и увещания церковного руководства не давали желаемого результата. В Окружном послании ростовского митрополита, написанном в 1652 г., при вступлении его в паству, мы читаем: "Да видим в простых человецех, но и паче же в духовных чинех укоренилась злоба сатанинская безмерного хмельна упивания... не токмо простые человеци до пьяна пьют, но и от чину от священного безобразно и зело упиваются..."⁶².

До нас дошло довольно значительное количество судных дел "о разного рода бесчинствах и неистовствах" священников XVII в., в которых мы находим многочисленные подтверждения "неправой жизни" пастырей душ человеческих. Так, игумен Воротынского Спасского монастыря под Калугой Авраамий построил под своей кельей специальный погреб, где держал "питье и всякий харч". Питье это было непокупное: игумен "для своего расхода гнал вино из монастырского хлеба, и того хлеба в расходных книгах не писал, что в вине пожег, а ставил расход братский; того хлеба пожжено в вине 32 четверти". Напившись пьян, Авраамий любил "поскакать и поплясать, и бесовских песен попеть", а в пьяном виде бил монахов и крестьян "безвинно своими руками смертным боем и до крови" и плетью, и ивовою палкою, и даже "четвертным поленом". Из преподобных уст Авраамия окружающие слышали не столько слова поучения, сколько ругательства и сквернословия, о которых "не мощно zde глаголати"⁶³. Еще один пример: рязанский архиепископ Михаил сразу же после своего поставления на кафедру обратился к своей пастве с окружной увещательной грамотой. Тотчас же после провозглашения в ней здравицы царю и его семейству архиепископ прежде всего предупредил священников, чтобы они "хмельного пития и в домах своих не держали, и по кабакам не ходили б, и в инех местах нигде не пили"⁶⁴. Знаменитое подметное письмо, найденное в Москве в 1660 г. и переполошившее московских архиереев, сурово обличало русский клир, прямо и недвусмысленно утверждая, что "несть уже ни единого епископа, чтобы жил по-епископски, ни одного священника, чтобы жил по-священнически, ни инока, чтобы жил по-иночески... вси свой чин презреша"⁶⁵.

Все это находит яркое подтверждение в пословичном материале XVII–XVIII вв. Народная пословица ясно указывает, где искать храбрость и мудрость, а где – порок и глупость: "Храбрых – в тюрьме, мудрых – на кабаке, а глупых – в попех" (С. I. 2395; ср.: О. 592). Хотя пословица и отметила, что "Не учась, в попы не ставят" (Т. 915), тем не менее русский

человек нередко сталкивался с тем, что служитель церкви большим умом и житейской сметкой не отличался. Глупость священника подчеркивается народной пословицей в самых различных вариантах: "Глупого попа и в алтаре бьют" (Т. 198; ср.: Б. 810), "Умен что поп Семен: книги продал, да карты купил" (Б. 4301). Для труженика служитель культа (причем не только сельский священник, но и самые высшие духовные чины!) – это обычный человек, а вовсе не наместник Бога на земле. Пословица верно утверждает: "Голодный и патриарх хлеба украдет!" (Б. 849; ср.: Т. 215). Эта пословица – лишнее подтверждение тому, что родилась она в трудовом народе, знающем цену куску хлеба.

В XVIII в. Петр I в дополнении к "Духовному регламенту" так отозвался о монахах: "Чин неипаче монашеский, который в древние времена был всему христианству яко зеркало и образ покаяния и исправления, во времена сия во многая безчиния развратися"⁶⁶. В указе 1724 г. так говорится о паразитизме жизни монахов в монастырях: "Что же прибыль опчеству от сего – воистину токмо пословица: ни Богу, ни людям; по-неже большая часть бегут от податей, дабы даром хлеб есть"⁶⁷.

Вторая черта поповского характера, всегда выделяемая народной пословицей, – это корыстолюбие. Пословица постоянно отмечает, что церковь – источник благосостояния священника: "От священника молитва, от людей – пять рублей" (С. I. 2315; ср.: БАН. 51) или "Не грози попу церковь, он тем сыт бывает" (Б. 3174; ср.: Б. 3693, 3706; Т. 800; БАН. 571). Интересен и такой вариант: "Служай алтарю, алтарем питается" (Т. 1217); он появился уже в XVII в.: "Служачи алтарю в олтаре и живыся" (З. 902). Видимо, эта пословица пользовалась длительной популярностью. Но встречаются пословицы, которые не просто констатируют, что поп живет церковью: "Не грози попу плешь, у попа плешь – лавочка" (БАН. 590). Известно, что в допетровской Руси священнику при посвящении простригали волосы на макушке; поповская плешь, следовательно, есть символ его звания, из которого он извлекает не только средства своего существования, а и доходы, как купец из своей лавки – вот смысл этой меткой народной мудрости. Несчастье людей для священника – источник его прибыли: "Кому тошно, а попу в мошно" (С. I. 1348) или "Где завыли, тут попы и были" (С. II. 192), "Мужику тошно, а попу – в мошну" (Ш. 498), "Мужик плачет, а поп пляшет" (Ш. 499). Метко вскрыта однотипность церковного и приказного быта: "Поп ждет покойника, а подьячий – колодника" (Б. 3712).

Корыстолюбие и скупость священников – широко распространенная тема народной пословицы: "Попа сеном не кормят" (Т. 1050; ср.: Б. 3694); она иронически так говорит о жизни в услужении у священника: "Неволя-неволя боярский дом, а лучше итти к попу во двор: стоя бы наелся, а сидя – выпался!" (Б. 3140). Священник любит взять, любит подачки и угощения, но сам скуп чрезвычайно: "У попа да захотел ты кутьи!" (Б. 4324) или "Поп любит блин, а ел бы он один" (О. 118; ср.: С. I. 1903). Жадны не только священники, но и все служители культа: "Сыт пономарь и попу подает" (С. I. 2201; ср.: О. 430; Б. 4174). Священники берут мзду и деньгами, и натурой ("Быть попу в уезде, имать ему и тестом" – С. I. 299),

особенно печеным хлебом: "Хорошо попам да поповичам: дура[ка]ми их зовут, да пирогами им дают" (С. I. 2476). В пословице говорится о ссорах между служителями культа ("Поп попа кает, только перстом мигает" – С. I. 1993), причем как о явлении обычном ("Поп попа наказывал, а другой усом подергивал: я-де сам те бакулы^{15*} знаю!" – С. I. 2011).

Метко и образно обличается корыстолюбие и стяжательство служителей в "Известии" чаусских крестьян-старообрядцев 1756 г. Вот что пишут они о православных священниках: "А нынешния у вас епископи и презвитери и протчие духовные чины... обируют златом, и коней, и волы, и стадо, и села похищают, берут много жита, и вино, и мясом, и берут волну и копраниму, сиречь шерсть, и кудель, а о ином не зрят прилежно, разве пиры и трапезы обильныя, и вина благовонныя, и рыбы красныя". И далее крестьяне, сравнивая священника с волком, утверждают: "И како можно овцам от волка сохранено быти без пакости, тако и от ваших пастырей душам без повреждения"⁶⁸.

Чрезвычайно интересно проследить, с кем сравнивается священник в антицерковной крестьянской пословице XVII–XVIII вв. Это, прежде всего, рифма "поп–клоп": "Попам да клопам жить добро" (С. I. 1900; ср.: О. 115), "Попы пастятся над мертвыми, а клопы над живыми" (С. I. 1599) или такой вариант: "Попы поют над мертвыми, а комары – над живыми" (О. 116). Видно, основательно досадил священник крестьянину!

Мы находим в пословице и сравнение попа с петухом ("Поп да петух не етчи поют" – Б. 3705; ср.: О. 129; Ш. 644; С. I. 913; С. II. 546, БАН. 44), с котом ("Мыши кота обрали за попа" – С. I. 1599), с волком и медведем ("У попа вовчие ноги, а медвижее череве" – З. 1058), с собакой ("Мы про попа, и они – про собак" – Б. 2794).

Не только сам священник, но и его семья стали объектом сатирического осмеяния в народной пословице: "Поповы дети – что соловы кони: ретко удаются" (Б. 3702; ср.: Т. 1053). Особенно достается поповне: "Не хватайся, як лоповна, замуж!" (З. 1532) – насмехается трудовой человек над незадачливой невестой. И попадья также не оставлена вниманием: "Поп кабы поп, да лижа попадья" (О. 117; ср.: С. I. 1902; З. 385), "Попадаюшка как ладеюшка" (Б. 3707) – подтрунивает пословица над тучностью беззаботной и ленивой попадью.

Как итог отношения русского народа к служителям культа звучат пословицы: "И в нашем владыке правды нет!" (Б. 1512) или "И в Сидорепопе правды нет" (Б. 1520), "Собака и на владыку лает" (У. 222). Пословица как бы предупреждает всякого, кто сталкивается с церковью: "На владыку не надейся!" (Б. 2846). Лучше всего, утверждает пословица, вообще обойтись без долговолосых прихлебателей в рясах: "Лучше ни поп, ни дьякон, ни пономарь, ни дьячек" (Б. 2402).

Не только церковь и приходский священник, но и монастырь с его ленивыми трутнями-монахами подвергся осмеянию в народной пословице – тот самый монастырь, который церковь объявляла идеальным местом истинного спасения души и служения богу. Как бы в ответ на это

^{15*} Т.е. пустые слова, слухи, болтовня.

пословица утверждает: "И в мире спастися можно" (Б. 1510). О каком благоговении перед монастырем могла идти речь, если народ не уставал потешаться над его обитателями: "Игуменья за чарку, сестры – за ковши" (Т. 463) или "Игуменья за чарку, сестры – за стакан" (Б. 1530). По главе монастыря судят о монашестве в целом: "Каков игумен, такова и братия" (Б. 1715; ср.: БАН. 398; Ш. 362, 363; Б. 1812; 2114; Т. 512) или "Каков поп, таков и приход" (Б. 1731; ср.: Т. 413). Отсутствие у монахов подлинного благочестия, уважения к церковной службе бросалось в глаза всем, кто сталкивался с монастырской жизнью. Показательны наблюдения Н. Витсена: «Я слышал, как во время перенесения святых даров один монах сказал другому: Посторонись, сукин, сын!»⁶⁹.

Монастырь в сознании народа сравнивается, в первую очередь, с прибежищем для стариков и старух (т.е. богадельней), либо для увечных и больных: "Взяв костыль – бресть в монастырь" (Б. 396). Монастырь же для игумена – это средство его пропитания и обогащения: "Воевода около города, а игумен около гумен сыт бывает" (Б. 413). С насмешкой и издевкой оценивается монастырь вообще и монахи в частности: "Инок Агрипен, засвербело в спине" (Ш. 330). В пословице встречается тонкий намек на человека, опасавшегося идти в монахи из-за трудности выполнения обета безбрачия: "Хотелось постричься, до приспелось жениться!" (С. I. 2469; ср.: О. 670). Порой пословица бывает грубовата: "Пойду в монастырь жити, где чернцов пусто, а баб густо!" (С. II. 586). Монах изображается человеком, которого тяготит монашеская жизнь: "Екиму дают схиму, а он и манатью скинул" (С. I. 842) или "Пришли чернца схимить: а он и старое платье хотел скинуть" (С. II. 549; ср.: Ш. 647). Не менее выразительна и другая пословица, показывающая отношение чернца к своему состоянию: "Нашол чернец клобучец – не возрадовался, а потерял – не тужит" (С. II. 409; ср.: Ш. 515).

Общеизвестно, какое большое значение отводила церковь покаянию в грехах, причем само понятие греха толкуется ею и по сей день весьма широко и пространно. Искупление греха рассматривалось религией как одно из важнейших проявлений божественной силы. Трудовой же человек относился к прегрешениям весьма спокойно, уверенный в том, что "Где грех, тут и спасенье" (Б. 743); на проповедь церковников о всеобщности греха и необходимости постов и молитв как средства очищения и приближения к Богу труженик отвечал с грубоватой насмешливостью: "Знатно, что весь мир согрешил, коли попы дришут" (Б. 1462).

Итак, и церковь с ее служителями, и монастырь в народном сознании предстают как объекты для насмешек, иронического к ним отношения. Но пословица не ограничивалась критикой церкви.

Следует признать справедливым вывод исследователей: "Было бы серьезной ошибкой полагать, что антирелигиозный пафос русских пословиц ограничен лишь насмешливым, презрительным отношением и православному духовенству. Конечно, нет. Критика уходила вглубь – в область религиозного мировоззрения, не обходя "святая святых его"⁷⁰.

Вот один из примеров – отношение к раю, мифическому месту пребывания Бога, ангелов и человеческих душ праведников. Как только ни пыталась православная церковь живописать его "свет неизреченный",

”свет самосиянный”, который ”не мощно зрети”, ”не мощно человеку исповедати”! Представить себе зримо эту обитель Бога и сонма его ангелов русский человек, видимо, не мог. Трудовой человек, рассматривая рай как место прежде всего сытости и достатка (переноса в него тем самым условия собственной жизни!), представлял рай как обычную близкую ему среду крестьянского быта: ”Пустил Бог бабу в рай, а она и корову ведет, чтоб молоко там хлебать!” (БАН. 709) или ”Пусти бабу в рай, а она и корову ведет” (Б. 27; Т. 1119). Наслаждениям бесплотными духовными радостями в раю русский человек предпочитал обычную земную жизнь с ее семейными радостями, утверждая, что ”Чотки не спасут, а жена рая не отнимет” (Б. 4522; Т. 1359)¹⁶. Вместо душевной скорби о первом грехопадении народная пословица изображает его как заурядное бытовое явление (”Ева скурила – весь свет погубила” – С. I. 836), подчеркивая сугубо физиологический его характер: ”Ай, ай, Евва, прельстила дровом и выстонола чревом” – С. II. 13; ср.: III. 33). Как итог этой темы звучит пословица XVIII в.: ”Лучше ни рай, ни мука” (Б. 2403).

В ответ на церковные поучения, прославляющие образы библейских героев (”Имей терпение Иевле, а целомудрие Иосифле, а разум – Данилов, а покаяние – Лавыдово, нищелюбие Авраамле, а премудрость Соломонову, а милость и любовь самого Господа нашего Иисуса Христа”), пословица по-своему метко и насмешливо характеризует образы самых почитаемых святых – апостолов, пророков и т.д.; ”Сердит, что Илья, а дерзок, что Петр” (С. II. 637), ”По образу – Никола, по усу – Илья, по уму – свинья” (С. II. 865), ”Борода як у Спаса, а зубы як у собаки” (З. 43). Вместо уважения к одной из авторитетнейших в средние века назидательной религиозной книге Иисуса Сирахова, дидактические поучения которой церковники усиленно насаждали в народе в виде афоризмов, подлинно народная пословица предлагает такую ироническую оценку: ”Исус Сирахов насказал много страхов” (С. I. 1194). Очень часто пословица подчеркивает несоответствие внешне благостного библейского образа внутренней сущности человека: ”По бороде Авраам, а по делу – хам” (Б. 3612; ср.: Т. 1021) или ”По бороде – Авраам, а по делам – дьявол” (БАН. 728), ”По бороде Никола, а по зубам – собака” (Т. 1022), «По бороде – ”блажен муж”, а по уму – ”вскую шаташася”» (III.677).

Библейские образы и сюжеты используются народной пословицей XVII–XVIII вв. лишь как одно из средств образного описания действительности. Например, для характеристики нежданного гостя употреблялась не только старая пословица с исторической тематикой ”Не вовремя гость хуже татарина”, но и пословица ”Хотя со ангелы ликуй, только с нами не будь” (БАН. 1058). Архангел, этот добрый дух христианского вероучения, сравнивается в пословице с кнутом: ”Кнут – не архангел: души не вынет, а правду скажет” (С. I. 1256). Старая пословица ”На, тебе, небоже^{16*} что нам не гоже” остроумно переиначивается в народе: ”Дай ему, Боже, что мне не гоже” (С. II. 1077).

^{16*}Т.е. нищий, убогий.

Для народного сознания характерно ироническое отношение не только к святым, но и к иконам. В XVII в. зафиксирована пословица "Из одного дерева и икона, и лопата" (Б. 1583; ср.: Т. 475; БАН. 338; С. I. 406), явно показывающая отношение народа к важнейшему атрибуту христианской обрядности. Пословица подчеркивает возможность для иконописца творчески отнестись к своему ремеслу, следуя не только иконописным подлинникам. Показательно в этом смысле упоминание о Параскевепятнице, в образе которой объединились и христианские и языческие представления русского крестьянина: "Иконнику вольно и пятницу на иконе написать" (Б. 1611; ср.: Т. 482). Пословица особо отмечала, что иконописец "Иконы красит, а церковь грабит" (Б. 1612; ср.: Т. 483).

Равным образом и отношение к крестному знамению, чрезвычайно насаждаемому и церковью, и государством как символ христианства⁷², в народном сознании было весьма своеобразным. "Гром не грянет – мужик не перекрестится" (Б. 904; ср.: Б. 1762) – говорит пословица. Христианские праздники рассматривались церковью в первую очередь как дни, специально посвященные прославлению Бога и бесчисленных его святых. Это должны были быть дни молитвенного умиления и благостного единения верующего с Богом. Трудовой же человек видел в них просто дни отдыха. Праздничные дни никак не связывались в его сознании с христианской религией: "Мясоед с постом побронилися" (С. I. 1500) или "Свет наша масляница, потенись до Велика дни" (Б. 3964) – иными словами, крестьянин мечтал лишь, чтобы сытое и разгульное масляничное гуляние протянулось бы до Пасхи ("Велик день"), минуя голодный и скучный Великий пост. Отношение труженика к посту хорошо иллюстрирует пословица: "Понедельник держать – так и хвост поджать" (С. II. 959).

Подобным образом и колокольный звон в пословице никак не связывается с прославлением Бога: "Свято звонишь – ино в ушах пищит!" (С. II. 881) – насмешливо заключает пословица XVII в. А в следующем столетии, когда была введена регулярная армия с ее муштрой и барабанным боем, пословица сразу откликнулась на это таким противопоставлением: "Не слушай колокольного звону, слушай барабанного бою!" (Б. 3835).

Посмотрим теперь, как трудовой человек относился к Богу. Ну, прежде всего – широчайшее распространение имела пословица, подчеркивающая бессмысленность какой-либо надежды на помощь небесных сил, ибо "Бог высоко, а царь далеко" (Б. 112; ср.: Б. 476; Т. 43). Широкое бытование этой дошедшей до наших дней пословицы хорошо иллюстрируется ее использованием в революционной пропаганде, начиная с известных стихов К.Ф. Рылеева:

А до Бога далеко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус⁷³!

Надеяться не божью помощь бесполезно – поэтому так часто встречаются в сборниках пословицы "Богу молися, а сам не плошай!" (Б. 419), имеющие самые различные варианты: "Бога на помощь призывай, а сам

не плошай!" (Б. 116)), "Но Бога уповай, а сам не плошись" (Б. 2822), "Молись, а сам не плошись" (Б. 2748) и т.д. Известно, как настаивала церковь на необходимости полной искренности кающегося перед Богом и перед священником, требуя детальнейшего признания в совершенных грехах и проступках; народная пословица, наоборот, предупреждает (видимо, не без основания!): "Бога благодари, а лишнего не говори" (Б. 117).

Особенно интересны пословицы, ярко характеризующие деловую практичность русского человека, его стремление расчетливо расходовать свои душевные силы. Так появляются пословицы, типа: "Нечево тому Богу молиться, кой не милует" (Б. 121; Б. 3400) или "Не для чево тому Богу молиться, кой не милует" (Б. 3185). Чаще всего труженик сталкивался с отсутствием каких-либо положительных результатов от молитв к Богу – и как горький итог звучит пословица: "Боже, Боже, а все то же" (Б. 123). Да и что толку молиться Богу, когда: "Молебен пет, а пользы нет" (БАН. 473; ср.: С. I. 549; Б. 2747; Т. 703; У. 65). Нельзя не отметить широкую распространенность этой пословицы в сборниках. В 1757 г. М.В. Ломоносов вспоминал в своей "Грамматике" эту пословицу⁷⁴. Есть и такие ее варианты: "Хотя молебен и отпет, да пользы нет" (Ш. 851), "Молебен пет, а полги^{17*} нет: ладан выкадил, а беса не выгонил" (С. II. 372). Пословица вообще весьма трезво расценивает молитву: "Каков молебен, такова и мзда" (С. I. 1221) и приходит к выводу "Бога молить – затылком в пол колотить" (С. II. 102). Бог в представлениях русского крестьянина был прочно связан лишь со священником: "Как Бог пристанет, так и пастыря приставит" (Т. 524). Всемогушество Бога перетолковывалось тружеником в чисто житейском плане: "Бог знает, чей кур^{18*}, чей баран" (Т. 44).

Церковь призывала к молитвенному экстазу в общении с Богом, чтобы молитвы священника и жалобы прихожанина сопровождалась "слезами очищения и примирения" – как бы в ответ на это пословица успокаивает человека: "Жалуйся Богу, а слезы – вода" (Б. 1236) или "Кайся в грехах, а слезы – вода" (Б. 1663).

Народ, видимо, отчетливо осознавал, что не всякий Бог всемогущ, что существует и такой Бог, которого не боятся и глупые несмышленные телята: "Плохова Бога и телята лижут" (Б. 122; Б. 3601).

"Бойся Бога!" – учила церковь, ибо нет ничего страшнее божьего гнева. И вот в пословице появился человек, который и в церковь перестал ходить, боясь Бога: "Бога боится, да и в церковь не ходит" (Б. 118). Интересна пословица, утверждавшая: "Не бойся Бога, бойся греха!" (Б. 3092). Народ вообще скептически относился к показному благочестию и трезво обобщал свои наблюдения: "Кто много божится, тому мало верят" (Б. 2039), "Кирилловский поклон десяти пядей с хвостом" (С. I. 1382). Не благоговение и душевный трепет да страх божий породили пословицу: "Святы боже Трусентей, моли Бога о нас" (С. II. 1059). Поэтому и молитвы зачастую пародировались народом и превращались в глумление над ними: "Господи, помилуй, да и нешто подай" (С. I. 630) или "Избави

^{17*}Т.е. пользы.

^{18*}Т.е. петух.

нас, Боже, от лыса, коса, рыжа, кривоноса” (Б. 1541). Лицемерие молящегося хорошо иллюстрирует пословица, в которой вор пытается уверить Бога в своей правдивости: «Укравши часовник^{19*} – да ”господи, услыши правду мою”» (Б. 4294); БАН, 1006); такого же типа пословица: «Баба Хавронья збила с подворья – ”да будет воля господня”» (Т. 5). В ответ на царские и патриаршие указы о запрещении пения, плясок, глума и скоморошских представлений пословица дает свою оценку пения и молитвы: ”Пению – время, а молитве – час” (БАН. 745; ср.: С. I. 2019). Сравните эту пословицу с другой, широко распространенной: ”Делу – время, а потехе – час”, – и вы поймете, что хотел сказать народ сопоставлением мирского пения и христианской молитвы. Трезво смотрел русский человек на молитву и четки: ”Четки святым не делают” (Т. 1360). Утомительные, с земными поклонами молитвы воспринимались в народе с осторожностью, и недаром пословица предупреждала женщин, особенно немолодых: ”Ба, береги лба!” (Б. 9).

Весьма интересно для характеристики народного мировоззрения утверждение полного равенства между Богом и нечистой силой: народ не отдавал предпочтение ни тому, ни другому; пословица призывала в равной степени ублажать и Бога и черта: ”Богу молися и кого иного не гневи” (З. 1431), а равным образом не сомневалась и в их реальной силе: ”Хоть поп, хоть дьякон, хоть чорт, хоть диавол – все равно” (Б. 4451). Равенство Бога и дьявола выглядит так: ”Бог сотворил попа, а черт – скомороха” (Б. 114), ”Поп свое и черт свое” (Ш. 685). Нередко в одной пословице объединялись реалии, взятые как из божественного мира, так и из мира антихриста: ”Апостольская борода, да чертовский усок” (Б. 173); более того, утверждалось всесилие беса, ибо ”Бесу места много” (Б. 367). Пословица нередко специально подчеркивает силу беса: ”Взяв у чорта рогожю, отдать будеть и кожу” (С. I. 387), ”Аминем беса не избудешь...” (Ш. 5), ”Взяв чорта в дом, не выбить ево лбом” (С. I. 386), ”Старого черта не батькой звать” (С. II. 673), ”Бойся смерти – не утожили бы черти!” (С. I. 294; ср.: С. II. 335).

Сила беса, его превосходство над силами небесными чувствуется и в пословицах: ”Поп едет дорогою, а черт – целиком” (Т. 1057; ср.: Б. 3703) или ”Черта крести, а он в воду глядит” (Ш. 868), ”Поп поет свое, а черт свое” (Б. 3704; ср.: Т. 1054). Для пословицы XVIII в. вообще характерно довольно свободное, я бы сказал, панибратское отношение к нечистой силе – ср. пословицы: ”Возьми чорт дьявола – оба ненадобны” (Т. 106), ”Крепка тюрьма, да чорт ее любит” (Т. 585), ”Лукавый человек пуще беса” (Б. 369) и др. Встречается и насмешка над чертом, ироническое к нему отношение: ”Взял черта за рога, пошел на базар” (Б. 401). Правда, сохранились пословицы, в которых нечистая сила изображается более слабой по сравнению с божественной: ”Беден бес, что у него Бога нет” (Б. 341; ср.: Ш. 47) или ”Не боится чорт песта, боится креста” (Т. 778; ср.: С. I. 303). Слабость беса подчеркнута и в пословице: ”Много у чорта

^{19*}Т.е. Часослов – богослужебная книга, в которой по часам расписано исполнение церковных служб и молитв.

силы, да воли нет” (С. II. 1617; ср. также другие пословицы на эту же тему: С. I. 586, 2673; С. II. 535; III. 51).

Пропагандируемое церковью всемогущество Христа, его всемогущество, верховная власть надо всем миром и каждым человеком в отдельности в XVIII в. перестали уже восприниматься в народе как неоспоримый факт. Появляются пословицы, в которых звучит осознание равенства человека и Христа: “На своей кляче и перед Христа пячу!” (Б. 3016; Т. 753), – в сборниках XVII в. этой пословицы еще нет.

В рецензии на сборник сказок А.Н. Афанасьева “Народные русские сказки” ортодоксальный православный рецензент В. Соколов писал: “Чем больше вчитываешься в эти произведения народного духа, тем яснее становится мучительная мысль, что народ наш только по именам и словам знает христианство, но образ его мыслей вне самого примитивного понимания элементарных истин Евангелия”⁷⁵. Рецензент был прав: русский человек не был богоносцем, каким его хотели бы видеть православные вероучители. Правда, до отрицания религии в это время народ еще не дошел. Имеющиеся в нашем распоряжении источники дают, однако, основание, утверждать, что в трудящихся массах встречалось равнодушие к религии. Они нередко воспринимали лишь внешнюю обрядовую сторону ее, а порою с иронией и насмешкой относились даже к самым “элементарным истинам евангеля”.

Пословицы были, конечно, не единственным фольклорным жанром, в котором отобразились антицерковные взгляды трудовых масс XVII–XVIII вв. В судебных документах XVIII в. сохранились записи антипоповских сказок. Русские антицерковные сказки многочисленны и разнообразны⁷⁶, но это – тема специального исследования.

Анализируя рукописные сборники пословиц XVII–XVIII вв., мы можем сделать вывод, что они дают большой материал для характеристики антицерковных, антиклерикальных взглядов крестьян того времени, для выявления их истинного отношения к церковной обрядности, к библейским притчам и образам. Трудовой человек тонко и верно подметил истинную сущность церкви для священника – она для него была прежде всего средством пропитания и обогащения. Русский человек трезво смотрел на окружающий мир, видел царящую в нем социальную несправедливость и без иллюзий оценивал роль и место духовного пастыря, церкви и монастыря в своей жизни. Совершенно не случайно процитированное выше в пословице (Б. 418) сопоставление игумена с воеводой: в сознании труженика они были исконными его противниками.

Итак, мы находим в народных пословицах подтверждение религиозно-свободомыслия трудового народа, отсутствие пietetа перед именем божьим и основными догматами православия, но у нас нет достаточно убедительных фактов и источников, которые свидетельствовали бы о сознательной антирелигиозности трудовых масс XVII–XVIII вв. До понимания истинной сущности христианства народ в это время еще не дошел. И хотя по сборникам пословиц можно судить о росте свободомыслия за два века, весь изложенный выше материал подтверждает скорее, что

перед нами – лишь начальный этап на пути становления атеистического мировоззрения.

Постепенный рост сознательности крестьянства за два исследуемых века несомненен. Анализ социальных аспектов духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. показывает как разносторонность его проявления, так и все более растущую остроту социальных оценок крестьянами своих антагонистов – бояр, дворян, воевод, приказных людей, священников.

Сплочение крестьянства во время крестьянских войн, потрясавших Россию в XVII–XVIII вв., консолидация крестьянского сословия, духовное и нравственное противостояние его феодалам – все это пришло не сразу. Одним из путей, ведущих к этому, была постоянная тяга русского крестьянина к знанию, грамотности, просвещению, книге, что и заставляет рассмотреть этот вопрос особо⁷⁷.

ШКОЛА И ГРАМОТНОСТЬ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОСЛОВИЦЕ

Можно сказать, что вопрос о распространении грамотности среди крестьян XVII–XVIII вв. в полной степени еще не решен. Приводившиеся в литературе данные подсчета числа грамотных, как это убедительно показала Н.А. Бакланова, не выдерживают критики⁷⁸. Число грамотных крестьян XVII–XVIII вв. нам в точности не известно и едва ли будет нами установлено из-за отсутствия достаточно представительных статистических данных того времени. При этом приходится учитывать и то обстоятельство, что крестьяне очень часто скрывали умение читать и писать – и желая избежать дополнительных обременительных служб по выборам, и надеясь, что ссылка на "безграмотность" спасет при необходимости от наказания, и стремясь вообще не выделяться из общей массы. Эта черта сохранилась в крестьянском быту вплоть до начала XX в., что убедительно раскрыто Т.С. Мамсик: "В глазах властей грамотность являлась признаком, выделявшим крестьянина из сословной среды, что не всегда соответствовало его интересам. Поэтому крестьянство в целом... склонно было скрывать настоящий уровень своего культурного развития. При столкновении с чиновниками... они... играли привычную для них роль простодушных неграмотных поселян"⁷⁹. Но зато у нас имеется большое количество фактов для подтверждения интереса крестьян к книге, грамотности, письму, для характеристики их читательских интересов и вкусов. Сохранившиеся надписи на рукописных книгах подтверждают, что среди крестьян были многочисленные любители "книжной премудрости, причем среди крестьян были не только читатели книг, но и владельцы целых библиотек"⁸⁰.

Среди записей, сделанных крестьянами, преимущественно черносошными и дворцовыми, мы находим пометы на книгах главным образом богослужбных, нравоучительных, "четьих", назидательного характера⁸¹. Но среди тех книг, которые читали и переписывали крестьяне

XVIII в., мы встречаем и много исторических сочинений (Синописис, Хронограф, Новый летописец, "Повесть о зачатии и рождении Петра I" П.Н. Крекшина и т.д.), а также попытки самостоятельных историко-краеведческих разысканий (например, "Книга истории села Угодичи и о городе Ростове и его округе" крестьянина М.Д. Артынова⁸²). Учеными отмечено, что русские крестьяне-поселенцы Березовского и Сургутского уездов в Приобье в XVIII в. были хранителями и распространителями устных исторических преданий о важнейших событиях в селах и городах Приобья. Исследователи первой половины XIX в. опирались на эти местные крестьянские предания и легенды, составляя историю Приобья. Крестьяне XVIII в. переписывали басни Эзопа, сказки о Бове королевиче и Еруслане Лазаревиче, роман о Францыле Венециане, другие переводные рыцарские романы и т.д. Крестьяне оставляли на полях рукописных и старопечатных книг свои пометы, в которых выражали свое отношение к прочитанному, согласие или несогласие с текстом, делали пометы личного содержания, отмечали факты продажи, заклада, дарения книг и проч.⁸³ Нам известны случаи передачи (или перекупки) книг от одного крестьянина к другому. Вот один из примеров: на экземпляре популярной книги С. Полоцкого "Жезл правления" (из библиотеки Соловецкого монастыря, № 5180), на л. 1 скорописью конца XVII в. есть запись: "197-го году (т.е. в 1689 г. – Л.П.) октября в 21 день подписал Понайской волости житель воскресенской крестьянин Ивашко [Е]горьев сын Русин, а дал сию книгу Варезжаной волости патриархов крестьянин Павел Литов сын Москвитин, а дал в прошлом во сто девять первом году августа в 16 день".

Стремление определенной части крестьянства XVII–XVIII вв. получить образование нашло отражение и в народном творчестве, которое воспитывало уважение к знанию, к грамотности, к "вежеству". Так, в былинах матери отдают своих сыновей-богатырей в школы; в былинах о Василии Буслаеве особо подчеркивается, что его в детстве учили и что "грамота ему в наук пошла" (Жирша Ланилов, № 10); богатыри в былинах шлют друг другу письма – следовательно, они были грамотными; в сказках Василиса Премудрая силой своего знания побеждает козни сказочных противников; "вежество" Добрыни Никитича отмечено многими былинами. Уже в XVIII в. записаны песни, в которых отмечается, что люди "хвалят мудрости науки"⁸⁴.

Крестьянская поговорка также откликнулась на такую важную проблему, как грамотность, ученье. Пословицы дают нам возможность установить, насколько глубоко проникло в народ сознание необходимости обучения, овладения хотя бы начальными ступенями грамотности, как народ относился к школе, учителю, к письму, к чтению, книге. Некоторые поговорки сообщают нам ряд конкретных фактов по истории и методике школьного образования XVII–XVIII вв.

Отметим прежде всего, что уже в то время в сознание крестьянства глубоко проникло почтительное уважение к слову (особенно письменному, а позднее и печатному), к грамоте, к письму вообще. "Слово – провозвестник ума" (С. II. 915) или "Слово – знак ума" (С. II. 916) – вот как

высоко ставит пословица слово, прекрасно осознавая и его действительную силу и сравнивая его со стрелой: "Слово – не стрела, а пуще стрелы!" (Т. 1213), "Слово – не стрела, а к сердцу льнет!" (С. II. 665). В пословице осознается связь слова с умственной, духовной деятельностью человека. "Мудрость человека почитает" (Б. 2754), т.е. делает человека почтенным, достойным чести. Мудрость не только возвышает тех, кто ею обладает, – она делает разумными и окружающих: "Меж мудрыми и дурак умен будет" (Б. 2672). Пословица верно подмечает безграничность ума, мудрости ("Мудрости всей не исчерпаешь" – Б. 2755), а ученость рассматривает как украшение жизни человека ("Учение – человеку ожерелие" – Б. 4341). Знание для человека – это то, что выделяет его среди людей; знание, образование нужны во всех случаях жизни.

Во многих сборниках сохранилась пословица, хорошо показывающая понимание крестьянином житейской пользы грамотности, ее значения в борьбе за жизнь: "Кто грамоте горазд, не умеет ли пропасть" (С. I. 250; ср.: С. II. 643; БАН, 419; Б. 895; Р. 218). Уже в это время в народном сознании было понимание необходимости постоянного совершенствования своих знаний, учебы. Это нашло выражение в лапидарной пословичной форме: "Век жить, а век учиться" (С. I. 436; ср.: БАН, 91; Т. 76; Б. 699) – или в более современной повелительной форме: "Век живи – век учись!" (Р. 99). Пословицы подчеркивали неисчерпаемость знаний.

В народном сознании можно заметить и явно гипертрофированную оценку морального значения грамотности, которую народ считал даже средством борьбы со злом, полагая, что "Книги читать – зла не плутать" (С. I. 1303). Преклоняясь перед книгой и грамотностью, крестьянин утверждал: "Книги не говорят, а правду сказывают" (Б. 1895) или "Письмо не говорит, а правду сказывает" (Б. 3589). В таких и подобных им речениях крестьянин выразил свое отношение к грамотности и учению вообще⁸⁵. Видно, были среди книг такие, которые воспаляли слушателей – недаром бытовала пословица: "В книгу глядит, а огонь говорит!" (Б. 602).

Как итог оценки знания, науки, ученья вообще звучит пословица, дошедшая до наших дней: "Учение – свет, а неучение – тьма" (Т. 1318; ср.: Б. 4340; Р. 80)⁸⁶. Учиться трудно, утомительно, но надо терпеть; и пословица учит: "Науку трудно терпеть, а после слюбится" (Б. 3040). Учение – это неременное условие получения специальности: "Не учась в грамоты – в попы не ставятся" (Б. 3390). Знания, ум помогают людям разбираться в жизненных обстоятельствах. Эти знания нужны в первую очередь для того (и в этом, в частности, нельзя не видеть крестьянского, трудового происхождения пословицы!), чтобы прокормить себя и окружающих, – ведь "Умная голова сто голов прокормит" (Б. 4302). Вот еще одна пословица на ту же тему: "Умом наживают, а безумием и старое теряют" (С. I. 2336). Ум, разум – главное, что есть в человеке, ум могущественнее грубой физической силы: "Разум силу преодолет" (Б. 3348), "Разум силу победит" (Т. 1136). Как общеизвестный, не подлежащий иному толкованию факт трактует пословица положение: "Не копьем побивают – головою!" (Т. 824). Народ подчеркивает при этом, что очень важно,

чтобы было много умных людей, ибо: "Ум добро, а два лучше тово" (Б. 4308; С. I. 2313). Отмечается и своеобразие, индивидуальная особенность ума у каждого отдельного человека: "Что голова – то разум!" (Т. 1361) или более распространено: "Сколько есть в свете человеческих голов, столько и разномысленных умов". Но крестьянин давно уже заметил, что "Свой разум лучше, неже чужой" (Б. 3954) и "Всяк своим умом живет". Ум человеческий пословица сравнивает с царем: "Свой ум – царь в голове" (С. I. 2104) или "Царствует ум головою" (С. I. 2561).

При всем уважении к опыту старости, весьма характерному для крестьянского сознания, пословица предпочитает ему ученость. При этом в пословице утверждается, что учиться нужно смолоду: "К мяхкому воску чисто печать воображается, а учение во младости крепко вкореняется" (С. I. 1218). Пословица даже категорична: "Мудрость старости честнее" (С. I. 1492). Распространена была и такая мысль: "Мал, да умен" (Б. 2646) или "Маленек, да умненек". Бывает, что и до старости человек ума не наживает: "До старости дожил, а ума не нажил". И пословица с сожалением говорит о тех, кто "Вырос, а ума не вынес", кто "Ростом с тебя, а разумом – с теля" (Б. 3868), у кого "Голова велика, а мозгу мало". Выразительно сравнение разума с солнцем: "Голова без ума аки небо без солнца". Ум либо есть у человека, либо его нет: "Х коже ума не пришить, гвоздем ево не прибить" (С. I. 2409; ср.: С. II. 767).

Нередко пословица сопоставляет ум с бородой⁸⁷, где борода – символ почтенного возраста: "Борода выросла, да ума не вынесла" (Б. 167; Т. 54) или "Борода велика, а ума ни на лыко" – опять употреблен термин, связанный с крестьянским бытом и трудом. Крестьянин, видимо, нередко сталкивался с таким случаем, когда "Борода – что ворота, а ума – с малой прикалиток" (С. I. 213; Б. 169).

Разумный человек, говорила пословица, будет осмотрителен при встрече с посторонними людьми; пословица учила: "Не один ты мудр!" (Б. 3365). Чужая голова не предмет насмешек: "Не ставь чужую голову конем" (Б. 3354; Т. 894), будь осторожен и предупредителен, не спеши с опрометчивыми заключениями: "Без рассуждения не твори осуждения!".

Ниже будет подробно рассказано, как относился крестьянин к вину и пьянству. Здесь же отметим, что крестьянин осуждал пьянство прежде всего за то, что оно приводило к потере ума: "Выпьешь много вина, так убавится ума". Пословица поэтому предупреждала: "Пить до дна – не видать добра" (С. I. 1961; ср.: С. II. 565; III. 658), потому, что "Пьяной – что бешеной", пьяный человек – это все равно, что безумный: "Вино человека сперва веселит, а потом безумным творит". Умный же человек никогда не позволит себе потерять человеческий облик во хмелю, и пословица утверждает в связи с этим: "Пьян да умен – два угодьа в нем" (БАН. 621; ср.: Т. 1121; С. I. 1995), ну а если "Пьян, да глуп больши бьют!" (БАН. 662; ср.: Т. 1120; Б. 3593; Б. 3827). Следовательно, пословица о "двух угодьях" в человеке – это, как мы видим, не оправдание пьянства, а лишь подчеркивание силы ума, сохранявшегося человеком даже во хмелю.

Пословица нередко противопоставляет ученость, грамотность не-

учености, неграмотности, безумию. В самой общей форме это выражено так: "Лучше учение, нежели безумие" (Б. 2496); "Ученье – красота, а неученье – сухота". "Без ума голова – котел" (Б. 79) – утверждал народ, тонко подмечая при этом, что грамоте надо учить лишь тех, кто сам к этому стрёмится, учить же того, кто этого не хочет, есть напрасная трата сил: "Как волка граматы учить" (Б. 1740). Пословица определенно утверждает: "Науку в голову не вобьешь, как охоты не будет" (Б. 3037), поэтому "Хорошо тово учить, кто перенимает" (Б. 4412). Тот, кто живет без ума, без ученья – тот нищенствует, – так утверждает пословица: "Без ума – носить сума" (Б. 81). Глупых, "безумных" нельзя встретить среди грамотных, ученых: "Безумен учения не любит" (С. I. 165) или "Безумен с ученым не пирует" (С. I. 164). В пословицах отмечается бессцельность и бесполезность учения для глупца: "Кто глуп родился, уже никогда не вылечится" (С. II. 336). Даже ученость от глупости не спасает. Бывает и так: "Учен, да не свершен" (Б. 4343), а иногда и "Из ученого глуп бывает" (Б. 1597). Народная пословица верно говорит, что "С умом можно и найти, и потерять".

Крестьянской пословице не свойственно чрезмерное восхваление учености как таковой. Она порою весьма скептически оценивает ученость, утверждая: "Кто много учен, тот ретко умен" (Б. 2037). Видимо, в этой и других подобных ей пословицах имеется в виду практический ум, житейская сметка, как в пословице: "Лучше не учен, да умен, нежели учен, да глуп" (Б. 2384). Ученые люди – и крестьяне тонко подметили это! – нередко бывают непутевыми, непохожими на окружающих. Пословица так говорит о них: "Люди учены, а путя в них нет!" (Б. 2586). Поэтому-то пословица не советует особо мудрствовать: "Мудри – не смудри, – тому ж и быть!" (Б. 2573); а иногда даже крестьянин не против пощеголять своей необразованностью: "Мы – люди неграмотные, едим пряники неписанные" (Б. 2786). Однако явная, преднамеренная нарочитость этого высказывания проступает достаточно определенно. Все же не отрицание знания и учености, а преклонение перед ними – вот что было характерно для крестьянского сознания того времени.

Мы найдем в народной пословице подлинный гимн уму, знанию, учености. Именно умом человека определяется в первую очередь и отношение окружающих к нему: "Встречают гостя по платью, а провожают по уму". Ум – это неизменный критерий оценки человека: "Всякого жалуют по уму" (Б. 539). Опытные, знающие люди "Не смотрят на платье, смотрят на разум" (Б. 3342). Не внешняя красота и пригожесть человека – его главное достоинство, а разум: "Непригож лицом, да хорош умом!" Бывает, человек и вовсе некрасив, да зато разумен: "С рожи – болван, а во всем есть талант!". Умный, образованный человек сразу обращает на себя внимание окружающих: "Глупой ищет места, а разумного и в углу видно". И вообще "С разумом жить – лише тешиться" (С. II. 628; III. 714).

При всем уважении к образованию, грамотности крестьянская пословица отдавала предпочтение прирожденному уму, сметке, природным данным человека. "Не учон, да умен" (Б. 3394), – вот убеждение бедняка, который прекрасно осознает, что "Нищета не отнимет ума" (Б. 3338),

богатство и положение не равноценны уму: "Рубище – не дурак, а золото – не мудрец" (Т. 1153; Б. 3872).

Интересно, что крестьянин связывал разум со словом, речью: "Каков разум – таковы и речи" (Б. 1729). Подчеркивалось, что главное в речи – не форма, а смысл: "На ласковые слова не мечись, а на грубые не сердись". Пословица рекомендовала дознаться до сущности сказанного: "Всякого словца надобно дознаться до конца" (Б. 536), а то ведь бывает и так: "Говорит день до вечера, а слушать нечева". Общая же оценка слова крестьянином очень высокая: "Доброе слово лутче мягкова пирога" (Б. 1016). Однако к слову нужно относиться с разбором: "Не все то перенять, что по реке плывет" (Т. 787; С. I. 1662). На веру брать ничего нельзя: "На чужие слова не споровайся, а больше сам разумляйся". Пословица учит: "Говорят наобум, а ты бери на ум", – т.е. надо размышлять над тем, что встречается в жизни, а не брать все на веру. Разговоров на свете много, но "С разговоров сыт не будешь". Не слова – главное, главное – дела, поступки: "Не слава человека добрым ставит – дела!" (Б. 3330). Лучше не спешить со словами, а прежде подумать: "Подумавши надобно слово молвить" (Б. 3632); говорить следует лишь то, что сам твердо знаешь: "Напрасно о том рассуждают, чево сами не знают". Знающий цену слову крестьянин утверждал: "Знай больше, а говори меньше", – т.е. лучше промолчать, чем высказать необоснованное суждение. Пословица учит: "Мало говоря – больше услышишь" (Т. 670), "Молчание лучше пустова болтанья", мало того: "Кто молчит, тот двух научит".

Спрашивать совета следует у тех, кто умнее и опытнее тебя: "Не спрашивай старова, спрашивай бывалова". Пословица наставляет: "Всякому надо тщиться, чтоб от разумнова научиться". При этом необходимо следить за тем, чтобы не бросать слов на ветер: "Будь своему слову господин" или "Молвя слово – держись, а не молвя – крепись" (Т. 699; Б. 2740). Народ прекрасно видел, сколько бед бывает от болтливости языка: "Более умирают от языка, нежели от меча" (Б. 147). "Всякая сорока от своего языка гибнет", – утверждает пословица, используя образ болтливой птицы, как и в других пословицах на ту же тему: "Когда б на сойку не свой язычек" или "Достанется сычке^{20*} от своего язычка". И в этих пословицах мы видим использование образов птиц, с которыми так часто сталкивался крестьянин в своей жизни.

Пословица предупреждала: "Говори, да не проговаривайся!" (Т. 203; Б. 821) или "Молви, да не промолвишься!" (Б. 2742). Советы подобного рода разнообразны: "Держи язык за зубами!" (Б. 981), "Слово – не воробей: выпустя из уст – не воротишь" (Б. 4053), "Лучше поткнуться ногою, нежели словом".

В крестьянской пословице отражается стремление лишней раз подчеркнуть почтение перед грамотным, "письменным" человеком: "Ученого учить – лице портить" (Б. 4342). Уже упоминалось, с каким уважением относились крестьяне к письменному документу, к письму вообще. Объясняется это тем, что сам процесс обучения письму был очень трудным –

^{20*}Т.е. маленькой сове.

образно так говорит об этом пословица: "Три перста пишут, а все тело болит" (Б. 4242)⁸⁸. Нередко в пословице письмо оценивается как высшая степень грамотности: "Хто в грамоте горазд, тот и писать умеет" (С. II. 902). "Бумага без чернил нага" (Б. 250) – утверждала пословица, в образной форме показывая значение письма (см. также иную пословицу с той же мыслью: "Бумага бела, а без письма мало в ней дела" – Б. 252). Но одного гладкого слова для письма недостаточно, нужен еще и смысл: "Не красна челобитна складом, красна указом" (Р. 310).

При этом, конечно, не умалялось и умение читать – недаром пословица осуждает тех, кто считает себя грамотным, а читает худо: "Грамоте может, а прочесть не умеет" (Б. 893). Значение письменного слова хорошо иллюстрирует известная пословица: "Написано пером – не высечешь и топором" (С. I. 1708; ср.: БАН. 547; Б. 2968. 4545; Т. 746; Р. 321)⁸⁹. Есть и такие варианты XVIII в.: "Записав в книгу, не вымарашь" (Б. 1382) и "Пера не обманеш!" (Б. 3561). Пословица не обошла вниманием и такую деталь, как разборчивость письма, а то ведь бывало: "Написал – да и сам не прочтет" (Б. 2969).

В пословице мы находим характеристику тех, кто занимался письмом профессионально ("Наукою люди кормятся" – Б. 3039). Того, кто кормился письмом, крестьянин приравнивает к мастеровому-точильщику: "На письме, как на точиле, сидит" (Б. 2970). Как общая оценка письменного слова звучит образная пословица: "Слово – ветер, а письмо век!" (С. II. 1070). Очень выразительна пословица, показывающая соотношение письменной и устной речи: "Перо смеляе, нежели язык выговорит" (Т. 999; ср.: Б. 3575). Показательно для уровня развития крестьянского самосознания признание типичности переписки. Пословица советует: "Живи в тиши, а к нам грамотки пиши" (Б. 1266), – видимо, сам факт получения писем был не в диковинку. Крестьянское происхождение многих пословиц о грамотности хорошо иллюстрирует пословица-загадка: "Основание – бумага, а уток – письмо!" (С. I. 1850; ср.: О. 64), – где использованы образы крестьянского ремесленного (ткацкого) труда⁹⁰.

В образной форме оценивал крестьянин большой труд, который вкладывался в создание книги. "Такие тетради долго писати" (С. II. 683; ср.: БАН. 892), вариант XVIII в. несколько иной: "Такие тетради долго збирати" – Б. 4180; ср.: БАН. 649). Книга, тетрадь ценны только для тех, кто сам грамотен, кто умеет читать: "Худа та тетрадь, в которой слов не знать" (С. II. 683; ср.: Ш. 584; Р. 479). С горечью говорит пословица о том, что, увы, не всегда крестьянин выбирает "сладкие" книги, нередко он предпочитает "горькое" вино: "Сладки книги, да не имемся, а горько вино – да не лишимся!" (Б. 4048).

Крестьянин хорошо осознавал, что получение новых знаний всегда связано с большим трудом, с занятиями, чуждыми крестьянскому быту, требующими много времени. Конечно, заманчиво было получить знание, не прилагая к этому труда ("Легче готовое, нежели искать новое" – Т. 626), но это невозможно, и потому приходилось мучиться, прежде чем овладеешь знанием. Крестьяне порою оплакивали тех, кто уходил из крестьянского мира в поход за знаниями: "Пойти в науку – терпеть и

муку!". Правда, этот тяжкий для крестьянина путь вознаграждался стоицей после завершения образования: "Науку трудно терпеть, а после слюбится" (Б. 3040). В образной форме эту же мысль высказала и пословица: "Ученья корень горек, а плод — сладок"⁹¹.

Очень много внимания уделено в крестьянской пословице азбуке. Прежде всего отмечается сравнительная дешевизна этой распространенной учебной книги: "Азбука в шесть денег, а Псалтирь — по рублю" (С. I. 36)⁹². Пословица тонко подметила особенность обучения в школе XVII—XVIII вв., когда для закрепления знаний учеников заставляли хором повторять за учителем произношение букв и слогов: "Азбуку учат — во всю избу кричат" (С. I. 112)⁹³. Отмечено и два типа школ — первоначальной и более повышенной: "У Николы две школы: азбуки учат да кануны" (С. I. 2318; ср.: О. 511)⁹⁴. Говорится о трудности изучения азбуки, особенно иностранной: "Азбука латине — не пиво в братине"^{21*} (С. I. 87). О самом процессе обучения — сложном и трудном — пословица справедливо предупреждает: "Коли хочешь много знать, не надобно много спать!" (Т. 560; ср.: Б. 1916, 2715), заключая в итоге: "Наука — мука!" (Б. 3038). Уже в XVII в. пословица отметила наличие только тридцати букв в азбуке. Видимо, церковнославянские буквы кси, пси, фита, ижица и юс не связывались в народном сознании с отдельными звуками живого русского языка: "Азбука велика, а тридцать слов!" (С. II. 115).

Общеизвестно, что первоначально отдельные буквы церковнославянского языка имели названия: а — аз, б — буки, в — веди, г — глагол, д — добро и т.д. При этом необходимо помнить, что "аз" — это же не только наименование буквы "а", но и личное местоимение "я"; "буки" — это и "буква", и буква "б"; "веди" — это и буква "в", и повелительное наклонение от "ведати", т.е. "знать"; "глаголь" — это и буква "г", и повелительное наклонение от "глаголати", т.е. "говорить" и т.д. Тем самым буквы "заучивались как цепочка образов: аз, буки, веди, глаголь, еси, добро, и т.д. (отчетливо ощущается смысловая сторона: "Я буквы ведаю, слово есть благо")⁹⁵. Равным образом и сочетание РСТ (эрэстэ) — "Рцы, слово, твердо" означало: "Говори слово отчетливо". Многовековое изучение букв азбуки привело к тому, что название этих букв прочно вошло в народный обиход и язык, привело к образованию отдельных слов и понятий: например, "похерить", т.е. перечеркнуть написанное крестнакрест, с угла на угол в виде буквы "хер", т.е. "х". Выразительна в этом плане пословица: "Вчерне говорил, можно и похерить" (С. I. 500).

Названия отдельных букв органично вошло в пословицу. "Аз родился, коли свет зачался" (С. I. 50) — верно подмечает пословица древность звука "а". Нелегким для крестьянских детей был сам процесс познания азбуки, и недаром сомневались ученики: "Аз да буки избавит ли от муки?" (С. I. 21). Сама мысль о том, что надо идти в школу и со слезами постигать трудности обучения грамоте, пугала крестьянских детей, что и нашло отражение в пословице: "Аз, буки, веди страшит, что медведи" (С. I. 75). Нередко пословица обыгрывала название и других букв церковно-

^{21*}Братина — сосуд с пивом на всю братию.

славянского алфавита, например *и* и *к* ("Иже да како не солгут никако" – С. I. 1162) или слога *то* – по церковнославянски этот слог читался как "твердо-он" – отсюда и поговорка-шутка: "Твердо-он – то, да и подперто!" (С. II. 685). Особенно интересны пословицы, связанные с последними буквами церковнославянского алфавита. Известно, что после окончания обучения азбуке ученики одаривали учителя горшком каши⁹⁶ и устраивали коллективное пиршество с сытою^{22*}. Этот обычай нашел отражение в пословице: "Кси, пси с фитою пахнули сытою" (С. I. 2781)⁹⁷. С буквы *ѳ* (*фита*) начиналось не так уж много слов в русском алфавите, но это была одна из последних букв церковнославянского алфавита, с ее изучением оканчивалось изучение азбуки, что и породило пословицу: "Фита не славна; а вещь она славна" (С. I. 2394, ср.: О. 591). О долгожданном окончании изучения азбуки вместе с последними буквами алфавита говорит пословица: "Юс да ижица – делу конец ближитца" (С. I. 2769).

Примечательны те пословицы, в которых отражены взаимоотношения учителя и ученика. Крестьянам было свойственно уважение к учителю, развивающему ум ребенка. Поэтому учителя почитали не только крестьяне, но и их господа: "Пред старым дядьком вежлив и господин" (II. 106). Термин "дядька" (в значении "учитель, воспитатель") известен уже по Ипатьевской летописи под 1202 г. Дядьки – это домашние учителя. Они пользовались большим уважением в семье, хотя стояли по своему социальному положению ниже своих воспитанников. Объяснялось это просто: "Дядьке дитятке ума придает" (С. I. 759). Ученики нередко приносили учителю неприятности: "Старой младого учит, а младой старого мучит" (II. 103). Начинать учить сына должен был в первую очередь отец: "Учи сына сам" (II. 104). Крестьяне трезво оценивали результаты обучения в школе, что и вызвало к жизни пословицу: "Древо и учитель познавается по плоду" (II. 194). Пословица настоятельно утверждает, что учить хорошо того, кто сам стремится к этому: "Добро тово учить, кто слушает, а бить – кто плачет" (Б. 1010) или "Бить того, кто бы плакал, учить того, кто бы слушал" (Р. 27). Что касается учителя, то он не жалеет времени на свой труд ("Учитель един не считает годин" – С. II. 728; III. 802), и, видимо, ученики частенько не могли дождаться, когда окончится урок...

В пословице XVII–XVIII вв. мы находим много нравоучений, посвященных проблеме наказаний учащихся. Как известно, педагогическая мысль того времени не только допускала, но и прямо оправдывала строгие наказания учащихся. И в пословицах мы встречаем такие, например, поучения: "Жалеть сына – учащать раны" (С. I. 885) или "Жалеть лозы – не видать грозы" (Б. 1235)⁹⁸. Видно, часты были наказания нерадивых, если возникла пословица: "Лоза – не гроза, а ково ею бьют – то плачет" (Б. 2319). Пословица предупреждает молодого человека: "Не слушая родителя, послушает... учителя" (Т. 880). В обобщенном виде наблюдения над применением наказаний, звучат так: "Юность без наказания невоздержна" (С. II. 837). С современной точки зрения крестьянская педагогика была сурова; пословица повторяла: "Жалеть сына – учинить дура-

^{22*}Т.е. с разваренным на воде медом, медовым напитком.

ком” (Б. 1236). Поэтому так высоко ценилась розга: ”Древо немо, а вежиству^{23*} учит” (С. I. 769).

В крестьянском сознании оказались в тесной связи учитель, книга и кнут: ”Кнут да псалтырь, да добрый пастырь” (С. I. 1302). Должно быть, часты были наказания: ”Дубинка да спинка побратались!” (С. I. 761). То, что речь идет о побоях, полученных именно во время учебы, подтверждает такая пословица: ”Кто не учился, тот побои не видел” (Б. 2079). Поэтому в некоторых пословицах XVIII в. и говорится о тех учителях, которые оставили горькую память о себе: ”Не учитель, но мучитель” (Б. 3392), ”Бойся, ученик, лозы больше мастера” (Т. 46)⁹⁹.

Немалый опыт и тяжкие испытания ученика звучат в пословице: ”Многое учение трудов потребует” (С. I. 1514). По-видимому, после жестокой порки сложили ученики пословицы: ”Сам себе не рад, что грамоте горазд” (С. I. 1216; ср.: С. I. 646) и ”Был я в этой школе, уж не обманешь!” (С. I. 277) или ”Был я в этой школе и сам” (Б. 286). В то же время в пословице выразилось и то новое, что пробивалось сквозь домостроевские методы педагогики: ”Не все лозою, иною и грозоею!” (С. I. 1678), потому, что ”В голову бить – разуму не добыть” (Б. 578). ”Наука хороша по природе” (Б. 3040), ”Науку в голову не вобьешь, как охоты не будет” (Б. 3037) – констатирует пословица; животное можно наказанием заставить подчиняться себе, а для человека нужны разумные доводы: ”Коня правят уздою, а человека – умом”. Несомненно, новым было утверждение, что в процессе обучения учится не только ученик, но и учитель: ”Учит иных – научается и сам” (П. 332).

Изложенный материал является прекрасной иллюстрацией к известной рецензии В.Г. Белинского на ”Выбранные места из переписки с друзьями” Гоголя, в которой великий критик говорит о ”глубокой потребности, которую чувствует народ в грамотности”, о ”сильном стремлении, какое он оказывает к ученью”. Великий критик далее пишет, что «эта любовь к свету, выразившаяся в пословице: ”Ученье – свет, неученье – тьма”, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа»¹⁰⁰.

Важно отметить, что и в пословицах об ученьи и грамотности крестьянин подметил социальную сторону образования в феодальном обществе: одним оно было доступно, другие же с большими трудностями добивались усвоения лишь самых первоначальных основ грамотности. Крестьяне так говорили об этом: ”Ваши речи в евангелию годятца, а наши в азбуку не годятца” (Р. 128). Неудивительно, что пословицы, бытовавшие в крестьянской среде, противостояли поучениям, вышедшим из среды феодалов: ”Говори, да не проговаривайся!” (С. I. 640) или ”То не говори, чево не велят” (Б. 4229), ”За худые слова слетит голова!” Действительно, народ и видел, и слышал, что ”За правая слова умирают мнози” (С. I. 1047). Несомненно, сама общественная практика вызвала к жизни такие пословицы, как ”Лучше ложь сказать, неже правду открыть” (Б. 2358), ”Ложь – конь во спасение” (Б. 2323). Народ понимал, что могли быть

^{23*}Т.е. вежливости.

такие ситуации, когда "Лучше ложь во спасение, нежели правда к гибели". Однако таким двусмысленным определениям противостояли уверенные доводы: "Правда и покорность при дворище не делают спокойность" (Т. 1076). Народ хотя и осознавал, что "Великим правда говорить не лехче лжи" (Б. 377), все же утверждал, что надо, несмотря ни на что, отстаивать эту народную правду: "Хлеб-соль ешь, а правду говори" (Б. 4373); потому что "Правда светляя солнца" (БАН. 659; ср.: Б. 3742; Т. 1078). Пословица учит: "Не стыдись говорить, когда правду хочешь объявить", говорить правду – доброе дело: "Доброе дело – говорить правду смело", даже если вслед за этим последует наказание: "Говори смело, от чего спина засвирбела".

Народ свято верил в то, что "Правда всегда перетянет" (Б. 3743; Т. 1075), так как "Правда права сама собою" (Б. 3744). Правда не боится лжи, грязи, суда: "Правда сама себя очистит" (Б. 3745; ср.: Т. 1077), "Правда суда не боится" (Б. 3746; ср.: Т. 1079), в том числе и кривого суда – "Правда кривды не любит" (Б. 3747), или "Правда лжи не любит" (Б. 3748). Пословица не заискивает перед властью имущими ("Правда милости не ищет!" – Б. 3749), ее нет необходимости приукрашивать, как ложь ("Правду красить нет нужды" – Б. 3750; ср.: Т. 1080). Правда и во тьме видна ("Правым обычаем и во тьме сияет – Б. 3755; ср.: Т. 1082), она даже сильнее смерти ("Правда от смерти избавляет" – Б. 3756; ср.: С. I. 1872). Но среди этих полных внутреннего достоинства изречений мы находим такие, которые отображают практичный крестьянский взгляд на жизнь. "Правдою жить – скудну быть!" (Б. 3751), – говорил крестьянин, понимая, что "Правдою богат не будешь" (Б. 3752).

* *

Изложенный в данном разделе работы материал важен не только для характеристики духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв., но и для создания истории так называемой "народной педагогики". Этот термин существует в русской педагогической литературе со времен К.Д. Ушинского¹⁰¹, однако он до сих пор встречает возражение со стороны некоторых историков педагогики. На важность изучения народных воззрений на воспитание и образование давно уже обратили внимание советские историки педагогики, однако исследование этого важного раздела историко-педагогической мысли практически только начинается, причем в критике отмечено, что теоретическая оснащенность и научный уровень большей части работ о народной педагогике "пока еще оставляет желать лучшего"¹⁰². И действительно, в обобщающих трудах и публикациях по истории педагогической мысли народная педагогика присутствует только как составная часть самых начальных этапов историко-педагогического процесса. Вот пример: в начавшей выходить в свет в 1985 г. "Антологии педагогической мысли" материалы о народной педагогике присутствуют лишь в первом томе, охватывающем XI–XVII вв., а педагогическая мысль России эпохи позднего феодализма и зарождения капиталистических отношений основывается на анализе только законодательных памятников, учебников, педагогических трудов, взглядов тех или

иных общественных деятелей и т.д.¹⁰³ Иными словами, и этот труд оказался построенным на уже осужденном принципе персонификации педагогической мысли, когда личность выступает в качестве "заместителя" истории науки¹⁰⁴. Приведенный в этом разделе монографии материал убедительно свидетельствует, что и в XVIII в. продолжали развиваться и совершенствоваться взгляды крестьянства на школу и грамотность, на мудрость и образованность. Важно отметить, что эти взгляды и воззрения высказывались с позиций человека труда, тесно связанного с обработкой земли, знающего и понимающего истинную цену грамотности, знания, образования. Этот материал важен прежде всего в историко-культурном плане, в изучении принципов воспитания детей в семье, обучения их трудовым навыкам¹⁰⁵.

Встает и ряд других историко-педагогических проблем, таких как сочетание грамотности с практическими знаниями, семейного воспитания с обучением сельскохозяйственному мастерству и т.д. Было бы интересно рассмотреть весь публикуемый материал с целью выяснить, что он дает нового для раскрытия возникновения предпосылок создания русской педагогической науки, одним из истоков которой и была народная педагогика. Однако исследование этих вопросов носит скорее историко-педагогический, а не историко-культурный характер и потому выходит за рамки нашей книги.

ОКРУЖАЮЩИЙ МИР (ПРИРОДА) В ВОСПРИЯТИИ КРЕСТЬЯНИНА

Крестьянин XVII–XVIII вв. был самым тесным образом связан с объективным окружающим его миром, с природой. Результаты крестьянского труда во многом зависели от природных условий. Землепашцу приходилось приноравливаться, приспособливаться к окружающей его природе. И хотя к XVII–XVIII вв. крестьянин уже перерос "инстинктивного человека", не выделяющего себя из природы, тем не менее его связи с ней были еще весьма тесные. Познавая окружающий мир, осваивая его, крестьянин выражал в пословице свое отношение к этому миру, его оценку, причем делал это со своей, крестьянской точки зрения. Он оценивал природу не отвлеченно, не отстраненно, не саму по себе, а в ее связи с крестьянским трудом и бытом.

В пословичных сборниках XVII–XVIII вв. мы находим большое число речений, которые не могут быть бесспорно причислены к пословице, так как не имеют присущей ей иносказательности, моральной, дидактической функции, однако они очень близки к ней. Не случайно составители сборников пословиц включали в них вековые наблюдения крестьянина над природными явлениями, над особенностями того или иного месяца, оказывающими влияние на жизнь крестьянина. "Ай, ай, месяц май, тепл, а голоден!" (БАН. 12; ср.: С. I. 55; С. II. 11; III. 32) или "Февраль богат снегом, апрель – водою" (С. I. 2392; ср.: О. 589), "Апрель – водою, октябрь – пивом" (БАН. 13; ср.: С. I. 41), "В августе – капуста, а в марте – осетр" (С. I. 71) – речения подобного рода мы встречаем в сборниках XVII–XVIII вв. в изобилии. Вот как формулирует крестьянин вековые

свои наблюдения: "Сухой март, мокрый май делают в поле хлеб доброй" (Р. 766).

Историки давно отметили, что без анализа богатых эмпирических знаний крестьянина о природе и его хозяйстве: о земледелии, скотоводстве, крестьянских промыслах, о локальных особенностях ведения хозяйства – не может быть и полной характеристики культуры крестьянства. Видное место в этой системе крестьянского хозяйствования занимают думы земледельцев в связи с климатом и природой вообще¹⁰⁶.

Природа в народной пословице – тема неисчерпаемая. Времена года, дождливая и ясная погода, солнце и ветер, снег и жара, горы и реки, леса и травы – все это отобразилось в народном творчестве ярко и своеобразно. Это – тема специального исследования, особенно важного и нужного в наши дни, когда изучаются исторические корни хозяйского отношения к окружающей среде¹⁰⁷. Для нас особенно важно, что среди общенародных речений о природе встречаются такие, которые отчетливо свидетельствуют об их крестьянском происхождении, например: "Летний день – за зимнюю неделю" (С. I. 1394), "Лихих пчол и подкур не имиот" (У. 17) или "Вешняя пара – поедчи, да со двора" (С. I. 398), "Без дождя виноград не роден" (С. II. 34; ср.: III. 48). В то же время следует подчеркнуть, что преобладающее количество подобных изречений необходимо рассматривать как явление языка. Такова пословица: "Осень, весна – на пегой кобыле ездят" (У. 191). Такие пословицы могли возникнуть в любой среде и употребляться вне их социальной определенности. Ср., например: "Рано солнце всходит, то уж быть дождю" (С. I. 2067) или "Сырость ветра приносит дождь" (С. I. 2166), "Весна все покажет" (II. 270; ср.: Т. 84).

Среди изречений о природе много таких, которые дают оценку отдельным явлениям природы. Мы находим в пословице необыкновенно тонкие наблюдения над растениями, птицами, животными, рыбами и т.д., т.е. над теми, с кем непосредственно приходилось сталкиваться крестьянам в своей жизни. Преобладающее число таких речений, конечно, является фактом языка. Они могли быть созданы в самой разнообразной словесной среде – ср., например: "Выше солнца сокол не летает" (С. I. 453), "Рысь сверху пестра, а лукавой человек изнутри". Но и среди подобных афоризмов можно найти много таких, которые изначально были созданы крестьянами и лишь позднее стали общенародными. "Куды дерево наклонилось, туды его и секут" (С. I. 1233), – пословица, созданная дровосеками, или "Сад красен оградом, а лоза – виноградом" (С. I. 2183). О повседневной пище крестьян говорит пословица: "Ретька с хреном, а репка с хлебом" (С. I. 2072).

Многие изречения отразили наблюдения крестьянина над связями явлений природы с определенными датами и сроками сельскохозяйственных работ. В подобного рода афоризмах причудливо перемешались народный, порой языческий, календарь с христианским, когда празднование тех или иных христианских святых было приурочено к важным для земледельческих работ срокам¹⁰⁸. Не случайно многие христианские святые в этой связи получили народные прозвища, связанные с сельско-

хозяйственным трудом: Авдотья-каплюжница (1 марта – первая весенняя капель), Акулина–задери хвосты (13 июня – время, когда скот больше всего страдает от укусов слепней и оводов), Ирина–урви берега (16 апреля – начало весенних половодий), Еремей-запрягальник (1 мая – день первого посева яровых хлебов) и многие другие. Конечно, все эти бытовые прозвища ничего общего не имеют с религией и являются лишним доказательством того, что многие пословицы с именами святых христианской церкви созданы тоже в земледельческой среде людьми-хлебопашцами, теми, кто с надеждой смотрел на землю как на источник жизни. Позже все эти речения стали общенародным достоянием. ”В осень Егорей с мостом, а Никола – з гвоздем” (БАН. 113; ср.: С. I. 610; З. 1281; Т. 350; Б. 791), – говорят в народе, разумея под этим, что на ”осеннего Егорья” (26 ноября) становятся реки, а на ”зимнего Николу” (6 декабря) лед крепнет настолько, что по нему можно ездить. ”В весне Егорей с летом, а Никола с кормом” (БАН. 106; ср.: Б. 792; Р. 146), т.е. с 23 апреля (”вешней Егорей”) начинается по-настоящему теплая погода, а с 9 мая (”вешней Никола”) уже можно пасти скот по лугам, есть подножный корм. ”Глеб с Борисом, а хлеб у них с анисом” (С. I. 635), т.е. к 24 июля (день памяти св. Бориса и Глеба) уже едят хлеб нового урожая. ”Сеян лён у семи Олён” (С. I. 2223; ср.: С. II. 455), т.е. между 18 мая (память семи дев мучениц) и 21 мая (день Елены равноапостольной) сеют лен в средней и северной полосе России. ”Дорого яичко к Великому дню, а сыр, молоко береги к Петрову дню” (БАН. 202; ср.: С. II. 1004; Т. 325; Б. 1071) – пословица отражает христианский обычай есть на Пасху крашеные яйца и крестьянский обычай запасть еду для выезда на покос, который в средней и северной полосе России начинался около Петрова дня (”на Петровки”). ”Женское лето по Семен день отпето” (С. I. 913) – первого сентября отмечался день Семена Летопроводца – конец лета, начало осени.

Слитность крестьянина с природой отразилась и в тех пословицах, которые утверждают неизменность природных явлений, повторяемость климатических факторов, на которых основывался весь производственный опыт крестьянина: ”Где вода была, тут вода и будет” (Т. 180; ср.: Б. 734), ”Яблок на сосне не бывает” (БАН. 977), ”Кто на льду, тот поскользнется” (Б. 2055).

Следует особо выделить те афористические выражения, в которых отчетливо высказана мысль о необходимости бережного отношения к природе. Таковы популярные дошедшие до наших дней, пословицы: ”Не плюй в колодезь: годитца воды испить” (БАН. 469; ср.: У. 139) или ”Как-во в лесу кликнешь, таково и откликнется” (БАН. 340). В то же время пословица нередко предупреждала человека об опасностях, таившихся в окружающей его природе: ”Не отведав броду, не мечись в воду” (БАН. 471; ср.: У. 129, 152), или ”Когда не видишь дна, не ходи через воду” (II. 303).

В пословице XVII–XVIII вв. мы находим элементы отношения к природной красоте как к делу рук человеческих: ”Красно поле со пшеницею” (С. I. 1231; ср.: БАН. 371) или ”Красно поле с рожью, а слово – с ложью” (С. I. 1234; ср.: Т. 582; Б. 1986). Слово ”ложь” в этой пословице

употреблено не в обычном для нас смысле "обман", а в характерной для русского языка того времени значении "выдумка, вымысел, красноречие". И хотя акцент в пословице сделан, конечно, на ее второй части, тем не менее сравнение образной речи с возделанным полем весьма показательно.

На примере пословиц XVII–XVIII вв. можно говорить о постепенном затухании прежнего одухотворения природы в сознании человека и в фольклоре. Конечно, процесс этот проходил очень медленно, но неуклонно. Это связано с изменением мировоззрения феодального крестьянина. С другой стороны, усиливаются мотивы преображения природы руками человека, в результате чего окружающий мир получает новую красоту и новую ценность в глазах крестьянина. Мы не найдем в крестьянском творчестве простого любования природой – она интересует труженика лишь в связи с его жизнью, трудом, бытом. Для народного творчества характерно уважительное отношение к природе. На образцах, взятых из окружавшей его среды, крестьянское творчество учило высоким моральным истинам, воспитывало новые поколения в духе уважения народных традиций ушедших предков. Крестьянский ребенок с детских лет вместе с фольклорными произведениями впитывал любовь к окружавшему его родному миру. Через народные песни, сказки и пословицы входят в наше сознание и грусть белой березы, и высота синего неба, и осознание силы матери-земли. Духовный мир русского крестьянина был бы обедненным без бесхитростной сказки о Морозке, без мудрой былины о Святогоре и земной тяге, без грустной песни о тоскующей рябине.

Очень интересны крестьянские пословицы XVII–XVIII вв., откликнувшиеся на характерную для того времени тему сопоставления города и деревни, городской службы и крестьянского труда¹⁰⁹. "Что в деревне родится, то и в городе пригодится" (С. I. 2634; ср.: Б. 4529), – гордо утверждала пословица, имея в виду, что город жил деревенским хлебушком. Сходная мысль выражена в другой пословице: "Грибы растут в деревне, а в городе их знают" (С. I. 631). Поэтому крестьянин с достоинством говорил: "Не желаю в город, я и в деревне живу!" (Р. 487). Хотя пословица знает цену городу и признает его ведущее положение в жизни страны (сравни грустно-ироническое размышление по поводу того, что "Городское телятко разумнее деревенского дитятки" – С. II. 1182; ср. также: "Меское телятко як селское дытатко" – З. 555; "Деревенской робенок да пасацкой теленок – оба равны" – С. II. 974), признает его силу ("Ездел к городу, да наплевали в бороду" – С. I. 2746), но в конечном итоге приходит к выводу, что крестьянство, крестьянский труд надежнее городской жизни: "Хто орет [пашет] – тот поет, а хто служит – тот тужит" (С. I. 2412, 2484; ср.: БАН. 1031). Служба в городе, особенно воинская служба, только портит человека; крестьянская пословица утверждает, что "Плуг кормит, а лук портит" (Т. 1018). Убедительно гордое осознание крестьянином своей силы и своего места в жизни: "Как лапотника не станет, так и бархатник не встанет" (К. 152) (вариант XVIII в.: "Не будет пахотников, то не будет и бархотников" – Р. 486).

Характерное для XVII–XVIII вв. стремление крестьян найти именно в

городе ту счастливую жизнь, которой они были лишены в деревне, не закрывало для них той истины, что в городе-то тоже нужны работающие руки, что лентяям и бездельникам везде худо: "Когда в деревне не нужен, и в город не пошто ходить" (П. 286). Однако, как ни хорош город, городская жизнь несравнима с вольной деревенской: только "В поле воля!" (Т. 127)¹¹⁰.

Отношение крестьянина к окружающей его природе было социально обусловлено его положением в обществе, его мировоззрением трудового человека, угнетаемого феодалом-крепостником. Это подтверждает рассмотренный материал, и тем самым дает нам основание анализировать данную тему в главе, посвященной социальным аспектам духовного мира русского крестьянина. Важно еще раз подчеркнуть, что крестьянин образно оценивал окружающую его среду, природу, и такое именно восприятие природы, присущее еще самым ранним ступеням развития общества, сохранено в пословице вплоть до наших дней.

Специфика отображения природы в фольклоре (по сравнению с другими областями художественного творчества человека) исследована недостаточно. Об этом весьма определенно высказалась одна из видных фольклористок: "Характер народного восприятия природы, отразившийся в фольклоре, приемы и средства изображения ее в народном творчестве почти не изучены"¹¹¹. Дореволюционные исследователи вообще отрицали саму возможность изучения этой проблемы¹¹². Советские фольклористы, филологи, этнографы многое сделали для того, чтобы показать изображение природы в былинке, сказке, лирической песне¹¹³.

Крестьянское восприятие природы во многом определялось тем, какой именно жанр устного народного творчества выбран. Для былины характерно, например, скупое, но необыкновенно емкое и выразительное изображение природы. Оно дается обычно в зачине и как бы вводит слушателя в атмосферу величественных и бескрайних просторов, на которых совершают свои подвиги богатыри:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, окиян-море.
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские, —

вот так начинается запев былины о Соловье Будимировиче, которой открывается сборник былин Кириши Данилова... Ученые отметили, что природа нужна сказителю для характеристики героя, она служит раскрытию общего идейного замысла произведения¹¹⁴.

И в крестьянской сказке природа — активный участник сюжета, который служит раскрытию сказочного образа. Иногда она помогает герою уйти от преследования (вырастает лес, либо пролегает река, когда Ивашко бежит от Бабы-Яги), но чаще она является средством проверки сил сказочного героя. На пути к выполнению сложного задания он должен преодолеть горы высокие, моря глубокие, леса дремучие, пески сыпучие... Сказочный герой смело вступает в бой с враждебными ему силами и всегда выходит победителем.

Более полно и, главное, конкретно отобразилась природа в историче-

ских песнях XVII–XVIII вв. Так, захват Москвы польско-шведскими войсками в начале XVII в. рисуется в исторической песне образом "помутившейся природы":

Как давным-давно на святой Руси,
Как давным-давно в каменной Москве,
В памятной Москве, златокаменной
Такова дива не случилось:
Красно солнышко затемнилось,
Посреди лета, лета теплого,
Заморозилась в реке водонька,
В полдень света мы все не взвидели¹¹⁵.

Герои исторических песен сравниваются с обычными и привычными для крестьян птицами – "малой птичкой, белой перепелкой" ("Плач Ксении Годуновой") и особенно с соколом (песни о С. Разине и о Скопине-Шуйском). Разгромленные царскими войсками восставшие разинцы сравниваются в исторической песне с порубленным тальником:

Вы леса ли, мои лесочки, леса темные,
Вы кусты ли, мои кусточки, кустики таловые,
Вы станы ли, мои станочки, вы станы мои теплые!
И еще ли вы, мои лесочки, все порубленные,
Все кусты, мои кусточки, все поломанные,
Все друзья мои, братцы-товарищи, переловленные...¹¹⁶

Показательно, что разгромленные восставшие обращаются с просьбой о помощи и защите не к кому-нибудь, а к солнцу:

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою...
Обогрей ты нас, людей бедных...¹¹⁷

Еще более выразительны образы природы в обрядовых, хороводных и лирических песнях. Так, в лирической песне образы, взятые из природы, раскрывают душевное состояние героя и героини песни – вспомним хрестоматийный образ тонкой рябины, которой невозможно перебраться через дорогу к могучему дубу –

Видно сиротине
Век одной качаться...

С.М. Соловьев нашел в делопроизводственных столбцах XVII в. песню 1699 г., в которой девица также сравнивается с кудрявой рябиной:

Как рябина, рябина кудрявая,
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоячи,
На болотину смотречи...
Молодица ты, молодушка,
Молодица ты пригожая,
Как тебе не стошнится,
За худым мужем живучи¹¹⁸?

Девица сравнивается в песне с горлицей и белой лебедушкой, горемычной кукушечкой и золотой павушкой, плакучей березонькой и

тонковаткой ивушкой. Природа в песне, по словам Н.В. Гоголя, служит для того, "чтобы сильнее выразить чувства души"¹¹⁹. Символы разлуки, сердечных мук, душевных невзгод и т.д. в песне – это засохший сад, замерзшая речка, разосенные частые дождички... Хорошо об этом сказал Н.А. Добролюбов: "Во многих (песнях. – Л.П.) находим прекрасное изображение природы, хотя здесь заметно сильное однообразие, которое отчасти объясняется общим грустным характером песни"¹²⁰.

Анализ народных пословиц подтверждает, что крестьянин всегда осознавал свою связь с природой. Наряду с изобразительным народным творчеством пословицы образно отображали окружающую действительность, раскрывая тем самым взаимоотношение общества с природой¹²¹. Эмоциональное восприятие родной природы крестьянином отображалось и в предметах крестьянского быта¹²², и в произведениях устного народного творчества. Следует добавить, что и пословицы на тему крестьянского труда органично перекликаются с теми, которые говорят о зависимости урожая от погоды ("Идет дождь, несет он рожь" – С. 1168). Природа в крестьянской пословице – то соучастница в трудной работе пахаря, то верная его помощница, а то испытание твердости характера землепашца.

**НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ
И СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ
ДУХОВНОГО МИРА
РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА
XVII–XVIII ВЕКОВ**

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭТИКА
И НРАВСТВЕННОСТЬ В ПОСЛОВИЦЕ**

Вопросы народной этики принадлежат к числу мало изученных, хотя сам факт постоянной заботы крестьян о нравственной стороне своего быта, поступков, действий давно уже был отмечен в нашей литературе. Этические проблемы издавна были присущи народной пословице, главная цель которой как раз и состояла в закреплении и передаче определенных нравственных нормативов поведения человека, изложенных в форме отточенного словесного стереотипа. Нет возможности перечислить все случаи поведения крестьянина в быту, которые в той или иной форме не были бы определены и регламентированы пословицей. Важно отметить другое: какой бы тематики ни касалась пословица, о чем бы она ни говорила, в ней постоянно присутствует подспудно нравственно-воспитательная функция, морально-дидактическое поучение. Поэтому можно определенно утверждать, что все проанализированные выше пословицы имеют самое прямое и непосредственное отношение также и к вопросам народной этики, морали, нравственности¹.

На одно из первых мест в изучении данной проблемы следует поставить исследование крестьянской этики труда: этические нормы распределения трудовых обязанностей в семье, воспитание уважения к труду как основы социальных идеалов крестьянина², нравственно-этические оценки поведения крестьянина во время трудового процесса, особенно во время коллективных сельскохозяйственных работ (сенокос, молотьба и проч.). Сюда же должны быть отнесены формы взаимопомощи во время трудового процесса, забота о больных и маломощных семьях со стороны общины и проч. Все эти вопросы легко проследить в отображении их крестьянской пословицей о труде, уже рассмотренной нами (едва ли есть необходимость повторяться). Необходимо только еще раз подчеркнуть: большая часть пословиц о труде одновременно является и воплощением нравственно-этических норм крестьянского общежития, главным образом общинного типа.

Отношение к труду – один из самых важных нравственно-этических критериев крестьянского мировоззрения. Недаром еще Н.А. Добролюбов отмечал, что русскому крестьянину "обыкновенно даже и в голову не приходит, чтобы можно было жить на свете, ничего не делая"³. Крестья-

нин прославляет в своем творчестве умельцев и мастеров, высмеивает тех, кто чурается труда, кто не умеет работать: "Худой тот мужик, что от обуха дрожит" (С. I. 2486). Наличие специальной работы на эту тему позволяет не останавливаться больше на данном вопросе⁴. Отметим лишь, что М.М. Громыко не привлекала пословицы для раскрытия своей темы, а основывалась на записях обычного права и архивных материалах служебно-правового характера, что и придало ее выводам особую убедительность.

Следует к сказанному добавить, что уважение к труду составляло важную часть самосознания крестьянства. "Не будет пахотника – не будет и бархатника" – это утверждение большого значения труда пахаря для всего общества проходит красной нитью сквозь все пословичное творчество крестьян, которые осознавали себя и частью большой общности (крестьян, мужиков вообще!), и частью всего общества, всего народа русского.

Велика роль крестьянской пословицы и в создании общественного мнения, которое регулировало, как правило, семейную, общественную и хозяйственную деятельность крестьянской семьи, начиная от определения сроков сельскохозяйственных работ, поведения крестьянина во время самого трудового процесса ("Коли орать – в дуду не играть" – Ш. 371) до организации досуга во время праздников и т.д.

Было приведено много примеров, как крестьянская пословица поощряла трудолюбие и осуждала праздность, воспитывала стремление добыть себе уважение в обществе ("Добрая слава – золотое ожерелье" – Ш. 205). Пословица предупреждала против непроверенных житейским опытом нововведений, воспитывала высокие моральные нормы поведения, умение сохранить достоинство в трудных житейских событиях – в горе и беде ("Беды терпеть – каменное сердце иметь" – Ш. 50). Пословица учила беречь дружбу ("Безумен рад, видя друга при напасти" – Ш. 57), осуждала рукоприкладство ("Борись, а не дерись; станешь дратца – будешь каятца" – Ш. 84).

Особо следует сказать о значении пословицы в исследовании этики взаимоотношения поколений. Пословица – один из важнейших источников, раскрывающих отношение крестьянина к авторитету стариков и в семье, и в общине. Большая часть их носит общеморальный характер ("Старого воробья на мякине не проманешь" – Б. 4134; ср.: С. I. 2502) и социально неопределенна, но есть и такие, которые свидетельствуют о крестьянском их происхождении ("Стар борозды не испортит" – Б. 4137). Показательно изречение, связывающее воедино и старость, и пословицу: "Старых людей пословицы не мимо дела" – С. I. 2103). Пословица подчеркивает житейский опыт старого человека, столь нужный и семье, и общине: "Старому в зеркале калач не продашь" (Т. 1243). В пословице отмечается возрастная дифференциация форм приветствий младших членов семьи и общины ("Поклон человека не портит" – Б. 3662), подчеркивается несовершенство молодого, неопытного человека ("Молод виноград зелен, а млад ум некрепок" – Б. 2750). В пословице, правда, мы встречаем и другую оценку: "Старый – что малый" (Б. 4139) или "Седина в боро-

ду, а чорт в ребро” (Б. 4169), ”Стар да глуп – больше бьют” (Б. 4138). Одним словом, в пословице мы найдем богатый нравственно-этический материал. Важность проблемы для раскрытия духовного мира русского крестьянина заключается в том, что в его жизни огромную роль играла преемственность – накопление опыта и передача его следующим поколениям. Именно старики были знатоками погоды, сроков и характера сельскохозяйственных работ, именно они хранили и передавали опыт ухода за полем, скотом, домом. Крестьянин традиционно ссылался на опыт ”дедов и прадедов” в обоснование и своих поступков, и своих прав. Старики в крестьянских семьях были главными авторитетами в хранении нравственно-этических традиций, знатоками фольклора и хранителями исторического знания. Поэтому нормой крестьянской этики было уважение к старику, стремление почтить его возраст, седины, его опыт⁵.

Уважение к старшим в роду, конечно, восходит генетически к языческому культу предков и ведет начало от дохристианских народных верований. Соблюдение обычаев почитания умерших предков накладывало отпечаток и на уважение старших в семье и общине. Взаимосвязь и взаимоотношения поколений отчетливо прослеживаются в крестьянской пословице XVII–XVIII вв.

Но особенно много пословиц посвящено раскрытию нравственно-этических начал в семейно-родственных отношениях. Ниже будут специально рассмотрены пословицы, касающиеся семейно-бытовых отношений. Здесь же хотелось бы отметить, что именно пословицам отводилась важная, нравственно-этическая роль в регулировании семейной жизни крестьян. Показательно, что пословица подчеркивает обязательность вступления в брак, неременность создания семьи. Пословица учила руководствоваться определенными принципами при выборе себе спутника жизни, утверждала нормы внутрисемейных отношений, причем в самых различных связях: муж–жена, родители–дети, молодые супруги и их родители, родственники – друзья – знакомые и т.д.⁶

Многие пословицы с нравственной точки зрения оценивали соседство, общину, мир. Выше уже приводились пословицы подобного рода. ”Мирская молва – что морская волна” (Ш. 472) – эта широко популярная пословица явственно показывала, как высоко ценил крестьянин мир, общину. Община, как известно, играла важнейшую роль в регулировании браков внутри общины, карала тех, кто пытался создавать свою семью, минуя мнение общины⁷.

В отличие от других жанров фольклора, например сказки, в которой ”нет сколько-нибудь точно сформулированного кодекса этических и эстетических норм и теоретически осмысленных принципов”⁸, пословица содержит детально разработанную систему нравственно-этического характера на тему добра и зла. Она последовательно утверждает примат доброты: ”Добро делать – доброму не вредит” (Б. 1009; Т. 299) или ”Добродетель доброму не вредит” (Б. 1013). В пословице подчеркивается победа добра над злом: ”Добродетель преодолет злобу” (Б. 1012; ср.: Т. 300). Целый комплекс пословиц посвящен подлинному гимну добра: ”Доброму добро и будет” (Б. 1018), ”Доброму все добро” (Б. 1020; Т. 301),

”Доброму везде добро” (Б. 1022; Т. 307). Добру противопоставляется худо: ”Доброму добро и будет, а худому – худо” (Б. 1019), ”Добро делаем – добро и снится, а худо делаем – худо и снится” (Б. 1024). Понятие добра сопоставляется с понятием славы: ”Доброму добрая и слава” (Б. 1021, 1026; ср.: Т. 302, 309), причем высоко ставится доброе слово: ”Доброе слово лучше мягкого пирога” (Б. 1016; Ш. 185); подчеркивается необходимость помощи доброму человеку: ”Доброму человеку помочь – не убыток” (Б. 1023; Т. 308).

Категория зла получила гораздо меньшую разработку в пословице, которая прежде всего требует не платить злом за содеянное зло: ”Зла за зло не отдавай” (Б. 1442). Она предупреждает от общения со злыми людьми (”Злаго кто любит – себя губит” – Б. 1439), ибо ”Злый всегда мыслит злое” (С. I. 1015), ”Злобный пес и господина грызет” (С. I. 1017). Злую совесть пословица образно сравнивает с палачом (”Злая совесть стоит палача” – Б. 443) и советует добром бороться со злой печалью: ”Злую печаль развевай доброю мыслию” (С. I. 1013). Пословица подчеркивает силу зла (”Злое – споро, не умрет скоро” – Б. 1445), его живучесть (”Злое дерево – и плод его зол” – С. I. 1014). Тонко подмечено душевное состояние злого человека: ”Злый мыслит ночью, а казнится в день” (С. I. 1016).

Антитеза добра и зла (как и многих других понятий: труда – лени, любви – ненависти, и проч.) – характерная черта пословицы, которая на примере отвлеченных моральных понятий стремилась выработать нормы общественного поведения, пригодные на все случаи жизни.

За последнее время все большую популярность получает исследование норм поведения и форм общения как особой отрасли этнографии общения⁹. Правда, этнографы основываются при этом, как правило, на современном материале. Крестьянская же пословица дает возможность интерполировать выводы современных исследований на прошлое, раскрыть традиционные истоки нормативных требований, показать, что соблюдение норм поведения – не шаблон, не стереотип, а требование самой жизни, ибо упорядоченность семейного и общинного (общественного) поведения – обязательное условие самого общественного существования человека. Именно поэтому в настоящей работе выделены пословицы, посвященные крестьянской оценке закона (”Закон – не игрушка” – Б. 1334).

Необыкновенно велико число общеморальных пословиц типа ”Не рой другому яму, сам упадешь” – С. I. 84), ”Не плюй в колодезь – случится воды испить” (У. 139), ”Сей в решетку, когда в сито не пошло” (У. 242), ”Не сули журавля в небе, дай синицу в руки” (Ш. 540; ср., У. 153), которые не рассматриваются в настоящей монографии, так как невозможно точно атрибутировать их крестьянское происхождение. Пословицы подобного рода учили высоким моральным истинам на живых, конкретных примерах: ”Не купи двора – купи соседа” (Ш. 573), ”Насильно мил не будешь” (Ш. 578), ”Между седми нянек всегда дитя без глазу” (У. 29). Главное назначение подобных пословиц – передать определенные знания и нормы поведения, воспитать соответствующие черты поведения и свойства у молодого поколения.

Образцом того, как именно нравственно-этические ценности отображались в пословице, могут служить пословицы с самой разнообразной тематикой. Возьмем в качестве примера воинскую тематику в народном творчестве (хотя, конечно, можно избрать и любую другую тему!)

Крестьянская пословица не могла пройти мимо воинской службы, хотя бы уже потому, что крестьяне составляли основную часть стрелцкого войска XVII в. и регулярной армии XVIII в. Надо ли говорить о том, что каждый крестьянин становился военным, защитником Родины в трудные годы иноземных нашествий и войн, неоднократно опустошавших Россию на всем пути ее развития. Поэтому так часты в народном творчестве темы защиты отечества, воинского долга и воинской службы, верности в бою, войскового товарищества и т.д. Они свойственны были, как известно, и древнерусской литературе – см. особый жанр "воинских повестей", с давних пор бытовавших в Древней Руси¹⁰. В истории России XVII–XVIII вв. были временем непрекращавшихся войн, резких изменений в самом статусе крестьянства после введения рекрутчины – все это не могло не повлиять на сознание крестьянства, на формирование его духовного мира.

Крестьянская пословица XVII–XVIII вв. сохранила память о давних исторических временах и о том оружии, которым пользовались их далекие предки. Традиционное народное остроумие звучит в старинной пословице-загадке, основанной на двойном значении слова "лук": "Лук добро и к бою, и во штях" (С. I. 1475). Лук как оружие, много веков верно служившее русскому человеку, породил массу пословиц. Отметим лишь некоторые: "Лук надежный – друг сердешной" (С. I. 1443), "Лук туг, копьё коротко, а сабля не вынимается" (Б. 2330), "Оба луки – оба туги" (У. 171), и др. Вместе с луком вошли в пословицу и стрелы ("Пригож колчан стрелами, а обед – пирогами" – С. I. 2023; "Язва от стрел глубока, а от меча – широка" – С. I. 2773). Конечно, в XVII–XVIII вв. эти речения воспринимались уже в переносном смысле, потому что эти виды оружия давно исчезли из повседневного обихода, однако само сохранение их народной памятью весьма показательно. От старых времен сохранились в народном сознании и такие пословицы, как "Хто не сиживал на коне, тот не леживал и под конем" (С. I. 2404) или "За кожей панцыря нет" (С. I. 1058, 1881).

Весьма важно отметить, что пословицы с воинской тематикой одновременно служили воплощению высоких моральных устоев, формировали в народном сознании понятия долга, чести, стойкости, мужества, т.е. всех тех нравственно-этических качеств, которые в конечном итоге и явились решающим фактором побед, одержанных русским оружием в боях за независимость Родины. "Бой красен мужеством, а приятель – дружеством" (С. I. 325), – учит пословица, подчеркивая необходимость активных боевых действий для достижения победы: "Стояньем города не взять" (С. I. 2112; ср.: Т. 1247; Б. 4147). Пословица подчеркивает роль командира в бою: "Крепка рать воеводою" (С. 1351; ср.: Б. 2027; Т. 584). Показательно бытование этой пословицы и в XVIII в., в то время как воеводства давно были упразднены. В пословице нашел отражение и упрек тем, кто храбр

лишь на словах, а не на деле: "После рати хоробрых много" (С. I. 2017; ср.: Т. 1065; Б. 3725) или "После рати храбрость" (Т. 1064). В XVIII в. эта пословица явилась с заменой "рати" на "войну": "После войны храбрых много" (Б. 425). Храбрость всегда прославлялась народным творчеством; и в былине, и в сказке мы находим образы храбрецов, не жалеющих жизни для защиты обездоленных, обиженных, попавших в беду: "Храбёр побивает и своих избавляет" (С. I. 2437). Особо отмечается стойкость, бесстрашие в бою: "Бежать – ин хвост поджать, а стоять – ин меч поднять" (С. I. 324).

Отобразилась в пословице и обычная в боевой жизни ситуация, когда родственники оказывались в разных лагерях, и приходилось отцу сражаться с сыном, а брату – с братом: "В поле съезжаются – родом не считаются" (С. I. 541; ср.: Т. 127; Б. 651). Возможно, что здесь говорится и о старом обычае забывать местнические споры при начале боевых действий, когда формирование русского войска шло порою в разрез с родовитостью и знатностью воевод. Вариант XVIII в.: "В поле воля, а кто в нем съезаетца, родством не щитаецца" (Ш. 151). Пословица воспеваает качества истинного воина: "Воину быть отважну" (Б. 431), "Воину быть смелу" (Б. 432)¹¹, "Воин воует – не горюет" (Б. 430); с явной иронией и насмешкой она относится к тем, кто уклоняется от своего гражданского долга: "Доброй воин на печи воет" (Б. 433). Пословица XVIII в. утверждала: "Лутче хромать, нежели сиднем быть" (У. 21). Родине нужен крепкий защитник, потому что если "Воин изнеможет – и свинья переможет" (Б. 428; ср.: Т. 108; Р. 149). Не всегда воин получает по заслугам, и пословица отобразила эту нередкую ситуацию, когда "Воин побивает, а щастливой подбирает" (Б. 429; ср.: Т. 110).

В числе пословиц с воинской тематикой мы находим такие, где отразились особенности воинской службы XVII–XVIII вв. В них говорится о сложности освобождения от тяжких воинских обязанностей: "В стрельцы ставка добра, да лиха выставка" (С. I. 501); о сборах ратника: "Сухарики сушат – на службу спешат" (С. I. 2201; ср.: 0.448); о долгой службе в войске: "О том не тужат, что долго служат" (С. II. 499) (возможны другие варианты толкования). В свое время я поддерживал точку зрения П.А. Ровинского, что под "телячьей кожей" в пословице "Хто не слушает отца да матери, то станет слушать телячьей кожи" (С. I. 2489) имеется в виду солдатский ранец¹². Однако ознакомление со специальной литературой заставило меня пересмотреть этот вывод. Первоначально солдатские ранцы делались из черной яловичной кожи, и лишь с начала XIX в. они стали изготавливаться из телячьей. Пословица же была впервые записана в XVII в., когда ранцев еще не было. Поэтому под "телячьей кожей" следует разуметь плетку или кнут, которые действительно изготавливались из обрезков телячьих кож и применялись для наказания.

В народной пословице встречается и новое понимание соотношения между *булатом* и *златом* (пользуясь терминологией А.С. Пушкина). Наряду с пословицами, утверждающими силу железа, булата ("Железу при рати обычай бывати" – С. I. 1951; ср.: Ш. 258; О.168), мы встречаем и такие,

которые реально и трезво оценивают власть золота, денег: "Мечем золото добывают, а меч золотом покупают" (С. I. 1565).

Воинская служба нашла отображение не только в пословицах. Народные песни о воинской службе и воинском быте – это особая страница в повести о крестьянском духовном мире, и яркая, и горькая одновременно. Уже в лирической песне XVII в. "Пойду я, младенька, погуляю", записанной С.И. Пазухиным около 1680 г., рисуется образ тоскующей в разлуке девушки по своему милому другу:

А все люди [с] службы едут,
Моево света милова нету,
По здорову ли мой миленькой едет,
Али то воеводы не отпустят¹³?

Крестьяне, составлявшие основную массу солдат в XVIII в., воспринимали саму весть об очередном наборе как "горе великое"; они рассматривали свою службу в царской армии как зло, как крайнюю нужду. "Служба царская" сравнивалась с горькой полынью.

Следует отметить, что эпитет *горький* стал постоянным в народном творчестве при описании солдатских тягот. Подобные описания мы находим в исторических песнях XVIII в., выдержаны они в традициях эпического жанра.

Голова ль ты, моя головушка,
Голова моя послуживая,
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вынимаючи.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слову себе добра,
И ни рангу себе высокого.
Только выслужила головушка
Два столбика высокие,
Перекладину кленовую,
Еще петельку шелковую¹⁴.

В исторической песне о взятии Азова, записанной также в XVIII в., мы находим зачин, рассказывающий о тяжести солдатской службы:

Ах, бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет:
Что с вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты во строю стоят¹⁵.

У крестьянина-солдата духовный мир, естественно, меняется, наполняется новым содержанием. Поэтому солдатская песня имеет свою специфику. Хотя она связана с крестьянским мировоззрением, тем не менее она настолько обособлена, что ее необходимо оценивать как совершенно самостоятельную разновидность народной песни.

Однако – отслужил солдат свои 25 лет и (в лучшем случае!) вернулся вновь на родину к своему обычному крестьянскому труду. Трагическая

судьба оторванного от своей семьи солдата, не нашедшего по возвращении домой своих близких и родных, отображена и в сказке, и в предании. Выразительны пословицы, сложенные в народе на эту тему: "25 лет – солдатский век!", "Прослужил 25 лет, да не выслужил и 25 реп".

Крестьянское творчество XVII–XVIII вв. разносторонне оценивало воинскую тематику с нравственно-этической точки зрения. Мы найдем в произведениях того времени и призыв к воинскому долгу перед своим Отечеством, и оплакивание доли молодого крестьянина, забираемого в рекруты на "службу царскую", и размышления о судьбе отслужившего свой срок солдата и вернувшегося на родное пепелище. . . Но мировоззренческий смысл этих памятников не столько в осуждении тяжелой солдатской службы (что было характерно для солдатской песни), сколько в стремлении использовать военную тематику в целях воспитания в человеке высоких моральных качеств. Немаловажное значение для характеристики духовного мира русского крестьянина имеет ясно выраженное в пословице страстное желание видеть мир, а не войну: "Лай, боже, воевати, да шабель не выимати" (З. 245). Крестьянин как труженик понимал: "Война хорошо слышать, да тяжело видеть" (Б. 423: ср.: Т. 109). Он знал "На войне без упадка не бывает" (Б. 426). Пословица учит предвидеть последствия войны: "Войну начать – надобно скончать" (Б. 424). Жизненный опыт подсказывал, что "По войне всегда мир бывает" (Б. 427), но тем не менее пословица предупреждала: "Мечем воюяй – мечем погибнет" (Т. 689). Поэтому так часты нравоучения типа "Ласковое слово пуще дубины" (У. 21; Б. 2207), "Ласковой теленок две матки сосет" (Б. 2206) – последняя пословица явно крестьянского происхождения.

Нравственно-этические нормы, запечатленные в пословице, служили незыблемым образцом, которому предписывалось следовать крестьянину. Этот образец в известной степени противопоставлялся как принципам хищнической конкуренции (столь характерной для нарождающихся буржуазных отношений), так и ханжескому непротивлению, проповедывавшемуся церковью. Крестьянин хранил, передавая из поколения в поколение, свои идеалы трудолюбия, коллективизма, человечности отношений, высокого гражданского долга.

* * *

Есть еще одна область нравственно-этических нормативов, которая за последнее время приобретает все большую популярность в историко-сравнительном плане, – это этнография свободного времени, досуга.

Крестьянской этике досуга и гостеприимства посвящено довольно много работ этнографов, однако почти все они основываются на материалах XIX–XX вв.¹⁶ Более ранним периодам уделено внимание лишь в нескольких работах¹⁷, причем пословичный материал не учитывался авторами. Весьма важен единодушный вывод исследователей: крестьянский досуг был тесно связан с трудовыми занятиями земледельцев и ими определялся. Свободное время у крестьян приходилось на праздничные и нестрадные дни, в основном на октябрь – март месяцы. Гостьба (да еще с выпивкой) в будние дни и в период активных сельскохозяйственных

работ почти исключалась: "Гость дорогой, а день – середной^{1*}". (С. I. 601). Крестьянская мораль строго осуждала тех, кто тратил драгоценные весенне-летние дни на бездумное пьянство. Нормы поведения во время отдыха строго соблюдались, вырабатывалась своеобразная этика гостеприимства, ритуал угощения.

Все это нашло отображение и в крестьянской пословице XVII–XVIII вв., которая высоко ставила честь гостя, требовала от хозяина удовлетворения его желаний: "Гостя, как чирья, гладь" (Б. 890) или "Гостю воля – лучшая ему честь" (Б. 889; Ш. 234), или "Гости сидят – где хотят, а нам – где велят" (С. I. 584). Очень тонко подмечена способность гостя непредубежденным взглядом оценить обстановку в доме: "Гость не долго гостит, да много видит" (Б. 885; Ш. 233). Как известно, этика гостеприимства подробно регламентировала поведение и хозяев, и гостей – в зависимости от обстоятельств. Строго определялось время гостевания для девиц, парней, молодоженов, родственников и т.д., что нашло отзвук в пословице: "Гость – гости, а пошел – прости" (Б. 883; Ш. 230; С. I. 571), тем более что "Гостя вслед не уподчивать" (Б. 888; Ш. 235). Гостевание было кратковременным или многодневным ("Гость рано поднялся – начует" – Б. 884; Ш. 231). Пословица отметила, что не всегда гостьба (да еще с выпивкой!) приводила к добру, бывало и так, что "Гость на двор – и беда с ним" (Б. 886; Ш. 232; С. I. 602), а гости бывали разные: "Гостя бестыдна пивом не выгнать" (Б. 887; С. I. 570, БАН. 63; С. II. 97), "Гость безстуж^{2*} посидеть любит" (Р. I. 592).

Пословица как бы определяла поведение гостя и хозяина: "Хозяину в доме не указывай" (Б. 4377); причем хозяину отводилась особая роль: "Хозяин весел – и гости радостны" (Ш. 843; С. II. 779). При этом подчеркивалась важность словесного этикета¹⁸: "Хотя хлеб не мягкий, да слово гладкое" (Ш. 860). В то же время слово слову рознь: "Хвалу, и честь, и славу и дурак любит" (С. II. 783).

Этнографы установили, что гостевание ("гостьба") было разное: различалось по составу участников, по форме празднования, по разнообразию (или отсутствию) блюд и напитков. Целью приглашения гостей было стремление к общению между родственниками, соседями, друзьями. Это общение чаще всего выливалось в разговоры, сопровождавшиеся застольем, более или менее обильным, в зависимости от состояния крестьянина. Определенное – но отнюдь не главное – место в застолье занимали и хмельные напитки домашнего изготовления. Крестьянские пословицы откликнулись на это бытовое явление, по-своему расценив и место хмельных напитков в крестьянском быту, и пьянство.

Как свидетельствуют фольклорные материалы XVII–XVIII вв., пьянство – это неумеренное потребление хмельных напитков, это скорее бытовое, чем медицинское явление (в отличие от алкоголизма) – уже тогда расценивалось как форма антиобщественного поведения. С глубокой древности, как известно, человечество знало об опьяняющем дейст-

^{1*}Т.е. будний, непраздничны

^{2*}Т.е. бестыдны

вии некоторых злаков и напитков, употребление их отмечено археологами и этнографами у всех без исключения народов уже на стадии примитивных племен. Вначале прием опьяняющих напитков был, видимо, коллективным, приуроченным к крупным внутриплеменным или астрономическим событиям. Позднее употребление опьяняющих средств вошло в быт, стало связываться с обрядами побратимства, с ритуалом праздничных, торжественных, а затем и печальных дней. Дальнейшее развитие производства, появление избыточного продукта повлекло за собой упрощение добычи зелья, расширение его применения. Начиная со средневековья пьянство становится бытовым явлением у всех народов на данной стадии общественного развития.

Общественная мысль Древней Руси, судя по сохранившейся литературе, всегда сурово осуждала пьянство. Вначале попытки общественного осуждения пьянства носили чисто нравственный характер. Свою лепту в осуждение пьянства внесла православная церковь, сурово порицавшая прихожан за "неумеренное питье", причем традиционно связывала факт с влиянием дохристианских, языческих обычаев. Многочисленные "слова" и "поучения", направленные против пьянства ("Слово Кирилла-философа словенского", "Слово о ленивых и сонливых и упиянчивых", "Повесть о высокоумном хмелю и худоумных пьяницах", "Повесть от чего суть уставися винное питье" и проч.) излагали легендарную историю возникновения винокурения, рассказывали о худом влиянии браги (а позднее – вина и водки) на человека, на его быт, труд, на благосостояние общества. Церковные поучения возбраняли мирянам неумеренное потребление опьяняющих напитков, домостроевские нормы предписывали воздержание в употреблении "хмельных питий", а позднее стали появляться и царские указы, запрещающие "гнусное пьянство". Указы эти практически не выполнялись, а после введения государственной монополии на торговлю спиртными напитками и открытия "царевых кабаков" пьянство стало приобретать особо широкие размеры. Царское правительство было кровно заинтересовано в расширении доходов от продажи пива, вина и водки, что в свою очередь становилось важным фактором, способствовавшим распространению пьянства¹⁹.

Историки верно отметили, что "с каждым столетием потребление спиртного в России увеличивалось, как впрочем, и в других странах". В XVII–XVIII вв. крестьянство было уже знакомо, судя по пословицам, с брагой, пивом и вином, но, как уже было сказано, "русский крестьянин имел возможность пить лишь несколько десятков дней в году – по престольным праздникам, на пасху, масленицу, на свадьбах и базарах. Все остальное время он тяжело работал, отвоевывая у земли в суровых условиях нашего климата хлеб свой насущный. Крестьянский труд не терпел ни двух, ни трех каждодневных рюмок"²⁰.

Популярная легенда об исконной предрасположенности русского человека к "хмельному питию" ("Веселие Руси есть пити") оказалась не подкрепленной историческими фактами²¹. На самом деле в жизни крестьянина употребление хмельных напитков во время праздников в рабочую пору исключалось. Нормы быта допускали хмельное лишь на родине,

крестины, помины, но и здесь нормы выпивки строго регламентировались. Именно наличие у крестьянского общинного мира устойчивых норм, определявших, когда, с кем и как употреблять хмельное, отвратило русский народ от пьянства. Так что уровень пьянства в XVII–XVIII вв. отнюдь не угрожал существованию народа.

Крестьянские "увеселения" "были направлены на восстановление сил непосредственного производителя, способствовали консолидации родственных общностей общины и являлись одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций"²².

Основными опьяняющими напитками на Руси были браги, пиво и хмельной мед. Водка появилась довольно поздно, как и питейные заведения: первый кабак был устроен Иваном Грозным в Москве, на Балчуге, после возвращения из похода под Казань. Крестьяне и ранее, и в последующие века пробавлялись напитками домашнего приготовления. Уже в XVII в. употребление пива в крестьянском быту было повсеместным²³.

Варка пива и браги – этих самых дешевых хмельных напитков – свидетельствовала скорее о гостеприимстве пивовара, нежели о его богатстве. "Не богатой пиво варит – тороватой!" (БАН. 530; ср.: Т. 771; Б. 3088; Р. 398; С. I. 1776). Пословица не забывает подчеркнуть, что варкой пива занимались даже священнослужители: "Варил поп пиво – не велико диво!" (Б. 370; ср.: С. I. 438). Варка пива была делом обычным: "Варить пиво – учинить диво, а варить брага – потерять фляга" (Б. 371; ср.: С. II. 128), хотя сам процесс варки требовал известного мастерства и был не из легких: "Пиво варить – глаза закурить" (Б. 3586). То же говорится о браге: "Бражка варить – глазка закурить" (С. I. 244). Пиво и брага не всегда удавались, нужен был известный навык и умение. Неудавшееся пиво обычно уничтожали: "Али мое пиво не удалось, что мое пиво под тын пролилось?" (С. II. 5). Отметила пословица и то, что качество пива на сусле (сладковатом отваре ячменной муки) распознать заранее нельзя: "Не угадывай пива на сусле" (БАН. 481; ср.: Т. 904), или такой вариант: "На сусле пива не узнаешь" (Р. 517; ср.: С. I. 1729). Варили пиво и брагу обычно осенью, после уборки урожая: "В осень и у воробья пиво!" (С. I. 416), а также – зимой: "Вино варят зимою, а пьют ево порою" (С. II. 156). Потребление пива в крестьянском быту было делом привычным: "Есть пиво – пьем, а нет ево – ждем" (С. I. 830; ср. с однотипной пословицей: "Есть пирог – едим, а нет ево – гледи!" – С. I. 831). Дружеская беседа сравнивалась с питьем браги: "Посидеть у друшка – будто у брашки" (С. II. 581). Видимо, бывали случаи фальсификации пива в продаже – недаром появилась пословица: "Не то пиво подносишь – подмешиваешь!" (БАН. 528; ср.: Р. 508).

Употребление пива и браги, как правило, требовало дружеской компании, пили не в одиночку, а с друзьями и близкими. Находились, судя по пословице, и любители хмельного, готовые всегда выпить: "Аз пью квас, а где вижу пиво – не пройду мимо вас!" (БАН. 18; ср.: С. II. 22). Именно из уст такого, пользуясь терминологией того времени, "питуха" могли выйти пословицы: "Чарка велика, вино хорошо!" (С. I. 2582) или "Чаша моря Соловецкого пить за здравие малодецкое!" (С. I. 2632)²⁴.

Но пословица не только отображала реальную действительность, не только фиксировала в образной форме то, что наблюдалось в крестьянском быту того времени. Она выступала и с осуждением неумеренных любителей хмельного. Пить можно было только по праздникам, а не в рабочие дни. Пиво, брага, а позднее – вино и водка – это праздничное угощение, средство приветить гостя: "Жалеть вина – не употчивать гостя" (БАН. 245; ср.: Б. 1237; С. I. 905; С. II. 277). Конечно, праздника ждут: "У праздников много бывает бражников" (БАН. 843; ср.: С. II. 739) и "Считают бражники частые праздники" (С. I. 2108). Но это вовсе не означало, что в каждый праздник напивались без меры, до бесчувствия; крестьянин специально подчеркивал: "То не спасенье, что пьян в воскресенье" (С. I. 2253; ср.: С. II. 699). Обычно крестьянин пил только по большим, так называемым "двунадесятым" праздникам, да еще в престольные дни (т.е. в дни, когда праздновался тот святой, престол которого находился в местной церкви).

Тот, кто варит пиво, тот и гостей ждет: "Кто пиво варит, тот и в гости зовет" (Б. 2086) или "Кто пиво подносит, тот и подчивает" (Б. 2088). Вино рассматривалось как атрибут встречи с близкими людьми ("Кум да кума да кубышка вина" – Р. 156) либо праздника ("Хто празднику не рад, тот до света не пьян" – С. II. 1131). В праздничные дни почти в каждом дворе варились пиво или брага, вот про такие дни говорили: "Кто пьян не был!" (Б. 2066), "Кто что пил, с того и пьян" (Б. 2129); поистине "На винну чарку всяк идет!" (Б. 2840). Найдем мы в пословице и сентенцию, что "Без пива – вина любовь студена" (Б. 70; ср.: С. II. 908).

Любители выпить за чужой счет, видимо, были не редкостью – недаром сложена пословица: "Шол бы Карп к пиву, да не зовут" (С. I. 2672) а любитель хмельного думал только о том, как бы выпить "Хорошо, крепко, – да подносят ретко!" (С. II. 787). Пиво и брагу в XVII–XVIII вв. пили уже не только по кабакам и кружечным дворам, а и по домам, в избах, и для этого не нужно было создавать особых условий: "Сальный свеч не станем жечь, а пиво да вино и при лучине пьем" (Б. 3900). Эта пословица явно крестьянского происхождения: лучина в то время была почти единственным средством освещения крестьянской избы. Выпивоха жаждал опохмелиться, да не всегда получалось: "Было пиво – да выпито, есть квас – да не про вас!" (С. II. 27). Изящно подмечено пословицей, как трудно бывает остановиться запившему человеку, ведь тяжело выпить только первую чашку, а дальше: "Первая чарка – колом, а другая соколом, а третья – солавьем, а там – как жижи^{3*} мечи!" (Р. 644).

Должно быть, те, кто сами часто бывали под хмельком, сложили пословицы: "Пьянова да малова Бог бережет" (Р. 602) или "Пьян об угол не ударитца" (БАН. 623; ср.: Т. 1122; Б. 3828). В пословице образно обрисовано состояние похмельного человека, которому все на свете трын-трава: "Пьяному море по колено" (БАН. 660; ср.: С. I. 896; Р. 606; Т. 1119; Б. 3824) и "Пьяному в глазах всегда двоится" (Б. 3596); "Пьяному мнится – сам-десять по пути" (С. I. 1978). В традициях того времени крестьянин

^{3*}Жидкая часть похлебки, супа.

связывал неумеренное пьянство с дьявольским навождением: "Смелым Бог владеет, а пьяным чорт шатает" (БАН. 778; ср.: Р. 728) или "Сидор пьет – чорт челом бьет" (Б. 3987). Та же мысль выражена в остроумной метафоре: "Не сам пьяной ходит – чорт его носит" (С. I. 1702). Пословица сравнивает похмельного человека с теми, кто зависит от окружающих и бессилён сделать что-либо самостоятельно: "Старой – что малой, подобен тому и пьяной" (Р. 484) или "Старой – что малой, подобен тому и пьяной: не поворчавши – не ест" (Р. 793).

Тонко подмечена пословицей якобы невинная попытка пьяницы выпить совсем немного: "Пьяницы хотят одну каплю! (Так! – Л.П.)" (П. 16). Крестьянин понимал эту уловку и потому с осуждением говорил, что "Пьяниц ни водою, ни вином горло не зальешь!" (П. 61). Другая пословица так говорит об этом: "Вином жажды не зальешь, разве больше допьешь" (Р. 93). Крестьянин сравнивал горло пьяницы с обычным для него в домашнем обиходе предметом – с кадкой: "Бездонну кадку водой не наполнить, а пьяницу вином не уподчиваешь" (Б. 53). Любителю выпить всегда доставало вина, а, даже выпивши, он повторял: "Пиво – добро, а мало ведро" (С. I. 1990). Справедливо говорилось, что пьянство вредит работе: "Пьянство в ремесле не товарищ, а по чарце большей!" (Т. 1123; ср.: Б. 3826).

Но воспитательный смысл пословицы заключался не в простой констатации самого факта пьянства в крестьянской среде, а в том, что пьянство осуждалось, пословица призывала к воздержанию от хмельного. С этой целью подчеркивалось, что именно пьяным чаще и больше всегда доставалось побоев от окружающих, ведь "Хмель не плачет, что пьяницу бьют" (БАН. 872; ср.: С. II. 773). Не случайно пословица предупреждала любителей выпить: "Не шуми у браги – не позовут к пиву!" (Р. 332). Особенно доставалось тем, кто становился во хмелью скандалистом: "Ум говорит – пора итти з двора, а хмель говорит: дождемся побой да вместе домой!" (С. I. 2365). Однако страх перед побоями сказывался: "Хотелось винца, да страх дубца!" (С. I. 2466).

Пословицы рисуют самыми неприглядными красками образ подвыпившего человека, в первую очередь его болтливость, невоздержанность на язык. Известно, что хмельное угощение способно разговорить человека, вынудить проболтаться, проговориться. Он выбалтывает то, что в трезвом состоянии не сказал бы: "Пьяного речи – трезвого мысли" (Т. 1118; ср.: Б. 3823, 4327; С. I. 1956). Пословица призывает не верить речам захмелевшего человека, которому так же чужда молитва, как голодному – пост: "Ни пьянова молитва, ни голодного пост" (БАН. 486; ср.: Т. 921; Р. 518; С. I. 1737). Разговоры пьяного никчемны и бесконечны: "У пьянова басен не переслушаешь!" (Б. 4126; ср.: С. I. 2305). Пьяная болтовня сравнивается с привычной для крестьянина деталью сельской жизни: "Вешний путь – не дорога, а пьяного речь – не говора" (П. 351; ср.: Б. 389; С. I. 380; С. II. 164). Не менее выразительно в пословице о пьяницах выглядит и обычный предмет крестьянского быта – решето: "Пьяной у себя сказывает решето денег, а проспитца – ано и решета купить не на что" (С. I. 2014).

У тех кто пристратился к хмельному "Мутно на душе, что нет пива в ковше" (С. I. 1587). Им уже все равно, что пить, запой туманит разум и жжет душу: «Вино-то хотя мутно, а душа говорит: "нѹтко!"» (С. II. 1105). Они хотя и понимают пагубность своего пристрастия, но не имеют в себе сил отказаться от вредной привычки: "Пиво пьяно – великий грех, пива в мале – грешнее того, пива не стало – тошнее всего!" (II. 349). Пословица оставляет без надежды тех, кто ждет во хмелю почестей: "Честь пива лутче" (БАН. 939; ср.: С. II. 806). В действительности честь и бесчестье для них – пустой звук, манит только чарка вина: "Пьяному безчестья – до чарки вина" (С. I. 1977).

В крестьянском сознании сложилось убеждение, что пиво и брагу следует пить только в обществе, на людях, но пословица мудро предупреждала любителей выпить, что частые выпивки приводят к утере друзей и к появлению врагов: "Частые браги делают многие враги" (Б. 182). Того, кто любит жирно поесть да попить вина, ждет бедность, утверждал крестьянин: "Любяи вино и масло – не обогатится" (С. I. 1447). Пословицы подобного рода были весьма популярны в скромной достатками крестьянской среде, где каждый заработанный грош доставался с трудом. Пословица особо подчеркивает, что пьянство приводит к материальному оскудению семьи, потому что "Напитки делают убытки" (Б. 2973)²⁵.

Крестьянин традиционно с большой заботой относился к своей семье и особенно к детям. Поэтому с таким глубоким осуждением говорит пословица о пьянстве, разоряющем семью. Опьяневший человек не думал о своей голодной семье: "Пьяной о голодном не думает" (II. 99). У пьяницы на вино всегда находились деньги, а вот на хлеб – нет: "На вино есть деньги, а на хлеб – нет" (Б. 2841). Так получалось в семье пьяницы, что "Сам пьян, а дети голодни" (Р. 750).

Встречались пословицы, внешне якобы оправдывавшие пьянство, но это представление обманчиво. В самом деле, возьмем для примера известный афоризм о проспавшемся после похмелья человеке: "Пьяница проспитца – к делу пригодитца, а дурак – всегда однак" (С. II. 964). Однако сравнение пьяницы с безумным человеком говорит само за себя. Ведь человек без ума и бесстыден ("Дурак стыду не знает" – С. I. 745), и бранлив ("Дурак любит браниться" – С. I. 697), и болтлив ("Дурака слушать – пирога не кушать" – С. I. 677), и закон для него не писан ("Дураку закон не писан" – Т. 341), его ничему не научить ("Дурака не научишь" – Б. 1103, 1108), и нечему у него научиться ("У дурака не спрашивай ума" (Б. 1112) и "Дурак по-дурачки и поступает" (Б. 1106) – вот к кому приравнивает пьяницу крестьянин!).

С осуждением говорит пословица и о бесстыдных любителях выпить. Особенно порицает пословица тех, кто стремится выпить за чужой счет: "Пить хочетца, а купить не хочетца" (С. II. 580). Пословица подчеркивает, что выпивший человек ведет себя не по-людски: "Пить пиво – сидеть криво" (Б. 3592; ср.: С. I. 1982; С. II. 576) или такая пословица о пьянице: "Варя пиво – наклониться, а пить его – павалиться" (С. I. 384). Похмельный человек вызывал осуждение у крестьянина, и даже "добрый пох-

мельный” молодец вызывал только сожаление у сталкивавшегося с ним: ”Добр детинка, да лиха хмелинка” (С. I. 680). Поэтому крестьянин и утверждал, что ”Добро тому пить, кто может хмель в себе скрыть” (С. I. 784).

Особенно резко осуждала пословица пьющих женщин: ”Пьяная баба – свиным приваба^{4*}”. Правда, женщины остерегались напиваться до бесчувствия: ”Баба пьяна, а стыд свой помнит” (С. II. 67). Однако бывало и такое, что крестьянка, не привычная к хмелю, теряла от выпивки представление о реальности: ”Звалася баба княгинею за пустой братиною” (С. I. 1109). Случалось, что она пропивала все: ”Испила кума бражки да хватилась рубашки” (С. I. 1160). Вызывала неприязнь женщина, от которой несло перегаром: ”Испила баба табаки да несет, что от сабаки” (С. I. 1165).

С экспрессивной силой прокликает пословица пьянство: ”Невинно вино, но проклято пьянство!” (Т. 779; ср.: Б. 403, 404, 3120) – или такой выразительный вариант: ”Не вино винит, но пьянство!” (Б. 3119). ”Невинно вино – виновато пьянство!” (С. I. 1780) – вот как определенно и категорично выражает народ свои чувства, когда речь заходит о пьянстве, добавляя, что особенно тяжело длительное похмелье, надолго выбивающее работника из обычного трудового ритма жизни: ”Пил бы пиво, да лихо похмелье!” (Т. 1005); есть и такой вариант: ”Легко пить да тяжело похмелье!” (Б. 2221). Похмелье кажется особо тяжелым после того, как выпьешь не дома, а на стороне: ”В чужом пиве – да похмелье” (Б. 675, 4168; ср.: С. I. 424). И вот ведь что точно подмечено пословицей: знали ведь, что плохо будет, но все равно пили: ”На чужое пиво нечево губы дуть” (Б. 3069). Пословица подчеркивает, что во хмелю человек такое может натворить, что потом все удивляются: ”Где было пиво, там стало диво” (Б. 727), да и вообще ”Где пиво, там и диво” (Б. 767; ср.: С. I. 568), а ”Где пиво пьют, там и льют” (Б. 766; ср.: С. I. 1423, 2087) или ”В честь вино пьют, а не в честь – льют”.

Пословица советует определенное поведение по отношению к подвыпившим: главное, не задирать их: ”Дадим пьяным покой!” (Б. 916), ведь у пьяного троится в глазах: ”Еще не пьян, коли в глазах не троится” (Б. 1218). Самое лучшее для выпившего человека – это сон: ”Коли пьян, так спи!” (Б. 1922) или ”На пьянство изведено лекарство: сон!” (С. I. 1731). Пословица рекомендует: ”Цельбы пьяному – спать довольно” (С. I. 2549). Во всяком случае, пьяный во сне никому не мешает: ”Сноп пригож в гумне, а пьяной – во сне!” С. II. 658).

Пословица не обошла стороной и такой прискорбный факт: ”Боле умирают от пьянства, неже от убойства” (Б. 149). Поэтому ”Лучше не пить, неже пьяну быть!” (Б. 2377) или ”Лучше ни пить, ни пьяну быть!” (Б. 2397). Пословица призывает к умеренности: ”Не пей много вина, не истеряешь ума!” (С. I. 1693) или такой вариант: ”Полно пить, лутче ум капить!” (С. II. 380). Пословица, осуждая пьянство и призывая ”Лутче праздничать, а не бражничать” (С. I. 1403), шуточно советовала: ”Пил бы ты

^{4*}Т.е. приманка.

вотку из-под лотки!" (БАН. 649), потому что "Сколько воды ни пить, а пьяну не быть" (Т. 1205; ср.: С. I. 1363), тем более что вода общедоступна: "Вода пить – не беда, а вино – кому удастся" (Б. 407). Снова и снова советовала пословица: "И вино надобно пить в меру" (Б. 1497), потому что "Много пить – пьяну быть" (Б. 2719) или "Много пить – добру не быть" (Б. 2720). Вновь и вновь пословица учит: "Хорошо пить в меру" (Б. 4408). Отношение к хмелю должно быть очень осторожным, потому что "И в квасу хмель бывает" (Б. 1499), а "Хмель пуще браги!" (Б. 4374) – так говорил народ, добавляя при этом: "Хмелевая шишка во лбу явно уже!" (Б. 4375). Избавление от пьянства одно: перестать пить совсем.

Более жестоким явлением, чем пьянство, был запой. "Запой пуще пьянства" (Б. 1384), – утверждает пословица. Запойные пьяницы пропивались до нага: "Кто на кабак повадится – тот наг находится" (Б. 1666); они не могли уже обходиться без вина: "Как рыба без воды, так пьяница без вина" (Б. 1841). Запой приводил к тому, что пьяницу обдирали дикие звери: "Ково медведь ободрал, тот и пьян был" (Б. 1908). Человек в запое вызывал у крестьянина омерзение: "Напился, как стерво!" (Б. 2972). Запойный пьяница забывал мудрые слова: "Пить много винца – не видать добраца!" (С. II. 759) или "Пьянство в добро не приводит" (Б. 3595; ср.: БАН7 651), "Хто пьет до дна, тот живет без ума" (С. I. 2487). Резко отзывался крестьянин о кабаке: "Гори кабак и с ярыжными^{5*}, все беси в воду, а черт на берег!" (II. 228). Народ недаром приравнял запойного пьяницу к безумному человеку: "Пьяница, дурак – на кабаке, шипкой, прыткой – в тюрьме" (С. II. 585). Но кабак был приманчивым: "На охотника кобак: кто хочет – бредет!" (Р. 499).

Запой вел за собой похмелье, и, видимо, оно порой останавливало любителей хмельного: "Пил бы пиво да вино, да лихо похмелье тяжело" (Б. 3585, 3591). В похмелье запивший горько переживал свой запой: "Пьяной скачет, а проспался – плачет" (Б. 3825) или "Упился бедами, опохмелился – слезами" (С. II. 729). В похмелье да и после могла быть произнесена пословица человеком, осознавшим пагубность похмелья, не потерявшим еще рассудка: "Батюшка хмелек, не попиховой вперед!" (Р. 24). Раз испытавши похмелье, выпивший старался остерегаться: "Спасибо, кумушка, на брашки, а с похмелья головошка болит!" (Р. 682). Отмечена и длительность похмелья в такой, например, форме: "Выпили пиво о масленице, а похмелье ломало после радуницы^{6*}" (С. I. 523). В пословице указано и лекарство от похмелья: "Цельба пьянице – на столе в склянице" (С. I. 2557). Мы найдем в пословице и свойственную русскому крестьянину жалость к похмельному: "Не жаль бита, не [жаль] ранена – жаль молотца похмельнова" (Р. 340).

Крестьянская пословица не только осуждала пьянство, не только рисовала самыми черными красками губительные последствия для крестьянской семьи этой разрушительной и губительной привычки, она пыталась выяснить причины этого пагубного влечения. Пристрастие к хмельному

^{5*}Ярыжник – пьяница, шут, мошенник, беспутный.

^{6*}День поминовения усопших на Фоминой неделе.

видится в том, что "Вино сидеть^{7*} горько, да пить его сладко" (Б. 402), в том, что пьянство создает иллюзию дружбы и веселья, ведь "У пива, у брашки все друшки" (Р. 830). Однако пословица напоминает, что веселье пьяного человека предназначено только для него самого, окружающим радости оно не приносит: "Пьян поет – себя тешит" (С. I. 1957).

Другую причину распространения пьянства пословица видит в том, что хмельное питье было одним из средств повышения аппетита: "К пиву едется (т.е. появляется желание есть. – Л.П.), а к слову – молвится"⁸ (Т. 576; ср.: С. I. 1254). Поэтому пословица связывала питье с пищей: "Росклавши торелки – по чарке горелки" (Р. 670) или "Сыр да яйца да вина скляница" (С. I. 2204).

Немаловажной причиной влечения к хмельным напиткам пословица считает и желание забыться от горестей жизни: "Хлеб сердце человека крепит, а вино веселит" (Б. 4367; ср.: С. I. 2407). Но не всегда пьянство приводило к веселью: "Не всяк весел, кто пьян" (Р. 417) или "Пиво коуро^{8*}, а к носу понуро" (С. I. 1958).

Но главную причину распространения пьянства пословица видела в том, что замученный тяжелой жизнью крестьянин хоть на краткую минуту опьянения становился вольным человеком, "паном": "Хрестьянин пьян – сам себе пан!" (БАН. 878; ср.: С. II. 782). Действительно, сама система крепостничества подталкивала крестьянина к пьянству. А если учесть, что начиная с XVI в. русское правительство было кровно заинтересовано в увеличении доходов от продажи водки (факт, установленный еще русской дореволюционной наукой!), то можно представить себе, как много усилий приложил правящий класс для того, чтобы этот источник не иссякал!

Крестьянство боролось против неумеренного потребления браги, пива, а позднее вина и водки. Спротивление шло главным образом в русле морального осуждения пьянства, которое приносило в крестьянскую избу оскудение и нищету, разрушало семью, вызывало болезни. "Злее зла пьянство" – вот вывод народной мудрости, провозгласившей в конце концов отказ от употребления опьяняющих напитков: "Кто не пьет, тот и пьян не живет!" (Б. 2067, 2085). Одна из самых популярных пословиц, зафиксированная во всех без исключения сборниках, дошедшая и до наших дней: "Пить до дна – не видать добра!" (Б. 3590; ср.: Р. 589; С. I. 1961; С. II. 565; БАН. 650; П. 222; Т. 1006). Это суровое предупреждение всем, кто неводержан в "хмельном питии", всем, кто в пьяном угаре забывается от тягостей нелегкой крестьянской жизни. . .

В настоящей монографии рассмотрены лишь некоторые аспекты нравственно-этической стороны духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. – именно те, которые наиболее выпукло отобразились в крестьянской пословице. Этические традиции – один из важных компонентов духовного облика русского крестьянина. Своеобразие нравственно-этических нормативов заключается в том, что они регулировались не

^{7*}Т.е. курить, гнать, выгонять.

^{8*}Каурый – светлокаштановый, рыжеватый.

государственно-юридическими установлениями, а главным образом общественным (общинным) мнением, причем нарушение нравственных нормативов хотя и никем не наказывалось, тем не менее не приводило к забвению общечеловеческих аспектов. Объясняется это тем, что нравственно-этические традиции тесно связаны не только с общественным, но и с этическим сознанием. Глубокое изучение этих традиций позволяет сделать вывод, что многие хорошо уже изученные явления общественного быта и общественного сознания, будучи включенными в систему нравственно-этических представлений и норм, получают новое звучание и новый смысл, по-новому могут быть оценены и охарактеризованы.

В частности, это можно сказать и о семейно-бытовых отношениях в крестьянской среде XVII–XVIII вв., которые своеобразно отображены и оценены в народной пословице этого времени.

ЛЮБОВЬ, ЖЕНЩИНА, СЕМЬЯ В НАВРСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Выделение нравственно-этической оценки семейно-бытовых отношений в самостоятельный раздел диктуется как важностью самой проблема для характеристики духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв., так и недостаточной изученностью многих сторон этой темы в отношении русского крестьянства того времени. Хотя историки, этнографы, литературоведы и правоведы часто обращались к интересующей нас тематике²⁶, тем не менее следует отметить, что до самого последнего времени ученые основывались главным образом на законодательных источниках и освещали семейно-бытовые отношения верхушечных слоев русского общества эпохи феодализма. В то же время жизнь и быт крестьян (особенно крестьянок) XVII–XVIII вв. изучены совершенно недостаточно. Объясняется это прежде всего тем, что этнографическое исследование не заходило глубже XIX в. Обобщение и осмысление конкретно-исторического материала в области изучения ранних эпох в жизни русского крестьянства только начинается²⁷.

Важность исследования нравственно-этической оценки семейно-бытовых отношений в крестьянской среде подчеркивается тем интересом, который за последнее время стала проявлять мировая историческая наука к изучению роли любви и женщины в обществе – как в современном, так и в историческом аспекте. Понимание и истолкование роли женщины в семье, обществе, трудовом процессе и общественной жизни составляет, как известно, существенный раздел общественно-политической мысли наших дней. Эта тематика обсуждается на всевозможных конференциях и съездах, в том числе и международных!²⁸

В последние десятилетия стали появляться работы, в которых дается анализ отношения к женщине в памятниках письменности русского средневековья, рассматриваются источники по изучению семейных отношений, анализируется положение женщин в семье и обществе²⁹. Однако и эти труды, за немногими исключениями, рассматривают положение женщины привилегированных слоев русского общества и преиму-

ственно в период раннего феодализма; XVII–XVIII вв. остались вне поля зрения исследователей.

Необходимо также отметить, что круг источников, на которых основывались упомянутые работы, как правило, ограничивался письменными и археологическими памятниками. Фольклорные материалы для исследования XVII–XVIII вв. почти не привлекались – видимо, в силу неразработанности методики анализа произведений народного творчества применительно к ранним периодам русской истории. Лишь немногие авторы, среди них последователь революционных демократов, позднее ишутинец, И.А. Худяков³⁰, сумели показать, с одной стороны, благородный и прекрасный образ женщины в устном народном творчестве, а с другой – бесправное и тяжелое положение женщины в быту.

В некоторых работах раскрывается ценность русских народных пословиц для характеристики духовного мира русского крестьянина эпохи феодализма. Можно еще раз подчеркнуть, что источниковедческая ценность крестьянских пословиц XVII–XVIII вв. как источника по истории общественной мысли заключается как раз в том, что в них говорится о женщине из народа, живущей своим трудом и работающей вместе с мужем. В трудовой, несомненно, семье возникли такие пословицы: "Жена – пряди рубашки, а муж – вей гуж" (С. I. 971), "Мужик не предет, да наг не ходит, а баба предет, да по две рубахи не носит" (БАН. 471; ср.: Т. 706; Б. 13; 2764); "Челнок да бердо^{9*} – у баб то твердо" (С. I. 2595) и многие другие. Большая часть пословиц, посвященных семейно-бытовым отношениям, возникла в среде крестьянства. Многие из них стали со временем общенародным достоянием.

Взаимная любовь мужчины и женщины нашла отображение во многих произведениях народного творчества, в том числе в пословицах. Мы встретим в них отклики на любовь чувственную и духовную, любовь к девушке, женщине, жене, матери, мужу, детям и т.д. Встречаем мы и общую характеристику любовного чувства. Пословицы, посвященные чувственной любви, интимным отношениям между женщиной и мужчиной, в общем-то довольно немногочисленны. Они, как это уже отметил П.А. Ровинский, сосредоточены большей частью только в одном пословичном сборнике и, скорее всего, отображают личный, субъективный, интерес составителя к эротической тематике³¹.

Физическая, чувственная любовь не смакуется пословицей, попросту принимающей ее как реальность, как естественное стремление человека к продолжению своего рода. Поэтому и рождение детей в семье рассматривается пословицей как закономерное явление, как нормальное последствие брака, хотя и выражено это довольно откровенно: "Легши сам-друг, будешь сам-третей" (Т. 629), "Спать двоим – быть и третиму" (Р. 479), "У двоих не без третьево" (С. II, 700) или "Ляжешь сам-друг, а встанешь сам-третей" (Б. 2591). Народная пословица трезво судила о близости мужчины и женщины: "Стыдиться жены – не видать детей" (Б. 4154; ср.: БАН. 715; Р. 770, С. I. 1009). Любовное чувство сильнее стыда:

^{9*} Деталь ткацкого станка, род гребня для уплотнения ткани.

”Любя жену – потерпеть стыду” (С. I. 1464). Большое место в пословицах XVII–XVIII вв. занимает оценка любви как нравственной основы брачных отношений, как светлого и глубокого чувства, освещающего жизненный путь человека³².

Народная пословица рассматривала любовь в первую очередь как единение взглядов и оценок, как чувство выше всех иных чувств и увлечений: ”Любовь любит единость” (Т. 660; ср.: Б. 2542, прим. 155), ”Пиво – не диво, мед – не хвала, всему тому любовь голова” (Б. 3582). Особенно крепка любовь среди равных по положению: ”Равные обычаи – крепкая любовь” (Б. 3838; ср.: Т. 1029). Она так сильна, что ”покрывает множество грехов” (С. I. 1448). Долгий жизненный опыт породил мысль о том, что терпимость – основа семейной жизни: ”Лихо терпеть, а стерпится – слюбится” (С. I. 1486, 2683). Скромность, сдержанность на людях в отношениях между любящими нашли выражение в пословице: ”Любовь любит наодине” (Б. 2545).

Отмечена крестьянской пословицей и слепота влюбленных, для которых предмет любви кажется лишенным каких бы то ни было недостатков: ”Любовь слепа!” (Т. 661; ср.: Б. 2543). Как ни крепка любовь, и она бывает не вечна, сменяется ссорой: ”И любовь в ссору приходит” (Б. 1614); случается, что милый прежде человек становится постылым: ”И милой бывает постыл” (Б. 1618). Но справедливое замечание, что ”Всяк страх изгоняет любовь” (Т. 164), подтверждает бесконечность любовного чувства, самоценность любви: ”У любви нет конца, как у кольца!” (Р. 857), ”Деньги – железо, платье – тлен, а любовь всего дороже!” (С. II. 958).

Крестьянская пословица откликнулась на самые разные формы проявления любовного чувства, но главное внимание обратила на период, предшествовавший заключению брака, на изменение положения женщины в семье с появлением жениха. Ухаживание парня за девушкой рассматривается даже с некоторым любованием: ”Любо видеть, как девка с парнем идет!” (Т. 664; ср.: Р. 247; С. II. 347; Б. 2564; БАН. 398). Длительное ухаживание до замужества также отмечено пословицей: ”За женским полом не находишься” (Б. 1326). В пословицах XVII в. нередко говорится о непостоянстве чувства девушки, причем это свойство традиционно связывается с желтым цветом (в народе желтый цвет – цвет измены!): ”Желтый цвет – женской привет: как отцветет – и привет пропадет!” (С. I. 996). Сложность ухаживания для парня пословица объясняет тем, что ”Женское слово смущает сердце” (С. II. 286). В этот период, учит пословица, парню следует быть особенно предупредительным: ”Страх причины – не задирай дивчины!” (С. II. 661). В это время у парня и у девушки – разные цели: ”У девки – загадка, а у парня – свой смысл” (С. II. 717), т.е. девушка думает о замужестве, а парень – об удовлетворении своих желаний.

Много внимания уделяет пословица невесте. Известно, как подробно разработана эта тема в народной песне и сказке, какие нежные слова и сравнения нашло устное народное творчество для характеристики невесты. И в пословице невеста тоже предмет особого уважения, заботы и восхищения. Она неприкосновенна: ”Не бию дерева в лесе, невесты – в 124

людех” (Т. 770). Выдача невесты замуж немислима без сватовства: ”Пиво без дива не выпьешь, а девку без слова не выдашь” (Б. 3598). Свадьбе предшествовали смотрины, причем они расценивались крестьянином как важнейшая часть свадебного обряда: ”Девочку смотреть – не камочку^{10*} купить” (С. I. 681). За смотринами шла свадьба, о которой народ так говорил: ”Свадьба без дива не бывает” (Б. 3935, ср.: С. I. 1220), а иногда и ”Свадьба без пороку не бывает” (Б. 3929). Известно, что для крестьянского сознания было характерным списывать все несчастья, связанные с браком, на нечистую силу: ”Смутил чорт брак, а сам в буярак” (С. I. 2177).

Велика роль сватов в свадебном обряде³³. Сватами посылали самых уважаемых людей: ”Холостова сватать не посылают” (БАН. 860; ср.: С. I. 1754; С. II. 437). Задача свата – поддержать разговор, когда смущенный молодой жених умолкнет. ”Жених замолчал – ин сват заворчал” (С. I. 959). Понятно, что жених на свадьбе старался показать себя во всей красе, ведь ”Жених весел – всему браку радость” (С. I. 974) и в конечном счете ”Женихом брак честен” (С. I. 975). Стремление сватов приукрасить достоинства жениха отразилось в пословицах: ”Сваты с правдой не ездят” (Б. 3936; ср.: С. I. 2111) и ”Сватанье – хвастанье!” (С. I. 2200). Нередко уже после женитьбы, распознав характер жены, муж сетовал на свата: ”Жену понять – на свата пенять” (С. I. 967). Но в целом крестьянская пословица высоко ценила свата за его решающую роль в свадебном обряде: ”Сват, сват, а не сват – ин доброй человек” (С. I. 2135).

В крестьянском понимании свадебного обряда большая роль уделена случаю, счастью. Видимо, бывало, когда распадалась и хорошо спланированные браки, а невеста доставалась другому: ”Щастливому невеста достанется!” (Б. 4607; ср.: Т. 1255) или ”Много сватается, да одному достанется!” (Т. 697). Иногда сватовство не приводило к желанному результату из-за материальных причин: ”За тем ли стало, что приданного мало?” (БАН. 292; ср.: С. I. 1052).

Опытные матери знали, что будущий муж будет выбирать себе жену трудолюбивую, поэтому учили своих дочерей показать свое умение еще до замужества: ”Тки, дочи, не суючись^{11*}: жених идет по улице!” (С. I. 2272).

Вольная, свободная жизнь в девичестве (”Злато время – молодые лета!” – Т. 441) рисуется пословицей так: ”Девка – красна певича” (Б. 1130). Эта вольная жизнь продолжалась только до замужества (”Девка красна до замужества” – БАН. 209; ср.: С. I. 662; С. II. 233), а потом ей не посидеть, не отдохнуть (”Затем девке не сидеть, что ей робят носить” – БАН, 290). В то же время мужская сила сохранялась долго: ”Девке красы – до косы, а у молодца – и до конца” (С. I. 712).

Отметила пословица такие характерные черты девушки как забывчивость (”Забывчив, как девка!” – Б. 1295 или ”Девичья память: парня забыла!” – Т. 271). Встречается и резкое осуждение девичьей забывчивос-

^{10*}Шелковая цветная ткань с узорами.

^{11*}Т.е. не суетаясь.

ти ("Девичий стыд – до порога: как переступила, так и забыла!" – БАН, 208; ср.: С. II. 232), податливости ("Девка – щепка, парень – камень!" – БАН. 203), опрометчивости ("Личико беленько, да разуму маленько" – БАН. 416; ср.: С. I. 1446; С. II. 336; Р. 266), бесстыдства ("Сором девке, а парню – позор" – БАН. 748; ср.: С. II. 664) и т.д. До замужества девица должна была справиться приданое – и для себя, и для мужа: "Все то красные девицы изошьют, а добрые молодцы износят" (С. I. 549). Замужество рассматривалось как естественный и закономерный исход девичества: "Скрасит девку венец да молодец!" (Р. 778). Не случайно возникла и такая пословица, как "Девушка плачет – замуж хочет!" (С. II. 758; ср.: С. I. 727). Конечно, стремление к семейной жизни было обоюдным у обоих полов ("Стройно молодец ходит: жениться хочет!" – С. I. 2184), но именно замужество было единственным желанием и целью девушки. Вот почему говорилось: "Не береги дерева в лесу, а девку в людях" (С. I. 1648). Объясняется это, в частности, тем, что внебрачные дети не были редким явлением в крестьянском быту³⁴. "Никто не бывал, а у девки – дитя" (С. I. 1801; ср.: Р. 349). В самом деле, раз замужество – неизбежность, чего выждать? "В девках доле – замужем короче!" (С. II. 165).

Необыкновенно выразительны берущие за душу пословицы, в которых оплакивается горькая доля девушки, насильно выданной замуж "за немилото, постылото"³⁵. В лирических женских песнях, которых огромное множество, она раскрывается в ярких, впечатляющих художественных образах. Однако это – тема фольклорного, а не исторического исследования. Что же касается крестьянской пословицы, то и она нашла свои простые образы для выражения невыносимости для женщины отдавать тело и ласки человеку, который ей противен. "Лехче не видеть милого, нежели лежать подле постылото!" (Т. 628; ср.: Б. 2231). Встречается и другой вариант: "Тяжко милого не видеть, тяжчае – подле постылото лежать" (Т. 1291; ср.: Б. 4263). Сравнение милого с постылым – обычная тема многих пословиц: "Далеко милый, а далее был [бы] постылой" (Б. 922), "Кто не мил, тот всегда постыл" (Б. 2064). Вообще пословица знает лишь одно противопоставление: милый – постылый ("Либо милой, либо постылой" – Б. 2267; или "Лучше не ждть милова, нежели постылова" Б. 2367; "Лучше с милым неже с постылым" – Б. 2452). Подневольный брак заставлял женщину поступаться своими чувствами: "Любишь милова – люби и постылова!" (Б. 2529). Горечь этой пословицы особенно ярко проступает при сопоставлении с другой, где недвусмысленно говорится: "Милому насильно не быть!" (Б. 2688, 3993). А постылого мужа жалеть нечего: "Не жаль постылова – жаль милова!" (Б. 3200). Бывает, не мила и жена, в этом случае, конечно, даже приданое не поможет: "Приданое милу не сделает" (Б. 3762). Интересна пословица, предупреждавшая девушку, выданную за немилото человека: "Не избывай постылого – не возьмет Бог милого!" (Т. 818; ср.: БАН. 515; С. I. 1707). Нельзя не видеть здесь обычного для крестьянского сознания того времени представления о нерушимости брака.

Пословица в принципе осуждает насильственный брак: "Невольная женьтьба не делает веселья" (Т. 783; ср.: Б. 3135) или "Крестом любви не

свяжешь” (Б. 1986) – прекрасный образец антицерковного мышления крестьянина! Поэтому так часто говорится о тяжелой жизни одинокой женщины, которой “Без милого жить скучно” (Б. 60). И люди все вокруг вроде бы неплохие, но... “Много хороших, да милого нет!” (С. I. 1545; ср.: Р. 280). Сожаление о минувшем, о несбывшемся счастье – постоянная тема не только грустных лирических песен, но и пословицы (“Была дорожка к милому, да минулась” – Б. 269). Любая “Дорога до милого – не дальний путь” (Б. 928) или “К милому семь верст – не околица” (Б. 1893; ср.: С. I. 1288; 548), “Длинный путь – милого не разлука!” (Б. 927).

Часты в песне и в пословице сожаления о неудавшейся семейной жизни, о насильственном браке, где и муж, и жена равно обижены судьбой и достойны жалости: “Жаль девки – погубили парня” (Б. 1231; ср.: Т. 371; БАН. 232; С. I. 931). Насильственный брак, столь частый при крепостном праве, когда он совершался по воле самодура-феодала, приносил вечные слезы женщине: “Девушка, хочешь ли плакать? Пойди за нево!” (Б. 1131). Такой брак толкал жену на осквернение ложа, на измену, что и вызвало пословицы: “За нужу с мужем, коли гостя нет” (Б. 1366; ср.: С. I. 411; 1980; БАН. 270). Выразительны размышления выданной насильно замуж крестьянки: “Чуж муж мил, да не век с ним, а свой постыл – волочиться с ним” (БАН. 943; ср.: С. II. 805). Особенно тяжким был брак молодой девушки со стариком: “Стар хочет спать, а молодая – играть” (БАН. 749; ср.: С. II. 645). Поэтому так последовательно убеждала пословица в необходимости брака равных с равными как по материальному положению, так и по возрасту: “Молод муж – молода его и мысль” (С. I. 1503).

Женитьба для крестьянина – важнейшее событие в жизни человека. Поэтому крестьянин осуждал скорую женитьбу: “Скорая женитьба и скорое богатство – видимая напасть” (Р. 780) или “Скорая женитьба – видимая работа” (С. II. 642), “Скорая женитьба – видимой рок” (Т. 1208; ср.: Б. 4038; БАН. 746). Крестьянин не терпел поспешности, приводившей, как правило, к печальным последствиям. Прежде чем жениться, необходимо было предварительно обеспечить прожиточный минимум нарождающейся семье: “Хорош женитца, да было бы чем одетца!” (Т. 1329; ср.: Б. 4401), “Жена – не коза: есть хочет” (Б. 1240). Забота о пропитании семьи – первейший долг мужчины. “Невелика семья, а все едоки” (Б. 3114) – вот что постоянно имел в виду хозяин дома. Пословица подчеркивает: “Не тяжело детей добывать – тяжело их возростить” (Б. 3371). Сытость семьи зависела от ее величины: “По семье гляди и кашу варят” (Б. 3718). Чтобы прокормиться, необходимо было много работать; “Женитца – так не ленитца, хотя и не хочетца вставать” (БАН. 257; III. 245; ср.: Б. 1253; С. I. 933). А если будущие супруги ленивы – дело плохо. “Женитца ленивой на санливой: богато бы им жить!” (С. I. 952), – с иронией говорит пословица.

Брак заключался на всю жизнь; по крестьянскому представлению, жену нельзя было покинуть, как ненужную вещь: “Жена – не сапог: не скинешь!” (Б. 1242; ср.: Т. 325) или “Не любя жена, да куда ж ее деть!” (Б. 3232). Очень выразительна пословица XVIII в. на ту же тему: “Жена – не гусли: поиграв, на спичку не повесишь” (III. 265). От женатого челове-

ка требовалось постоянно думать о семье: "Где дед не бери, а бабу корми!" (Б. 746; ср.: С. I. 609). Есть и такой вариант: "Где стар ни бери, а старуху корми" (Б. 777). Семья, "дом" – предмет неустанных забот крестьянина: "Дом домашнева и требует" (Б. 1058) или "Домом жить – много надобно" (Б. 1062; ср.: Т. 317; БАН. 166). "Домом жить – потужить" (С. I. 730) – так расценивал крестьянин тяготы семейной жизни (ср. другой вариант! "Женясь – о дому прилежать!" – С. I. 918). Пословица требовала от кормильца расторопности: "Домом жить – не разиня рот ходить!" (Б. 1060; ср.: Т. 318). Свой дом для крестьянина был дороже всех иных: "Свой домишка хоть худ, да лучше чужова" (Б. 3943), потому что "Свой дом – своя и воля" (Б. 3945) или "Хижина хоть худа, да своя!" (Б. 4352). Крестьянин чувствовал себя хозяином в собственном доме: "Всяк царствует в доме своем!" (П. 187).

Отношение к женитьбе как к серьезному, экономическому в первую очередь, шагу, связанному с возникновением нового хозяйственного организма, породило и чисто торговую терминологию в пословицах о женах, например: "Мала жена – не убыток" (Б. 2596). С экономической, практической точки зрения рассматривал крестьянин появление невестки в доме: "Две шубы – тепло, две хозяйки – добро" (С. I. 717). Поэтому женитьба рассматривалась не только как личное дело двух людей или их семей, а как дело всей сельской общины. Недаром пословица говорит: "Женят добрые люди сельским рублем!" (Б. 1255). Семья в представлении крестьянина – это, в первую очередь, экономическая структура: "Семьею и горох молотят!" (БАН. 764).

Как экономическая ячейка семья должна быть крепкой. Крестьянин понимал это как лад, согласие, единство: "На што клад, как в семье лад" (Т. 764; ср.: Б. 3058; Р. 503; БАН. 462) или "Лучше лад, нежели раздор" (Б. 2352). О единстве мужа и жены говорят и грубоватые народные поговорки: "Муж да жена – одна сатана" (Б. 2758; ср.: Р. 278) или такая пословица, как: "Мужа с женою не разделишь" (Б. 2763). Очень важно сообща, вместе с женой решать сложные вопросы: "Подумав с подушкой, спросаться и с подружкой" (О. 120; ср.: С. I. 1905; С. II. 459). Уважение к спутнику жизни – характерная крестьянская черта: "Всякому мужу своя жена мила" (Б. 547; ср.: Т. 155). Пословица убеждает, что согласие в браке дороже всех сокровищ. Семейный лад наступает тогда, когда крестьянин делает свой выбор: "Чья жена хороша, а мне своя мила!" (Б. 4587). Наивысшим выражением супружеской любви и счастья звучит пословица: "Жить вместе – умереть вместе!" (Б. 1283; ср.: Т. 386)³⁶.

Конечно, были между мужем и женой ссоры и размолвки, когда "Муж – про жену, а жена – про мужа" (Б. 2760), когда при встрече семейных пар разговаривал "Муж с мужем, а жена – с женою" (Б. 2761). Полна метких житейских наблюдений пословица, рассказывающая о том, где именно происходят разногласия между мужем и женой: "Муж в бане, а жена в онбаре уговориться не могут" (Р. 288). Но пословица мудро предупреждала: "Свои бранятся – бранятся, а чужой – не приставай!" (Б. 3942). Но при всех семейных разногласиях жена в доме была храни-

тельницей семейного очага: "Отдай жену в люди, а сам по миру пойдй" (Р. 429; У. 199), т.е., без жены дом – сирота.

Примером глубокого взаимного уважения супругов может служить письмо, написанное в 1797 г. крестьянином Иваном Худяковым своей жене, жившей в Семипалатинском уезде: "Премноголюбезной и предражайшей моей сожительницы и чести нашей хранительницы, и здравия нашего пресугубой покровительницы, и всеизрядной по фамилии общей нашей угодительнице, и дома нашего всечестнейшей правительнице Анне Васильевне, посылаю вам свой всенижайший поклон и слезное челобитие и с чистосердечным нашим к вам почтением, желаем вам многолетнего здравия и душевного спасения... прошу вас, как можно писать, всепрелюбезная наша сожительница, о своем здравии"³⁷.

Трудно сейчас сказать, насколько распространенным в крестьянской среде того времени был этот самый лад, столь высоко оцениваемый пословицей. Скорее всего это был тот идеал, к которому нужно было стремиться, а реальная жизнь была и разнообразнее, и драматичнее. Не случайно ведь до наших дней дошло так много пословиц, песен и сказок о горькой крестьянской доле, о тяжком положении женщины в семье и быту. Грустно констатировала пословица краткость женского счастья: изнуренная тяжелым трудом крестьянка быстро гасла. "Женское лето – Семен день" (Б. 1249), – гласит пословица, связывая окончание лета с 1 сентября, когда во многих местностях России провожали лето и вели начало осени, что и дало жизнь народной оценке этого дня как дня Семена-Летопроводца. Еще более выразителен другой рифмованный вариант: "Женское лето по Семен день отпето!" (С. I. 912). Ни зимой, ни летом не было отдыха крестьянке: "Женское лето – по Петров день" (БАН. 248; С. II. 984; III. 232), т.е. лето еще более укорачивалось – до 12 июля, а дальше опять начиналась страда. Тяжесть женского труда в поле, безысходная забота по уходу за семьей – все это породило пословицу: "Бабей огород недолголетен" (БАН. 58; ср.: С. I. 187; С. II. 45; Б. 32).

Непосильный труд крестьянки часто приводил к болезням, к "болестям". Немощи и болезни жены воспринимались крестьянином как горькая неизбежность, когда муж был не в состоянии облегчить непосильный труд жены. Болезненность была обычным явлением: "Борода кажет мужа, а женку – ее мужа" (С. I. 278; ср.: С. II. 88). Крестьянину приходилось только сочувствовать жене: "На женские немощи и догатка – лекарство" (Т. 728; ср.: Б. 2883) или "Женские немочи догатка лечит" (Б. 1248; ср.: Т. 377). Отметила пословица и необычность желаний и вкусов у будущей матери, избрав ее состояние как сравнение с причудами привередливого человека: "Прихотлив как брюхатая баба" (Т. 1090). В то же время родовые муки женщин воспринимались в крестьянской среде как нормальное физиологическое явление: "Для тягости родин жениху не отказать стать" (Б. 998; ср.: Т. 194). Интересен вариант XVIII в.: "Жену слушать, что больно родит, так на свете и людям не быть" (III. 268). Хотя, конечно, страдания роженицы глубоко осознавались: "Кто не родит, тот и не скорбит" (Б. 2070; ср.: Т. 594).

Но жизнь крестьянки так полна забот, что и болеть-то ей некогда: "Псовая болезнь — до поля, а женская — до постели" (БАН. 644). Изнурительный физический труд иногда оценивался пословицей в иронической форме: "Вражда бабе с мешком, что не ходит он пешком" (С. I. 469). Видно, частенько, приходилось женщине ворочать тяжести.

Конечно, семья ложилась бременем не только на женщину. Крестьянская пословица отметила тяготы и дополнительные обязанности, которые женитьба налагала и на мужчину. В пословице мы находим и сожаление по утраченной свободе холостяцкой жизни, когда молодец, хотя и "Женат не бывал, а без жены не сыпал" (Б. 1246), и по беззаботному существованию. Неженатый рассуждал просто: "Холостому много ль надобно?" (Б. 4380), в то время как "Человек женатой — как птица в клетке" (П. 128). Выбирая себе подругу жизни, холостой нередко видел: "Много девок, а ни в одной пути нет" (Б. 2711) или "Много жен, а добрых нет" (Б. 2713), потому боялся потерять свою свободу: ведь "Холостой, где ни свернулся, — спит" (Б. 4381). Сравнение с женатым было явно в пользу холостого: "Холост о куме, а женатой о суме печется" (Б. 4379). И то сказать — спросу с холостого мало: "Холостой — как крюк: зацепил — поволок, а сорвалось — не спрашивай!" (Б. 4378; ср.: Т. 431, 1324). Образно рисует пословица положение холостого до и после женитьбы: "Что красен? Женитца хочу. Что побледнел? Женился" (БАН. 937). Как итог перемен, связанных с браком, звучит емкий народный афоризм: "Женится — переменится!" (С. I. 1003). Пословица утверждает: "Мужу краса до уса!" (С. I. 1585). Поэтому и любовь холостого человека в понимании крестьянки подобна льду — она непрочна, на нее нельзя положиться: "Любовь холостого — как вешний лед" (Т. 602; ср.: Б. 2544).

В то же время в пословице так оценивается сложная ситуация, связанная с женитьбой: "Либо удастся холостому жениться" (Т. 640), потому что "Без жены скучно, а с женой трудно" (Б. 54). Нельзя не учитывать, что семейные заботы отнимали практически все время мужчины — после женитьбы он не мог себе позволить тратить время на личные нужды: "Холостой много мыслит, а женатый — более" (БАН. 876; ср.: С. II. 778). Он должен был все уметь делать: "Женатому учиться время ушло" (Б. 2145; ср.: Т. 738). Вот и приходилось парню раздумывать — как быть: "Жениться — беда, не жениться — беда, а третья беда — не дадут за меня" (Б. 1254; ср.: С. I. 919). Естественно, холостой человек понимал в конце концов неизбежность женитьбы: ведь "Две головешки вместе всегда курятся, одна — гаснет!" (Б. 967; ср.: С. I. 725; С. II. 247). Создание семьи гарантировало спокойную жизнь и нормальное питание: "Для щей люди женятся, а для мяса — замуж выходят" (Б. 1000; ср.: БАН. 210; С. I. 672; С. II. 236). Но такой серьезный шаг надо было основательно обдумать: "Жениху много на ум идет" (С. I. 965). Как итоговая характеристика семейного положения мужчины звучит ирония: "Холостой — простой, женат — рогат, а вдовец — что зяблец" (С. I. 2457).

Но если для молодого крестьянина предстоящая женитьба нередко представлялась лишней (но при этом и неизбежной!) обузой, то для молодой крестьянки грядущее замужество казалось избавлением от

многих горестей и невзгод. В крестьянской пословице мы часто встречаем характеристику мужа, его роли в семье, его отношения к жене и проч. Пословицы эти неоднозначны и порой противоречивы. Муж для жены – это ее защита, причем в первую очередь – защита материальная: "Муж – дому строитель, нищете отгонитель" (С. I. 2495). Муж для жены – опора: "Худ муж, а завалюсь на него – не боюсь никого!" (БАН. 856) или такой выразительный вариант: "Хоть худ мужичок, да затулье^{12*} мое: завалюсь за него – не боюсь никого!" (Р. 889). Жить без мужа – быть сиротой: "Без мужа жена всегда сирота" (Б. 61; ср.: Р. 59), а быть замужем – быть госпожой: "За мужем жена – всегда госпожа" (Б. 1357). Пословица утверждает, что "У милостива мужа всегда жена досужа" (Р. 874). Подчеркивается не только равноправие мужчины и женщины ("Мужа чтят за разум, а жену – по уму" – С. I. 1576), но и право женщины на самостоятельность ("Жена досужа добра и без мужа" – С. I. 987).

Замужество для женщины – это прежде всего поддержка в жизни, успокоение: "Не рада баба повою^{13*}, а рада упокою" (С. II. 406; ср.: С. I. 1660; Т. 868; У. 146; Б. 3324; БАН. 574). Всю жизнь следовала жена за своим мужем: "Куда батька, туда и матка" (Б. 2137) или "Куда сам, туда и сама" (Б. 2160). Равным образом и жена была для мужа целью его существования: "Куда жена, туда и муж" (Б. 2144). Жена – верная помощница мужу: "Женою доброю и муж честен" (БАН. 246; ср.: С. II. 283; Ш. 231). Уважение и глубокая любовь к женщине слышны в пословице: "Мило – что жена, а горько – что беда" (С. I. 1542; 509). Только с мужем может найти женщина подлинное счастье: "Лучше с мужем, нежели с чужим" (Б. 2443) или такой вариант: "Чуж муж мил, да не век с ним жить" (С. I. 2580).

В обществе по жене судили о муже ("Какова жена, таков и муж" – Б. 1671), а по мужу – о жене ("Каков батька, такова и матка" – Б. 1699 или "Каков дед, такова и баба" – Б. 1706; "Как сам, так и сама" – Б. 1838; "Как у батьки, так и у матки" – Б. 1866; "Как у деда, так и у бабы" – Б. 1869; "Куда баба, туда и дед" – Б. 2138). От мужа в первую очередь зависит честь жены: "Красна пава перьем, чесна жена мужем" (С. I. 1248). Пословица не связывает замужество с большим приданым: "Большое приданое мужа не зделает" (Т. 52). Конечно, не всякий муж составлял счастье для своей жены, ведь "Злобен муж всем не дюж" (С. I. 1018), но, с другой стороны, у доброго мужа и злая жена становилась доброй: "У добра мужа злая жена на добро есть" (С. II. 242).

В русской паремииологии встречаются изречения, повествующие о мужском эгоизме (здесь и осуждение, и одновременно бесстрастная констатация обычного житейского факта!): "Муж любит жену здоровую, а брат сестру – богатую" (Т. 705; ср.: С. I. 1618; С. II. 6435; Б. 2759; БАН. 422; Р. 236). Фактически в каждом пословичном сборнике мы находим это изречение, что говорит о большой его популярности. Есть и несколько иные варианты этой распространенной пословицы, но с тем же смыслом, например: "Больная жена – мужу, убогая сестра – брату" (С. I. 170); возможно, что в этой пословице говорится и о том, что именно муж и

^{12*} Оборона, защита.

^{13*} Головной убор замужней женщины на Руси, символ замужества.

брат должны были заботиться о своих больных женах и бедных сестрах. Подобное толкование может быть подтверждено и такой пословицей: "Больна жена мужу во всякую нужу" (С. I. 264).

Как могут быть объяснены пословицы подобного рода, распространенные, надо сказать, и в наши дни? Видимо, в них нашло отображение беспокойство мужчины по поводу неприбыльного хозяйства, убогости быта. Отсюда еще большая нужда крестьянской семьи. Это и породило пословицу: "Болезная жена мужу не мила" (Б. 130; ср.: Ш. 46; С. II. 32). Здоровая жена в крестьянской семье – залог беспечальной трудовой жизни, и пословица выражает это посредством сравнения с коровой – самым дорогим и необходимым домашним животным в крестьянской семье: "На што корова, была б жена здорова!" (Р. 335; ср.: С. I. 1722; Б. 3059).

Типичным для отношения крестьянина к своей жене было постоянное подчинение жены воле мужа, его авторитету, причем это рассматривалось как проявление любви к спутнице жизни: "Любить жену – держать в грозе!" (Т. 656) или "Любить жену – держать и грозу" (Б. 2534). "Гроза" – это не только угрозы, страх, это и прямые побои, и пословица не только их оправдывает, но настоятельно рекомендует мужу: "Бей жену, что шубу, а люби – что душу" (БАН. 39; ср.: Ш. 266; Р. 35), – и даже пытается обосновать необходимость "грозы" тем, что "Воля добру жену портит" (Т. 115). Пословица советовала бить жену постоянно: "Бей жену к обеду, а к ужину – опять" (Р. 64), – и категорически заявляла: "Кто жены не бьет, тот и мил не живет" (Р. 198). Повседневность, обычность, рукоприкладства мужчины видна из пословиц: "Бил дед жабу, грозясь на бабу" (С. I. 304) или "Резал дед лозу, давал бабе грозу" (С. I. 1058). Бить рекомендовалось не только жену, но и дочь: "Щоткою – головку, а плеткою – молодку" (С. I. 2693). При этом утверждалось, что "Брак без драк ретким любовен" (С. II. 86). Не помогала и ласковость жены: "Жена – сердцем, а муж с перцем" (С. II. 305; Ш. 252). Нет, стоит на своем пословица, жене спускать нельзя, иначе обеднеешь: "Жене спускать – то в мошне искать" (С. II. 306; Ш. 258).

В пословице мы встречаем спокойную констатацию часто встречавшегося в быту факта: крестьянин свою жену "Любит, да и лупит" (Б. 2441) или "Обошел муж женушку дубинным корешком" (II. 244; ср.: О. 71; С. I. 1857). "Жена да покорится мужу своему" – этот библейский афоризм встречается в той или иной форме во многих пословицах (ср., например: "Принять жене нужу, а не покориться ей мужу" – С. I. 1938). С душевной скорбью говорит крестьянская пословица о тяжком положении женщины в семье: "Женский быт, всегда он бит!" (С. I. 980). Показательно, что в народном сознании оправдывались побои только жены, но ни в коем случае не матери: "Учен жену бьет, а дрочен^{14*} – матушку" (С. I. 2368; ср.: С. II. 573). Пословица даже утверждает исконную зависимость женского тела от плети: "Замок пригож клетью, а задок – плетью!" (С. I. 1074).

^{14*}Т.е. драчун.

Но встречается пословица, утверждающая прямо противоположное – бить жену недостойно мужчины: "Пей пиво, да не лей, люби жену, да не бей!" (Б. 3554; ср.: Т. 989). Видимо, мужнины побои были настолько обычны, что понадобилось специальное увещание распоясавшемуся и уверенному в своей правоте мужу, тем более что мы знаем о пословицах, рекомендовавших побои жены как средство усиления любви жены к мужу: "Бить шуба – будет тепла, а учить жена – будет мила" (С. I. 358).

Уже в XVII–XVIII вв. записаны пословицы, в которых подчеркивалась неполноценность женщины по сравнению с мужчиной: "Волосы долги да ум короток" (Б. 452; ср.: Р. 103; Т. 114; БАН. 135; П. 125; С. I. 415; 2371). Пословица рекомендовала безразличие в отношении к женщине: "Женские прихоти не исполнить" (Б. 1247; ср.: Т. 376). В пословице утверждалось даже, что "Женское збойство и на свинье не объехать" (БАН. 249; ср.: С. I. 915; Ш. 235; С. II. 287). Упорная, с характером, жена вызывала у мужа горечь и осуждение: "Жена упорна – ни мякиш, ни корка" (С. I. 879), а повседневная жизнь с такой женой иссушала душу: "Жолна^{15*} долбит древо, а жена сушит чрево" (С. I. 984). В крестьянском сознании четко были распределены роли мужчины и женщины в семье: "На што бабе меч, ково ей сечь?" (Т. 762; ср.: Б. 26; 3055; С. I. 1671; С. II. 411). Отмечает пословица и разное восприятие житейских ситуаций мужчиной и женщиной ("В чем стыд деду, в том бабе смех" – Б. 671), она утверждает бессмысленность женского гнева: "Баба гневалась на торг, а торг того и не ведает" (Б. 16; ср.: С. I. 196; С. II. 51), тем более что брань ее чаще всего бывала заочной: "За очи баба и князя бранит" (Б. 23; ср.: С. I. 104) или "За очи и князя баба потяжет" (Т. 415); и женскую похвальбу: "Ходила баба море зажигать: моря не зажгла, а слоту^{16*} явила" (С. I. 2451).

Скептически оценивалось стремление женщин построить жизнь по своему образцу: "Бабий то промысел, в чем неправый помысл" (Б. 31; ср.: С. I. 172; С. II. 37). На поведении женщины основывалось отношение к ней: "Какова баба – такова ей и слава" (Б. 1658; ср.: Т. 404) или "Женские умы – что татарские сумы" (С. I. 966). Женские слезы осуждались: "У баб да лукавых слезы готовы" (Т. 1292; ср.: Б. 28). Спокойно говорится в пословице и о девичьих слезах: "Девка плачот, а белка скачот" (С. I. 678; ср.: С. II. 237).

Мы видим, что оценки мужа и жены в их взаимоотношениях в пословицах крайне противоречивы. Мы встретим и высокую оценку мужа женою, и жены мужем, но одновременно и насмешки над мужем или женой, над их ролью в семье. Видимо, это отображало реальные противоречия в семейной жизни крестьянина, реальные житейские ситуации, которые, конечно, нельзя расценивать однозначно – слишком сложными и разнообразными они были. Это хорошо иллюстрирует один частный пример из жизни крестьянина – его отношение к красивой жене.

Красивая жена – радость и гордость мужа, но одновременно и предмет больших забот и подозрений, неиссякаемый источник ревности – неда-

^{15*} Жолна – черный дятел.

^{16*} Слякоть, мокрогопудье. В переносном значении – пустословие, вранье, хвастовство.

ром пословица говорит: "Кто имеет жену красивую и лошадь хорошую – всегда не без мысли бывает" (П. 335)³⁸. Поэтому пословица не только не считает желанной и завидной красоту жены, но и оценивает ее как лишнюю заботу и дополнительные хлопоты для мужа: "Хорошая жена – лишняя сухота" (Т. 1325) или "Жена молода – лишняя сухота" (Б. 1243). Встречаются еще более категоричные суждения, например "Жена красовита – безумному радость" (БАН. 260; Ш. 263), а злонравная жена оценивается еще резче: "Жена злонравна – мужу погибель" (БАН. 261; Ш. 264). Пословица предупреждает неопытного мужа: "Не смейся чужой жене – своя молода!" (Б. 3336). Ревность – обычное в этом случае явление, единственное средство против нее – быть бдительным: "Ревновать – не надобно много спать" (Б. 3854). Размышления над непонятной властью женского сердца над мужчиной вызвали к жизни пословицу: "Женское сердце – что жар в железе" (С. I. 924)³⁹. Постоянные подозрения в возможной неверности жены породили крестьянскую пословицу, вновь использующую образ коня: "Не верь жене в дому, а коню – в дороге" (Р. 433).

Реалистичность и правдивость крестьянских пословиц в изображении семейной жизни хорошо характеризуют те изречения, которые оценивают не внешние проявления семейных коллизий (так как они бесчисленны и многообразны!), а дают итоговое осмысление роли женщины в семье. Так, пословица тонко подметила ту особенность брака, что, несмотря на власть мужа, его побои, его видимое первенство в семейном быту – несмотря на все это, все-таки настоящей главой семьи являлась женщина! Именно она умела исподволь направить семейную лодку в нужное ей русло. Она была достаточно умна, чтобы не помыкать своим мужем, она оказывала ему все внешние знаки почтения, но она умела заставить мужа делать по-своему. Не помогали при этом и побои: "Жену хошь лозою, а она над тобою с грозою" (С. II. 304; Ш. 251) или "Муж жену – лозою, а она ему грозою" (С. I. 1628). Отсюда пословицы: "Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет" (Б. 1241; ср.: Т. 374; БАН. 234; С. I. 1008; С. II. 1201) или "Бранит жена мужа, а бить ево не нужа" (С. I. 300). Сила женщины была в ее ласках, во всех семейных коллизиях побеждала та, которая умело пользовалась этой силой: "Нощная кукушка денную перекукует" (Б. 3441; ср.: Т. 934; С. I. 1792; У. 170; БАН. 537). Поэтому нельзя считать случайными пословицы, в которых мы находим такое категоричное утверждение: "Жена – мужу пастырь!" (С. II. 289; ср.: С. I. 864; вариант XVIII в.: "Жена мужу – паства" – Ш. 237). Правда, есть пословицы, в которых говорится, что жена – помощница и заступница мужа, но руководящая роль все же принадлежит не ей: "Жена мужу – пластырь, а он ей – пастырь" (С. I. 864). Встречаются пословицы, в которых власть жены над мужем сравнивается с божественной силой: "Бог волен да жена, коли волю взяла" (С. I. 367, 427), но в мужском сознании женские нравоучения чаще связывались с бесовской силой: "Бес учит, что жена ворчит" (С. I. 308). Видимо, древние отголоски матриархата звучат в присловье: "Доселева бывало – жена мужа бивала, а ныне ведется – и она мужа блюдетса" (С. II. 1194).

Достаточно выразительна серия пословиц, дающих общую оценку роли женщины в жизни мужчины. Самое горькое для крестьянина – это смерть жены: "Не бывала на того беда, у кого не умерла жена!" (Т. 64, 776; ср.: Б. 266, 3098; Р. 418), "Велика мужу садель^{17*} – жена умерла" (С. I. 468). Равным образом и смерть мужа была для жены источником неизбывного горя: "Горькие проводы, когда жена мужа хоронит" (БАН, 154; ср.: Б. 1982; Р. 209). Вдовство для женщины было тягчайшим испытанием в жизни, такой удар судьбы, от которого ей трудно было оправиться. С болью говорит пословица о вдовстве, сравнивая его с самым тяжелым ударом по благосостоянию крестьянина – с пожаром: "Лутче семью^{18*} горети, а ни одна б вдови!" (С. II. 318; ср.: С. I. 1398; БАН. 406; Р. 256). Пословица сопоставляет жизнь вдовы с таким тяжким, в крестьянском представлении, делом, как плавание по морю: "Водою пловучи – что со вдовою живучи" (С. I. 397). Пословица утверждает: "Вдови – горе терпети" (С. I. 422; ср.: С. II. 121). Бедственное положение вдовьего дома характеризуется так: "На вдовой двор хотя щепку перебрось, и то ей прибыль" (БАН. 505; ср.: Р. 396; Т. 720; Б. 2838). У вдовы безнадежное положение: "Без запросу вдова товар!" (С. II. 1145). Сравните пословицы: "Жена при муже не вспомнит об нуже" (С. I. 1002); в то время как без мужа: "Ж[е]вать бабе охлопки без прихлебки" (С. I. 884). Не случайно долгий трудовой день вдовы так обрисован: "Рано вставая поп поет, а позд[н]о ложася, вдова плачиот" (О. 264; ср.: С. I. 2047; Б. 702; С. II. 806). Жизнь вдовы сравнивается с теми сельскохозяйственными культурами, которые чаще других вызывали желание полакомиться: "Обидно в поле горох да репа, завидно в мире вдова да девка" (С. I. 1841; ср.: Р. 565). О горькой вдовьей доле говорит пословица: "Шей вдова, широки рукава, было бы куда класть небылныя слова!" (БАН. 962). На примере пословиц о вдове мы видим, что пословица как жанр народного поэтического творчества в оценке женщины стоит гораздо ближе к другим жанрам фольклора – к сказке, песне, чем к древнерусским литературным произведениям.

Итак, невеста, жена, вдова – вот главные персонажи крестьянских пословиц, посвященных женщине. Количественно они преобладают в сборниках пословиц XVII–XVIII вв., но, конечно, не исчерпывают их. Довольно подробно говорит пословица о женщине-матери. Мать, ее образ – одна из самых волнующих страниц устного народного творчества. Пословицы на эту тему разнообразны и разноплановы. "Другой матери не будет" (Б. 1087; ср.: Т. 336) – утверждает пословица, подчеркивая единственность матери для каждого человека. Пословица категорична в оценке матери: "Нет такова друшка, как матушка!" (Б. 3450; ср.: О. 13; С. I. 1805; БАН. 568) или "Около матки хорошо дитятке" (Б. 3513). Для матери больны все скорби ее детей: "Короста на детках и матке свербит" (С. I. 1325); самое главное, что дети при матери всегда ухожены: "При матке все дети гладки" (Б. 3771), в то время как "У многих пестунов

^{17*}Рана, ссадина.

^{18*}Т.е. семья раз.

всегда дитя без глаза” (Б. 4303; ср.: Т. 1304). Распространен и другой, популярный в наши дни вариант: ”У семи нянек дитя без глаза” (Б. 4329; ср.: Т. 1314; БАН. 820; С. I. 2300). Житейская мудрость и давний опыт слышатся в пословице: ”Без матери младенца не утетишь” (С. I. 221). Истинная материнская любовь всегда бескорытна: ”Которая матка свои детки ссет^{19*}?” (С. I. 1334), – вопрошает пословица. Мать сравнивается с землей-кормилицей: ”Мать кормит детей, как земля – людей” (С. II. 383), с единственной одеждой бедняка: ”Рогошка рядная што матушка родная” (С. I. 2098).

Мать – единственный в семье человек, на которого не всегда распространяется власть отца – хозяина крестьянского рода: ”И батька в матке иногда не волен” (Б. 1472). Любовь сына к матери и отцу должна быть выше всех других обязанностей: ”Раб служит страха ради, а наемник – мзды ради, а сын – любви ради” (Б. 3837). Конечно, бывало и такое, когда ”Мать кормит сына – сохнет, а он по ней и не охнет” (БАН. 450). Мать все могла вытерпеть от сына – не то, что жена от мужа, поэтому пословица предупреждала: ”Не шути женой, шути матерью” (С. II. 1024).

Именно мать была мериллом поведения в быту и труде, по матери судили о дочерях: ”Какова мать, таковы и дочери” (Б. 1661) или ”По матке и детки” (Б. 3673). ”Хороша дочь, как мать хвалит” (С. II. 919), – говорит пословица, намекая на то, что мать лучше всех знает достоинства и недостатки дочери. Взаимоотношения матери и дочери освещены по-разному. В то время как мать заботится о ней, дочь, однако, думает только о своем: ”Матка по дочке плачет, а дочка о Диомке скачет” (Б. 2650; ср.: Т. 675; БАН. 423). Есть и такой вариант: ”Матка по дочке плачет, а дочка по достьке скачет” (Р. 292). Встречаются и другие пословицы того же плана: ”Бабка с мотовилы^{20*}, а внука – з белилы” (С. I. 280) или ”Болит дед о бабке, а бабка – о вну[ч]ке, а вну[ч]ка – о сучке” (С. I. 293).

Надо ли говорить о том, что пословица резко противопоставляет мать мачехе: ”Лучше мать, нежели мачеха” (Б. 2356), а худую, беззаботную мать просто называет мачехой: ”Не мать ето – мачиха!” (Б. 3223). Мы знаем, что образ мачехи в народном творчестве вообще трактуется однопланово – только как антитеза матери родной: ”Ласков, что мачиха до пасынка” (Б. 2210; ср.: Т. 616). ”Что мачиха пасынка чешет” (БАН. 926) – так оценивала пословица отношение к человеку, используя облик злобной и сварливой мачехи. Образно раскрывается в пословице лицемерность заботы мачехи о пасынке: ”Мачиха до пасынка удобрилась – велела на заговень^{21*} все щи выхлебать!” (Б. 2662). Выразительно обрисовано положение пасынка: ”Мачеха пасынку надвое волю дала: наг ходи либо без рубахи” (С. II. 396), или вот такая пословица: ”Горе мачехино: пасынок сметаны не ест” (Т. 221). Есть еще один вариант: ”Горе мачехино, что пасынок сметаны не ест, а временем и сыворотке рад!” (БАН. 155). Словом, ”Кто имеет мачиху, тот печаль имеет” (II. 337). Видимо, лишь те,

^{19*}Т.е. сосет.

^{20*}Мотовило – приспособление для размотки пряжи в мотки.

^{21*}Последний день мясоеда, канун поста.

кому на роду было написано быть счастливым, вырастали таковыми под надзором мачехи: "Таланное^{22*} дитя – мачехино" (Б. 4189; ср.: Т. 1286).

Детям в крестьянской пословице уделено значительное место. Они рассматривались как продолжатели рода хлебопашцев. Часто в пословице говорится о том, что полноценная семья – та, в которой не меньше трех сыновей-наследников: "Адин сын – не один, два сына – полсына, три сына – сын" (П. 250; ср.: Б. 3483; 3484; Т. 949; 950; БАН. 599). Дети для крестьянина – залог семейного счастья: "Будут дети – будет и все!" (Б. 245); "У ково дети, у тово яготки" (БАН. 825). Крепкая семья – это семья многодетная, когда "Два сына да сам в силе" (С. I. 654), "Двоя да троя, да малых четверо" (Б. 966). Показательна в этом плане пословица-скороговорка: "Четыре брата, да батько пятой, да я четвертой" (С. I. 2615). Особенно томительным было для крестьянина ожидание детей: "Ждучи деток – не поскучит от бедок" (С. I. 886). Пока нет детей молодые пируют, а после их рождения не повеселишься: "Жены для – в пир, а детей для – в мир" (С. I. 973).

Встречается в пословице и горькое сожаление, когда "Много сыновей, а ни в одном пути нет" (Б. 2730). Крестьянин больше ценил первых детей: "Первые детки – соколятки, а последние – воронятки" (Р. 635). Подчеркивалось, что ценны именно родные дети: "Лучше сын, нежели пасынок" (Б. 2469). Пословица прямо поучает: "Не плачь, мати, по чужем дитяти" (Б. 3279; ср.: Т. 849; БАН. 527; С. I. 1774; Р. 507). Свой ребенок всегда был дорог родителям: "Хотя дитя криво – отцу-матери мило" (С. II. 785). Забота о детях – исконная обязанность отца: "Любишь жену – люби и детей кормить" (Б. 2526). Крестьянин осознавал, что детей родить несложно, гораздо труднее их выкормить: "Мало родить – да велико вскормить" (Б. 2616) или "Кому дитя родить, дай боже, чтоб тому и кормить" (Т. 564; ср.: БАН. 360; Р. 210). Конечно, вскормить, выводить ребенка было нелегко: "Одно взять: либо дети водить, либо деньги копить" (С. I. 1869) или "Детки родить – не ветка ломить" (С. II. 1088). Пословица осуждала тех, кто "Много родил, да мало вскормил" (Б. 2724). Забота о прокормлении детей – главное в семье, ведь "Что мамки едят, того и детки хотят" (Б. 4542).

Интересны крестьянские письма, затрагивающие проблему воспитания детей. В уже цитированном письме Ивана Худякова говорится: "Прошу вас, вселюбезныя мои детушки и невестушки, почитайте свою родительницу и во всем к ней повиновение и послушание, и без благословения ея ничево не начинайте... а живите с соседями добропорядочно, и чево себе неуютно, тово и людям не творите". Показательно также письмо 1723 г. крестьянина Якова Мещерякова его дочери Аксинье в Киргинскую слободу: "Пожалуй, живи в доме нашем, как добрые люди живут, безо всякого ослушания и отговорки... нашей матушки, тако же и других и протчих наших, они тебя на худо не поучат, надо бы жить Богу не на гнев, а добрым людям не на смех"⁴⁰.

Пословица отводит решающую роль в воспитании сына отцу, а не

^{22*}Талан – счастье, удача.

матери: "Материн сын – отцов пасынок" (Б. 2658); в воспитании есть свои правила: "Учи жену да детей без людей" (С. I. 2363). Уважение отца – первейший долг сына: "Мать – перенять, а отца – не замать!" (Б. 2661). Рождение детей несло с собой такие заботы, которых не знала бездетная семья, и, видимо, в тяжкую минуту говорили родители: "Нет детей – печаль, а есть – вдвое" (Б. 3542).

Конечно, и в крестьянской семье дети бывали разные. Пословица осуждала тех детей, которые не ценили родительской заботы и, вырастая, забывали о родителях: "Отцово сердце – в сыне, а сыновне – в камне" (С. II. 1028; ср.: С. I. 1774). Бывало, что "Детки поспели – отца без веку доспели" (БАН. 194; ср.: С. I. 746; Т. 284); бывали и дети, не почитавшие отца: "Дети отца бьют – запас пасут" (БАН. 192). Бывало, что из-за детей возникали межсемейные ссоры: "Детки за игрушку, а матки в ссору" (БАН. 180).

Женщина в семье была не только женой, матерью, мачехой, но и свекровью, тещей, снохой, невесткой. Сохранилось немало крестьянских пословиц, например, о свекрови и теще. Свекровь в пословице выступает главным образом как суровая хранительница семейных обычаев, досаждающая молодой снохе своими нравоучениями: "Журлива, что свекровь" (Б. 1289; ср.: Т. 389; БАН. 233); а ведь известно, что "Журьба пуще побой" (Б. 1288). Предпочтение пословица отдает свекру: "Лучше свекор, нежели свекровь" (Б. 2445). Выразительна пословица, раскрывающая лицемерную заботу свекрови о снохе: "Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни, потолки..." (БАН. 713). Крестьянская пословица защищала положение снохи в семье: "Чтят сноху не для смеху" (С. I. 2600).

Так же однозначно характеризуется в пословице теща; с позиции зятя она – источник дополнительных благ, до которых, однако, нелегко добраться: "Не жалея тещина добра – колупай масло шилом!" (Б. 3198; ср.: Т. 811; С. I. 1745; С. II. 416). Более подробен вариант XVIII в.: "Не жалея тещина добра – колупай шилом масло, а пресное молоко спичкой хлебай!" (БАН. 497). Но бывали случаи, когда зять говаривал: "Был у тещи, да рад, утекши" (БАН. 44; ср.: III. 53; С. II. 42). О несовместимости интересов зятя и тещи говорится так: "Зять с тещею говорили день до вечера, а в люди сказать нечево" (С. II. 1204). Теща, естественно, жила зажиточнее зятя, только начинавшего хозяйствовать, что и отразилось в пословице: "Сыта теща не кушает гущи" (Р. 723).

Положение невестки в семье было трудным: она жила фактически бесправной при свекрови, с ее мнением не считались, все имели право ее поучать: "Кошку бьют, а невестке наветки^{23*} дают" (С. I. 1381). Отношения же между деверем и невесткой были, как правило, дружескими: "Деверь невестке обычной друг" (Б. 968; ср.: Т. 270; БАН. 175), хотя пословица и подшучивала над ними: "Села невестка прясть – берегите, деверья, глаз!" (Б. 4175).

Характеристика женщины в крестьянской семье будет неполной, если

^{23*}Т.е. нравоучения.

не остановиться на образе бабушки. Пословица отметила ее недолгий век. Ей зачастую приходилось нести на себе основную заботу по обиходу внуков: "Где баба ни бери, а внука корми!" (Б. 22; ср.: Т. 175). Именно бабушка убиралась по дому, ухаживала за птицей и скотиной и т.д. И вот такой короткий срок отводился ей в пословице: "Как пять лет – так и бабий век!" (Б. 3). Много было забот у бабушки, и всем была нужна ее помощь: "Бабка походит – всему тому пособит" (БАН. 33). К старости женщина становилась неповоротливой ("Доколе у бабы кныши^{24*} поспеют, дотоле у бабы и души не станет" – Б. 24; ср.: Т. 313; Б. 1042), медлительной ("Бабии повороты неспешны" – Б. 29), она не говорила, а шамкала ("Шамкает, что баба, а хамает, что жаба" – С. I. 2659), но без бабушек крестьянин не мыслил полноценной семьи: "Кто бабе не внук?" (Б. 25; ср.: Т. 586; Т. 2008; БАН. 369; 854; С. I, 1358; 2421). Частые ошибки и просчеты пожилой женщины породили пословицу: "Бывает и на старуху проруха" (Б. 259; ср.: Т. 754, 65) или "И на старуху да не одна проруха" (Б. 3030), но в пословице признается, что "Бывает и на деда грех!" (Б. 260).

Наконец, следует остановиться на образах кумы и кума, которые, хотя и не входили в число членов семьи (они были крестными матерью и отцом ребенка), тем не менее занимали видное место в семейно-родственных связях. В случае смерти родителей ребенка именно они брали на себя заботы по его воспитанию, помогали ему в течение всей его жизни. Куму и кума обычно чтили и уважали ("Кум – большой ум!" – Б. 2177, или такой вариант: "Стоит кум, збирай свой ум" – С. I. 2178). "Теми умами значься и с кумами" (С. II. 693), – утверждала пословица. То же говорили и о куме: "Кума не без ума" (Б. 2175). Куму часто приглашали в гости: "Изволила кума и приехала сама" (С. I. 1192). Обычно ее звали на посиделки: "Кумушка, попряди, а потом домой побреди" (Б. 2174), причем при расставании давали с собой гостинец: "Кума, есть у ней и сума" (Б. 2176), тем более что бывало и так: "Кума к куме тащит в суме" (Ш. 378). Кум обычно сам приходил с подарком: "Кум-куманек, съешь пирожок, а буде есть – принеси нам, да возблагодарим вам!" (Б. 2178). Нередко кум дарил деньгами, а кума – рукодельем: "От кума – алтын, от кумы – полотно" (С. I. 2514; ср.: С. II. 493) (ср. также: "Велико, кума, деешь: в гости идешь, яйцо несешь – ты бы запросто шла, блюдо пирогов несла!" (С. II. 1152). Бывало, расходы на любящую подарки куму приводили к серьезным прорехам в скудном семейном бюджете: "Водиться с кумою – волочиться с сумою" (С. I. 457) или "Многие кумы доводят до сумы" (С. I. 1526; ср.: С. II. 375). Разрешить себе щедрость в отношении кумы могли только богатые люди: "Богатой с кумою, а убогой – с кумою^{25*}" (С. II. 92). Поэтому встречаются такие пословицы, где недвусмысленно говорится: "Кумушка, кума, окрести мое дитя, да и не знай моего двора" (У. 49). На обязанности куманьев лежали проводы кумы из гостей: "Кума шла пеша – кумоньям лехче" (С. I. 1246; ср.: У. 48).

Случалось, что кума бывала и бранчлива и досадлива – про такую в пословице говорилось: "С бранливою кумою не напрощаешься" (Б. 3934;

^{24*}Кныш – печеная белая булка.

^{25*}Т.е. с куском хлеба.

ср.: Т. 436; Т. 1178; У. 232; БАН. 268), "Коли кума не мила, постылы и гостинцы" (Т. 558; ср.: БАН. 345; С. I. 1262; С. II. 160; У. 47).

Любовная связь с кумой порицалась крестьянской моралью. Поэтому пословица предупреждала: "Знаться с кумою – расстаться с женою" (БАН. 300). Но случаи "прельщения" кумою встречались все-таки нередко в крестьянском быту, особенно если сама кума способствовала этому: "Прельщается Фома, как убелится кума!" (С. I. 1937). Кума думала о своей выгоде: "Хол[о]ст – о куме, а кума – о суме" (С. II. 761). В то же время дружеское общение с кумом и кумой – кумовство – всемерно поощрялось: "О куме не жить, а без кума не быть" (БАН. 616; ср.: С. I. 1820; С. II. 490; Р. 556; У. 188; III. 598).

Не нужно думать, что характеристика семейно-родственных отношений в крестьянской пословице сводилась преимущественно к изображению женщины в различных ипостасях ее семейного положения. Нет, было довольно много пословиц, посвященных мужчине в семье и в первую очередь – отцу, который занимал совершенно особое место в крестьянском сознании. Он – глава крестьянского рода, хозяин и главный кормилец. "За лихова батьку хотя две матки отдать – все ни во что" (БАН. 279) – вот как ставит пословица отца. Принадлежность к отцовскому роду особо подчеркивается пословицей: "Отцу имя запомнил, а матке – забыл!" (С. I. 2524). Мать не могла заменить отца: "Батюшка не стало – и матушка нехстате" (С. II. 1036) или другая пословица: "Кали умер бачка – нехстате і мачка" (Р. 1813; 382).

Отцом дети дорожат всю жизнь, даже когда сами станут взрослыми, когда постаревший отец уже начинает сковывать инициативу взрослых сыновей, мешает им жить самостоятельно. Отсюда выразительная пословица: "Есть отец – так убил бы его, а нет отца – купил бы" (Б. 1181; ср.: С. I. 853; Т. 357; БАН. 213). Правда, нередко были случаи, когда выросший сын тяготился авторитетом отца: "На что отец, коли сам молодец?" (Б. 3061; ср.: БАН. 489; Р. 520) или "Батька, матку земля взяла, а нам, деткам, своя воля" (С. I. 364). Поэтому крестьянская пословица отметила начавшее уже в конце XVII – в XVIII вв. становиться типичным явление, когда сыновья уходили в город после разрыва с отцом: "Отца – в бороду, а сам – к городу" (С. I. 2525). Но в пословице говорится и о другом: именно отец берет на себя самое трудное в жизни, самое рискованное дело, оберегая сына ("Не суйся прежде отца в петлю!" – Б. 3360; ср.: Р. 352). В равном положении оказываются отец и сын, например, в дороге: "В дороге и отец сыну товарищ" (БАН. 122; ср.: С. II. 118).

Высокие моральные качества отца, его особое положение в семье не означали, конечно, что дети могут жить отцовскими заслугами, взрослые дети ценились за их собственные добродетели: "Не хвались отцом – хвались молодцом" (Б. 3395; ср.: Т. 912) или "Не хвались родителями – хвались добродетельми" (Б. 3396; ср.: Т. 913).

Закономерное в судьбе детей – это похороны родителей, и пословица без ложной патетики говорит об этом: "Жаль отца, да вести на погост" (Т. 372; ср.: БАН. 240; С. II. 278; С. I. 914). Значение родителей в крестьян-

ской семье формулируется так: "На свете все найдешь, кроме отца и матери" (Р. 424).

Сложным было семейное положение зятя; если он жил у тестя, он не был хозяином в доме: "Не свой дом – не своя и воля" (Б. 3326). Он, естественно, стремился к самостоятельной жизни и должен был оказывать знаки внимания своим тестю и теще, от которых зависел. Его положение пословица выразила в такой образной форме: "Зять хочет все взять, а тесть любит честь" (Б. 1471; ср.: С. II. 714; Б. 4210; Т. 455; Т. 1280; БАН. 804; С. I. 1125; 2264). Хотя зять и был мужем дочери, но все же не был кровным родственником, он был пришлым в крестьянском роду: "Не для милова дитяти – для зятя-собаки" (Б. 3184) или другой вариант: "Не ради зятя-собаки, ради милова дитяти" (Б. 3317; ср.: Р. 384). Если зять жил отдельно и приходил в дом родителей жены, его старались принять получше: "Наливай на гущу: зять будет!" (Б. 2924; ср.: С. I. 1802). К приходу зятя готовились специально: "Теща вещь – знает, что зять будет!" (Б. 4211), поэтому говорили о зяте так: "Хорош да пригош тещин зять!" (Б. 4419).

При семейных конфликтах с зятем приходилось считаться с тем, что он – из чужого рода, из чужой семьи, и его не останавливали кровнородственные связи: "С сыном бранись – за печь гребись, а с зятем бранись – вон торопись!" (БАН. 728) или другой вариант: "З зятем бранись – да за скобу держись!" (Р. 769; ср.: С. I. 1145; С. II. 1206).

Братская дружба высоко ценится пословицей и противопоставляется положению свояков в семье, думающих только о том, как бы сладко поесть: "Два брата – на медведя, а два свояка – на кисель" (Б. 942; ср.: Т. 259; БАН. 171; С. I. 653; С. I. 231). Свояки в семье были чем-то пришлым – отсюда их сравнение с собаками: "Два свояка, а оба – собаки" (Б. 944) или такой вариант: "Два свояка, а меж ими – пестрая собака" (С. I. 792). Конечно, отношения братьев не всегда были идеальными, бывало, что они ссорились: "И брат с братом ссорится" (Б. 1477). Случалось, что брат не потворствовал брату ("И брат брату не потакает" – Б. 1479), даже доносил на него ("И брат на брата доносит" – Б. 1478). Но сама форма этих пословиц говорит о том, что перед нами – исключения. Следовательно, в обычае было дружно жить брату с братом, не угнетать старшему младшего ("И брат брату – не холоп" – Б. 1476), именно потакать друг другу. Причина разногласий между братьями нередко бывала материальной: "Прибыток и меж братьями нож влагает" (Б. 3759; ср.: Т. 1084) или такая, полная скрытой зависти, пословица: "Ворох злата не у нас – у брата" (С. I. 451).

Братские отношения отнюдь не предполагали полного единомыслия: "Брат у меня мой, а ум у него свой" (Т. 59; ср.: БАН, 41; С. I. 200). Особенно кризисные ситуации возникали, когда один из братьев чем-либо выделялся среди других, например умом: "Сын отца умняе – радость, а брат брата умняе – зависть" (БАН. 721). Пословица отобразила и отношение к сводному брату в семье: "Брат родной, да матки не одной!" (С. I. 335), нельзя не видеть здесь отголосков древнего матриархального рода, когда только принадлежность к одному материнскому роду призна-

валась в народе подлинно кровным родством. Давние, пришедшие из родового быта нормы, отобразила и такая пословица: "Брат брату головою в уплату" (БАН. 42; ср.: С. I. 168; С. II. 29; III. 43).

В заключение следует остановиться на пословицах, посвященных теме семейно-бытовых отношений, которые проникли в устное бытование из древнерусской книжности. Общеизвестны и борьба церкви со светской идеологией, и осуждение женщин как "сосуда греховного", как орудия дьявола в соблазне человека и особенно монаха. С самого начала своего существования на Руси христианская религия обрушилась на женщину в ряде посланий, поучений, бесед – таких, как "Слово о злых женах", "Беседа отца с сыном о женской злобе" и т.д. В течение многих веков церковь прививала народному сознанию представление о женщине как о низшем существе, заслуживающем только презрения и осуждения. Понятно, что все это не могло не отразиться – и действительно отразилось! – в пословице. Мы встречаем в сборниках пословиц и прямые реминисценции из древнерусских церковных слов и поучений, например: "Злых всех злее злая жена" (С. I. 939), "Лев дивен смирением, а жена – покорением" (С. I. 1463) и др. Со злой женой нелегко справиться, утверждает пословица: "Злу жену имея – учить ее умея" (С. I. 1022). Пословица использует популярный в средние века образ из сюжета "Стрижено-брито" о злонравной жене: "Злоречивой хошь язык отрезать – и она перстом наживает" (С. I. 1023). Злая жена сравнивается со свиньей ("Знай жену злонравну, что свинью приправну" – С. I. 1084), со змеей ("Из дому – жена, а из лесу – змея" – С. I. 1195), "Жена – пазушная^{26*} змея" – С. II. 1147), с червем, грызущим дерево ("Ест червь древо, а зла жена – чрево" – С. I. 2733), с жабой ("Живочи за бабою – квокать жабою" – С. I. 869), с собакой ("Лутче раздразить собаку, нежели бабу" – Р. 238).

Довольно часто в пословице встречается осуждение женских разговоров, пересудов, сплетен, "басен" и т.д. В самых разных вариантах говорится об этом: "Баба ворожила – да головой наложила" (Б. 10) или "Баба бредит – чорт ей верит" (Б. 17; ср.: Т. 4; С. I. 195; С. II. 50). Само утверждение связи женских разговоров с нечистой силой достаточно отчетливо говорит о том, что к созданию и распространению таких пословиц приложила руку церковь, хотя, надо сказать, встречаются и чисто мирские варианты, например: "Баба бредит – а глупой ей верит" (Б. 17). "Баба болтает – чорт ее толкает" (Б. 20; ср.: БАН, 51), – утверждали церковники, и потому понятным становится появление таких пословиц: "Бабиим басням нечево верить" (Б. 30; ср.: Б. 46), "Беси то ведят, что бабы бредят" (С. I. 188). Женские разговоры и побасенки пригоже слушать лишь недалеким людям, утверждала пословица: "Басни бабьи, а дурак то любит" (БАН. 46). Жизнь с ворчливой женой рисовалась в самых мрачных красках: "Взяв жену брюзгливу, утирай, что возгряву^{27*}" (С. I. 400; 2271), а женский язык наделялся даже бесовской силой: "Вольна баба в языке,

^{26*}Т.е. находящаяся за пазухой.

^{27*}Т.е. сопливаю.

что чорт в своей музыке” (С. I. 401). Часты сравнения женских разговоров с кваканьем лягушек: ”Жаба да баба квочут да клохчут” (С. I. 962). В целом эта тема так подытоживается: ”Жена говорлива мужу не мила” (С. I. 971).

Нередко пословица порицает ссоры женщин между собой: ”Баба бабу понукает, а во обеих проку нет” (Б. 14). Часты пословицы, где от поведения бабы страдает дед: ”Баба блудилась, а деду грехи” (Б. 12; ср.: Т. 3; БАН. 30) или ”Баба пляшет, а дед плачет” (Б. 21). Правда, встречаются варианты, без такого противопоставления и последствий: ”Баба с кашею, а дед с лошкой” (Б. 15; ср.: С. I. 194) или ”Баба с пирогом, а дед с сошником” (Б. 18); здесь явны следы крестьянского ее происхождения; пирог и сошник – типичные атрибуты крестьянского быта.

Осуждая женские разговоры, пословица старалась подчеркнуть их малую результативность: ”Баба скачет задом-передом – все то изойдет своим чередом!” (С. I. 186; ср.: Ш. 52; С. II. 40). В то же время излишняя болтливость женщин внушала опасение: ”Жене тайны не сказывай” (Б. 1244); женское слово сравнивалось с клеем: ”Женское слово – что клей рыбей” (Б. 1250; ср.: С. I. 923; Ш. 239; БАН, 253); острота языка – со стрелой: ”Женское слово – как стрела!” (Б. 1251). Женская разговорчивость в представлении мужчин не знала передышек: ”Женскому хвосту не бывает посту” (Б. 1252).

Сурово осуждается пословицей беззаботность склонной к веселью и нарядам жены: ”Муж в тюрьме, а жена в сурьме^{28*}” (Т. 704; Ш. 267) или ”Худ муж в могилу, а добра жена – по дворам” (Т. 1341; ср.: С. I. 2398; С. II. 762; Ш. 828; Б. 4462; БАН. 856; Р. 888), или ”Муж в долгу, а жена – в шелку” (Б. 2756). ”На мужа – беда, а жена веселится” (Б. 2948), изречение перефразируется и так: ”Дед погибает, а бабе – смех” (С. II. 234). Порой противопоставление приобретает более острые формы: ”Муж печется, как бы хлеба добыти, а жена мыслит, как бы мужа избыти” (С. II. 368; ср.: С. I. 1572; Р. 301, 302; БАН. 448). Иногда ”злая” жена противопоставляется ”доброй”: ”Добрая жена рада за мужа умереть, а злая рада избыть” (Б. 1008). В пословице отразилась и обратная ситуация, в которой все симпатии на стороне женщины: ”Иван в дуду играет, а Марья з голоду умирает” (БАН. 324).

Еще большего осуждения заслуживала неверная жена, осквернительница супружеского ложа: ”Не сказывай жене, у ково нос велик” (Б. 3328; ср.: Т. 878). Используя библейские образы, пословица подчеркивала соблазнительность женщины: ”Мед каплет от уст жены-блудницы” (С. I. 1516; ср.: С. II. 350). Но неизменным идеалом крестьянина был честный брак и верная жена: ”Брак честен – и ложе нескверно” (С. I. 208). Безусловно, из церковной литературы попало в сборник пословиц изречение: ”Едино есть неизбытно зло в человецех – женское хотение” (С. II. 267).

Весь изложенный материал показывает, что пользоваться пословицами как единственным источником характеристики крестьянского сознания можно только после тщательного источниковедческого анализа.

^{28*} Сурьма – черная краска, которой женщины красили брови.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга, которую вы только что прочли, — это не завершение, а начало разработки большой, важной и мало еще изученной проблемы. Духовный мир крестьянина издавна привлекал к себе внимание писателей, публицистов, ученых, государственных деятелей. Правда, это можно сказать лишь о крестьянстве XIX — начала XX в. Что касается XVII—XVIII вв., то интерес к крестьянину и его духовному миру мы наблюдаем только в последней трети XVIII в. в связи с обсуждением общественной мыслью той поры крестьянского вопроса¹. Взгляды же крестьян предшествовавшего времени на жизнь и общество изучены неравномерно, отрывочно, так что составить целостное представление о духовном мире русского крестьянина бывает очень трудно.

У нас имеется достаточное число исследований, показывающих, как относились к крестьянству представители передовой общественной мысли России: писатели и журналисты, ученые-разночинцы, художники и композиторы, русские просветители. Знаем мы и о том, как оценивали крестьян представители правящих кругов. Образ крестьянина в русской культуре XVIII в. — тема, также не обойденная вниманием ученых и публицистов. Но у нас еще очень мало работ, показывающих, что и как думал и говорил крестьянин сам о себе, как он выражал свои чувства и мысли, против чего боролся, каковы были его идеалы. Все эти вопросы могут быть решены преимущественно на материале устного народного творчества.

Изложенный в монографии материал подтверждает давно высказанную в литературе мысль о тесной связи духовного мира русского крестьянина с природой, с теми климатическими условиями, в которых он трудился и от которых в значительной степени зависели результаты его труда. От умения крестьянина учесть сложную связь природно-хозяйственных явлений, многократно повторявшихся в течение поколений, зависело благополучие и его семьи, и всей крестьянской общины, коллективный опыт которой, а также опыт предков и составлял основу и неотъемлемую черту крестьянской культуры. Традиция являлась фундаментом и производственной деятельности крестьянина, и его общественно-нравственного сознания, и его духовной культуры.

В XVII—XVIII вв. культура феодалов проникала, конечно, в крестьянскую среду вместе с грамотностью и религией, но это проникновение было весьма и весьма ограниченным. Духовные потребности крестьянства удовлетворялись его собственным творчеством. Своеобразием духовной культуры крестьянства того времени стало то, что все крестьяне

являлись и исполнителями, и участниками, и зрителями, и потребителями одновременно. Пассивного потребления в крестьянской культуре того времени не наблюдалось.

Типичной, характерной чертой духовного мира русского крестьянина всегда оставалось подчеркивание организующей и руководящей роли крестьянской общины, мира, в рамках которой проходила и общественная, и личная жизнь крестьянина. Организующая роль общины, ее необыкновенно высокий авторитет, неоспоримые права верховной инстанции – вот что отличало крестьянское самосознание в этой области. Вопрос этот достаточно хорошо уже освещен в нашей литературе².

Помимо общины важнейшую роль в решении многих социальных вопросов решал обычай, в том числе и правовое сознание. Духовный мир русского крестьянина – это непрерывная цепь опыта всех предшествовавших поколений, это живое наследие прадедов, дедов и отцов. Но вместе с тем в это время замечается уже и стремление к нарушению обычного права, утверждение индивидуального поступка, идущего вразрез с установившимися нормами, с закостенелыми формами общественного и семейного быта³.

Обычное право не было, конечно, единственным прибежищем крестьянина в его борьбе с притеснениями. Выше уже отмечалось хорошее знание крестьянами российского законодательства: крестьяне нередко по-своему истолковывали государственные законы; некоторые опытные ходатаи неплохо ориентировались в запутанной системе государственных законов и положений⁴.

Немалую роль в формировании духовного мира русского крестьянина XVII–XVIII вв. в силу неграмотности большей его части играли различные слухи, молва, разнотолки, особенно связанные с верховной царской властью и самозванчеством. Эта тема достаточно разработана в нашей историографии применительно как к российскому обществу в целом, так и к российскому крестьянству. Важно отметить, однако, что все эти слухи (в том числе о легендарном "Беловоде") были связаны с социально-утопическими воззрениями крестьянства, особенно крестьян-раскольников⁵. Тем самым социальный протест крестьянства облекался в религиозные рамки, что было, как известно, характерным для средневековья, так как мышление средних веков "было по преимуществу теологическим"⁶. Таким оно оставалось и в изучаемый период, но только в самых общих чертах. Теологическое мировоззрение дало уже трещину. Крестьянство продолжало верить в одушевленность природы, в то, что на нее можно воздействовать при помощи магических обрядов, причем это убеждение переносилось ими и на христианских святых.

Народное православие, которое традиционно исповедовало большинство русского крестьянства, существенно отличаясь от церковно-ортодоксального, было тесно связано с сельскохозяйственным циклом, и даже хождения на богомолья, столь распространенные в крестьянской среде, превращались в средство общения и сбора информации, а не в молитвенные хождения по святыням. И церковные обряды, общинные молебны вызывались, как правило, не столько религиозными соображе-

ниями, сколько началом или окончанием сельскохозяйственных работ, стихийными бедствиями, либо старинными обычаями братчин⁷. Для русского крестьянина (как и для средневекового европейского вообще) характерен своеобразный религиозный "партикуляризм", почитание местных святых, угодников и чудотворцев, причем вера в чудеса являлась повсеместной. По-видимому, речь должна идти не о безверии крестьянства, не о религиозном равнодушии, а о своеобразном народном переосмыслении православной религии в особую систему народных верований и бытового религиозно-магического поведения.

Влияние на духовный мир русского крестьянина перемен в социально-экономической и культурно-политической сферах (рост капиталистических отношений в экономике и политике, дальнейшее развитие абсолютизма и т.д.) более всего ощущается в среде грамотных крестьян, в сфере приобщения их к книжной культуре и традиции, причем именно грамотность крестьян оказывалась одним из условий роста их социальной активности⁸.

Духовный мир русского крестьянина воплощался и в традиционном крестьянском прикладном искусстве, которое органично взаимодействовало с фольклором, календарной и семейной обрядностью. Крестьянское прикладное искусство этого времени успешно изучается искусствоведами⁹. В нашей монографии оно не рассматривается, так как требует специальных познаний в этой области. Следует только подчеркнуть широкое применение в крестьянском быту прикладного искусства, присущее ему единство утилитарного и художественного начал, устойчивую преемственность в форме, композиции, приемах обработки. Традиционность крестьянского сознания, выраженная в устном народном творчестве и прикладном искусстве, обеспечивала и сохранение, и обогащение крестьянской культуры, что не исключало, разумеется, проникновения в духовный мир крестьянина и научных знаний, и профессионального искусства, и светской культуры. Но это внутреннее преобразование духовного мира крестьянина шло и медленно, и неравномерно.

Именно поэтому так важно проанализировать, хотя бы в общих чертах, своеобразие духовного мира русского крестьянина в период позднего феодализма и развития буржуазных отношений, когда новые условия производственной деятельности, обострение социальных противоречий и развитие грамотности решительно воздействовали на народную культуру и изменяли ее. В свою очередь пробуждение интереса к ней в передовых слоях русского общества XVIII в. стимулировало освоение народной культуры.

Изучение духовного мира русского крестьянина важно еще и потому, что без более или менее ясного представления о нем мы не можем оценить того вклада в складывание национальной русской культуры, который внесло крестьянство. И хотя мы до сих пор не совсем ясно представляем себе процесс формирования русской национальной культуры (разумеется, творимой в ту эпоху преимущественно образованными слоями общества), тем не менее мы явственно осознаем, что русская национальная культура, как и национальный характер испытали на себе

мощное воздействие со стороны культуры русского крестьянства. Ведь именно крестьянство составляло основу русской нации, что явственнее всего обнаружилось после Отечественной войны 1812 года.

Эта книга заканчивается той же мыслью, с которой она началась: духовный мир русского крестьянина – тема беспредельная и безграничная. В монографии определен лишь один ее ракурс – отображение этого мира в крестьянской пословице, но это – та капля воды, в которой полно и многокрасочно отражен весь окружающий мир со всеми его противоречиями и сложностями. Нельзя не согласиться с давним исследователем русского быта: ”Если б собрать с хронологической точностью все ...русские пословицы XII–XVII вв., то они представили бы нам живую подлинную картину семейной и общественной жизни России в тогдашнем ее виде. Она сказала бы все сама собою, не требуя пособия от красноречия и остроумия, которыми обыкновенно историки дополняют недостаток знания и событий. Что может быть умнее и питательнее самих источников, проистекших из жизни народа! В них заключаются ростки его убеждений и мнений, воспоминаний о важнейших исторических событиях, указания на нравы, обычаи, праздники и занятия народа”¹⁰.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА
В КРЕСТЬЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ
XVII–XVIII ВЕКОВ

Личное имя в фольклоре вообще и в пословице в частности имеет, как правило, чисто представительное значение и вставляется в текст либо для рифмы, либо в силу распространенности данного имени (Иван, Марья и т.д.)¹. Никакого отношения к конкретным историческим личностям большая часть подобных имен в пословице не имеет. "На бедного Макара и шишки летят" (Б. 347. 2822; БАН. 517) – в этой пословице могло быть совсем иное имя, тем более что и рифмы в ней нет. Чаще, однако, имя вставляется для рифмы с целью повысить запоминаемость пословицы. О человеке, ни к чему не пригодном, сложено много пословиц: "Ни богу свеча, ни черту ожик [кочерга]" (Б. 3405), "Ни богу, ни людям" (Б. 3406) и т.д.; но вместе с тем есть и такая: "Ни в городе Иван, ни в селе Селиван" (Б. 3407; ср.: Т. 915). Таких пословиц, в которых имя вставлено для рифмы, – великое множество: "Всякой Еремей про себя разумеи" (БАН. 86; ср.: Б. 517; Т. 152), "Ветр в поле, а Петр – в воле" (Б. 710), "Лёвка – не поплёвка: иному он и в горле станет" (С. II. 419), "У Фили ж пили, да Филю же убили" (Б. 4342)². Конечно, нередко в пословице такие имена, которые обозначают и конкретно-исторические факты и явления. Так, в пословице "Ретька да хрен, да книга Ефрем" (Б. 3861) имеется в виду популярная в крестьянской среде книга поучений Ефрема Сирина.

Равным образом и женские имена в пословицах употребляются чаще всего для рифмы: "У Марины пиво лучше малины" (Б. 4297), "Анна – не манна: не укусить ее стать!" (БАН. 11), "Бредет Катерина к себе на перину" (С. I. 260).

Исследователи правильно отметили, что личное имя как таковое – это своеобразный социальный знак, что были имена, характерные для трудового люда и для правящих кругов, причем имена ходили в разные исторические периоды из одного социального слоя в другой³. Причины отбора народом имен в пословицах ученые объясняли по-разному. Так, В.И. Даль утверждал, что они "большею частью взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры". Ф.И. Буслаев считал, что личные имена в пословицах – это дополнительное изобразительное средство, так как "живее и нагляднее употребить название лица вместо человека вообще". Многие из собственных имен в процессе длительного бытования превратились в нарицательные (например, Иванушка-дурачек), что и дало повод Д.К. Зеленину утверждать: "Старый взгляд на личное имя как прозвище сохранился в народе... старый народный взгляд распространился... и на новые христианские имена. Многие из них также получили значение, близкое к прозвищу"⁴.

Переходу собственных имен в нарицательные в пословицах русского народа посвящен цикл работ Т.Н. Кондратьевой, которая утверждает, что

большая часть собственных имен в пословицах стала уже нарицательными. На изменение значения имени, по ее мнению, влияют исторические события, обычаи и обряды русского народа, литературные произведения и лубок, этимология имени, симпатия или антипатия народа к тому или иному имени и рифма пословицы⁵.

Многие собственные имена в пословицах, по мнению Л.В. Бабаевой, выражают отношение народа к первоначальному значению христианского имени. Как известно, церковные имена, пришедшие на Русь вместе с принятием христианства, были заимствованы православной религией из ряда восточных и европейских языков и по своему происхождению были древнегреческими, латинскими, древнееврейскими, арамейскими, сирийскими и т.д. (Иван (с евр.) – благодать божия, Малания (с греч.) – черная, темная, мрачная, и т.д.). Л.В. Бабаева полагает, что народу была известна первичная этимология этих имен, что она и отразилась в пословицах⁶. Учитывая эту точку зрения, в проводимом ниже перечне пословиц с личными именами указывается и первичная этимология этих имен.

Как видим, недостатка в объяснениях нет. Скорее всего, каждая из приведенных точек зрения на употребление собственных имен в русских пословицах имеет под собой какую-то основу. Вот еще одна точка зрения: И.М. Снегирев связывает пословицу "У Фили пили да Филю же били" (С. I. 2307; вариант: "У Фили ж пили, да Филю же убили" – Б. 4342) с венгерским бароном Фильнием. "Волинская летопись XIII в. называет его Филей Прегордым, мечтавшим о покорении русских ("...и Русь у ног моих!"). Но русские, побывав у него в гостях, перехитрили его и основательно потрепали его войско⁷ – так Филя Прегордый превратился в просто Филю, т.е. в простофилю. И другие собственные имена прочно приобрели в народе нарицательное значение: Тит – это лентяй, Вавила – суеверный и робкий человек, Макар – неудачник и т.д.⁸. Многие имена пришли в пословицу из Библии и Евангелия – Адам, Ева, Авраам, Хам, Иуда и многие другие. Распространению в пословицах имен Ерема, Фома, Емеля и т.д. содействовали лубочные картинки.

Но все-таки, учитывая, что пословица "каждому имени, как названию известного лица, дала свой смысл и характер"⁹, мы должны признать, что в массе своей в процессе бытования личные имена отбирались чаще всего народом для рифмы, для ритма, аллитерации. Фольклористы уже обратили внимание на то, что одни из самых ярких и звучных рифм в пословице – это рифмы с собственными именами¹⁰. Верно отметила М.А. Рыбникова: "Одно из свойств пословицы – это ее мерность и звучность. Пословица щеголяет неожиданной и богатой рифмой, блещет созвучиями, складом и ладом речи". На большое значение рифмы в пословице указал в свое время И.Н. Розанов, приведший примеры из сборника пословиц XVII в.: "Ефрем любит хрен, а Федька – редьку" (С. I. 849); он отметил и перекрестные созвучия: "Глеб з Борисом, а хлеб у них с анисом" (С. I. 635)¹¹.

Игра словом, любованье им, своеобразное народное красноречие, стремление выразить свою мысль не только точно, но и образно всегда было характерным явлением народного языка. Приводимые ниже приме-

ры употребления личных имен в крестьянских пословицах – яркое свидетельство неистощимой народной фантазии, любви к шутке, тонкому юмору, это еще одно доказательство крестьянского происхождения многих пословиц подобного типа. Посмотрите, с чем сравниваются личные имена в пословицах, с чем они рифмуются – это преимущественно предметы и обстоятельства крестьянской жизни: ”Агапит свиней сидя вабит” (С. I. 91), ”Агей – пшеницу веи, у Ипата широка лопата” (С. I. 146), ”Жаль Акулину, да послать по малину” (С. I. 910), ”Антипа – не липа, а кожей платит” (С. I. 136) – вот примеры на одну лишь букву ”А” из приводимого ниже списка пословиц, который дает представление о своеобразии художественного склада крестьянской речи.

Для удобства пользования пословицы, содержащие два или более имени, повторяются при публикации под каждым из личных имен.

*

Наш Амбросим¹² нет – не просит, а есть – не бросит (БАН. 587; С. II. 466; III. 569).

Прозорлив, как Аввакум¹³ (Б. 3792).

Авирон не боится ворон, а на галки есть палки (С. I. 88).

Авирону чорт дал оборону: сову да ворону (С. I. 145).

Авксентей¹⁴ – не трусентей (С. I. 100).

По бороде – Авраам¹⁵, а по делам – Хам (Т. 1021; Б. 3612).

Аврам гуляет, а враг покарает (III. 35).

По бороде – Аврам, а по делам – дьявол (БАН. 646).

Агапит¹⁶ свиней сидя вабит^{1*}: бежат к нему сами, что мухи на мед (С. I. 91).

Агафон¹⁷ запел антифон^{2*} (С. I. 26).

Агафона чтят для антифона (С. I. 102).

Антифона – послушать, у Агафона – покушать (С. I. 28).

Агафоник¹⁸ – невольник: что ему дадут, то и возьмет (С. I. 105).

Агей¹⁹ – пшеницу веи, у Ипата широка лопата (С. I. 146).

Агрипине свербит в спине (С. I. 56; С. II. 146; III. 34, 330).

Адаму²⁰ копают яму, а мы не хотим, а туды же гляд[и]м (С. I. 63).

Адаме, ты согрешил, а наши сердца сокрушил (III. 23).

Анания с Азарием²¹ не стыдятся печью (С. I. 133).

Акиндиин²² – не один: бредет в пир и с кумою (С. I. 96).

Бьют быка да сви́нью, не все то про Аксинью²³ (С. I. 24).

Жаль Акулину²⁴ – да послать по малину (С. I. 910).

У Акулки хороши бакулки (III. 809).

Александр²⁵ храбр, а от худова умре (С. I. 911).

В людях – Ананья²⁶, а дома не найдешь (БАН. 103; Т. 92; Б. 614; П. 239; С. I. 520; III. 153; Р. 94).

Анания с Азарием не стыдятся печью (С. I. 133).

^{1*}Вабить – манить, подманывать.

^{2*}Краткий стих из псалмов, поющийся на одном клиросе в церкви и повторяющийся на другом.

- Ананья да Маланья, Фома да кума – и места заняли (С. I. 68).
Ананья плачет, а Маланья скачот (С. I. 1834).
Ананья – с ящики, а Маланья – с кашники^{3*} (С. I. 132).
И велик, да глуп, что Ананьин внук с Великих Лук (С. I. 1211; С. II. 1209).
Здравствуй, друг, Ананьин внук! (Б. 1439).
Андрей²⁷ крестил, Иоанн благовестил (Ш. 29).
Андреян²⁸ возгрями аки пьян брюзгами (С. I. 37).
Крестись, Андроны²⁹ едут (Б. 1991).
Анна³⁰ не всякому манна (С. I. 53; Ш. 11).
Анна – не манна: не укусить ее стать (БАН. 11; С. I. 144; Ш. 10).
Манна сладка, Анютка падка (С. II. 391).
Не сойдется Онохино пиво с Нестеровым (С. I. 1727; Ш. 682).
Антипа³¹ – не липа, а кожей платит (С. I. 136).
Антипа – не липа, и, содрав дуб, не покрыться (БАН. 21; Ш. 23; С. I. 51; С. II. 2).
Арсенья³² чтят для воскресенья (С. I. 101).
Арсенья ждять до воскресенья (С. I. 38).
Арсенья – у воскресенья, а бражника – у праздника (С. I. 97).
Арсенья ждять з дорогим горохом (БАН. 9).
Артамон³³ – за лимон, а Симан – за тиман^{4*}, а Влас – за квас (С. I. 108).
Артамоны ядят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы (С. I. 99).
Артемию³⁴ не кажи академию (С. I. 57).
Архип³⁵ со столчков охрип (С. I. 122).
Афонасья³⁶ ломает к ненастью (С. I. 29; 150).
Тот Афонас давно не по нас (С. I. 2280).
По нас Афонас – пусть он у нас, а не по нас Афонас – поди прочь от нас (Б. 3681).
Ждан, Богдан³⁷ – қоровье имя (С. I. 942).
Борис – не дерись: станешь дратца – будешь запиратца (С. I. 245; С. II. 77).
Глеб з Борисом, а хлеб у них с анисом (С. I. 635).
Будан – две деньги дан (С. I. 353).
Живучи Вавиле³⁸ быть в магиле (С. I. 894).
А уже Вавилу запрятали в магилу (С. I. 94).
Тезоименита лопата – Ипату, а Вавиле – могила (С. I. 2262).
Спрашивают Варвару³⁹ на расправу (С. I. 2234; Р. 761; БАН. 828; У. 268; Ш. 562).
Варюшка, не потеряй краюшки! (С. II. 166).
Варлам⁴⁰ – ломит пополам, а Денис – со всяким делись (С. I. 470).
В[ась]ка, Васька⁴¹, св[ины]е глаз[ки]! (С. I. 464).
По Васе шапка, по Сеньке клобук (Р. 638).
Родион – подь вон, а Ватута – сиди тута (С. I. 2069).
Вахромей⁴², разумей: ково корят, а тебе в глаза говорят (С. II. 144).

^{3*}Горшок для каши.

^{4*}Тмин.

Вахрамей, разумей: ково бьют, ково жалуют (С. I. 471).
Емельян – за темьян, а у Викулы⁴³ – старые бакулы (С. I. 825).
Не верь Власу⁴⁴, а верь своему глазу (С. II. 1016).
Зовут меня Власом, а живу в селе за Спасом (С. I. 1106).
Обыскал Влас по нраву квас (С. I. 1858).
Артамон – за лимон, а Симан – за тиман, а Влас – за квас (С. I. 108).
Насидеться Володе в колоде (С. I. 1688).
Ты – Гаврилко⁴⁵, я и сам – Янко (БАН. 816).
Георгий⁴⁶ с мостом, а Никола с гвоздем (Б. 791; Т. 351; БАН. 101).
Георгий с кормом, а Никола с теплом (Б. 792; БАН. 94).
Егорей – с кузовом, а Никола – с возом (Т. 350).
Глеб з Борисом, а хлеб у них с анисом (С. I. 635).
Наш Гришка⁴⁷ не берет лишка (С. I. 1; 1726).
Гришка льет, а черт челом бьет (Б. 900).
Куда Гриша, туда и Маша (Б. 2149).
Игумен Гурей⁴⁸ до братьи дурен (С. I. 1218; II. 366).
Ехал Гур с тиоткою, накрывся лоткою (С. I. 2749).
Давид⁴⁹ играет в гусли, а Ламех – в скрипку (Б. 912).
Нашева Данила⁵⁰ земля придавила (С. I. 714; 1755).
Нашего Данила жена удавила (С. II. 438; III. 545).
Данило – с матавило [мотовило], а ума – ни с шило (С. I. 707).
Нашей Дашке⁵¹ на кашку, Малашке – на рубашку (С. II. 422).
Посидеть у Дашки – будто у брашки (III. 672).
Два Демида⁵², а оба не видят (С. I. 656).
Указывай Деме да дома (III. 817).
Артемиде страшит Демида, а Кирило ее и в рыло (С. I. 98).
Матка по дочке плачет, а дочке по Диомке скачет (Т. 678; Б. 2653).
Едакой Дёмка и с потемка! (БАН. 214).
Быть на Диому розгрому (С. I. 328).
Денису⁵³ анису на мисе (С. I. 805).
Варлам – ломит пополам, а Денис – со всяким делись (С. I. 470).
Дунька⁵⁴ – не последняя дурка (С. I. 715).
Ай, ай, Ева, прельстилась дровом, и выстонала чревом (III. 33).
Елена⁵⁵ от всех благословена (С. I. 844).
Сеян лион у семи Олион (С. I. 2223).
Елизар⁵⁶ уж всех перелизал (С. I. 845).
Елизар – не мордовской базар, не много торгует (Б. 1169).
Сей Елисей⁵⁷ (Б. 3973).
Ездил Емеля⁵⁸, еще ждать ево неделя (С. I. 2741).
Емеля торгует шиш[ками] (С. I. 835).
Емельян всегда пьян (С. I. 822).
Емельян не всегда пьян (Б. 1174).
Емельян – темьян, а у Викулы – старые бакулы^{5*} (С. I. 825).
Всяк Еремей⁵⁹ по себе разумей (С. I. 494; С. II. 163; 1213; Б. 521; БАН. 987; 1179; Т. 154; Р. 72).

^{5*}Пустые слова, слухи.

- Еремей, разумей: доходят вести, что нечево съести (С. I. 827).
 Еремея потчуют умея: взяв за ворот – да взашей (С. I. 828).
 Еремеевы слезы о чюжом пиве лютца (БАН. 223; С. II. 258).
 Плачет Ероха⁶⁰ не хлебав гороха (С. I. 1946).
 Широка дорошка Ерошке (С. I. 2682).
 Алчнова Ерёмку вяжи ево в веревку (С. I. 72).
 Ерема, Ерема, сидел бы ты дома! (Б. 1178).
 Пожилося Ермаку на три чирья на боку (Р. 591).
 Ефрем⁶¹ любит хрен, а Федька – редьку (С. I. 849).
 Ждан, Богдан – коровье имя (С. I. 942).
 Ходит Зиня⁶² и рот разиня (С. I. 1076; 2455).
 Зиня, не ходи разиня (Б. 1442).
 Наш Зинька – розинька (Б. 1443).
 Куда Зинька, туда и розинька (Б. 2152).
 Родя спит и ходя, а Зиня – и рот розиня (С. I. 2080).
 Аз про Ивана⁶³, а ты про балвана говоришь (II. 262).
 Лучше Иван, нежели болван (Б. 2352).
 Иван-болван, молоко болтал (Б. 1488).
 Иван в дуду играет, а Марья за голоду умирает (Б. 324; С. I. 1181; III. 332).
 Иван был в Орде, а Марья вести рассказывает (III. 317).
 Иван был в Орде, а у Марьи все вести знает (Б. 1487; Т. 459).
 Этот Иван и людем, и нам (Б. 1490).
 Иван М[арья] не слушает, делает, да не скоро (БАН. 317; Б. 1489).
 Когда Ивашке белая рубашка, тогда у него и праздник (III. 376).
 По Ивашке и рубашка (Р. 613).
 За Иваном люди как за паном (Б. 1492).
 У Ивана всегда жена пьяна (Б. 1491).
 Портит Ивашку белая рубашка (Р. 629).
 Кабалка лежит, а Ивашка бежит (БАН. 366; Т. 503).
 Кобылка бежит, а Ивашка лежит (Т. 555; Б. 1907).
 Ни в городе Иван, ни в селе Селиван (БАН. 458; Б. 3410).
 Ни в городе Иван, ни в лесе Селиван (Т. 919).
 Не всяк то таков, что Иван Токмаков (С. I. 1719).
 Андрей крестил, Иоанн благовестил (III. 29).
 В людях – Илья⁶⁴, а дома – свинья (БАН. 111; Т. 93; Б. 615; Р. 142).
 Ан Илья зглупал, что в тюрьму попал (С. I. 45).
 Сердит – как Илья, а дерзок – как Петр (Б. 3972; III. 725).
 Асаф⁶⁵ смекал бораны, ходя играл в органы (С. I. 141).
 Агей пшаницу вей, у Ипата⁶⁶ широка лопата (С. I. 146).
 Тѣзоименита лопата Ипату, а Вавиле – могила (С. I. 2262).
 Ипат наделал лопат, а Федос продавать пониос (С. I. 166).
 К Симану – па тиман, к Ипату – по мяту (С. I. 2779).
 Ипата горбата исправит гроб (С. I. 1198).
 Исак⁶⁷ русак, что ему ни давай, все прибирает (С. I. 1185).
 Иуда⁶⁸ лижет блюдо (С. I. 1; 1204).
 Шол бы Карп⁶⁹ к пиву, да не зовут (С. I. 2672).

- Бьется, будто блоха в ухе: быть Улите за Карпом (С. II. 106).
Родился Карп в хоробах, а взрос он в коровах (С. I. 2048).
Карты у Карпа тверди наизусть (С. I. 1320).
Зинул Касьян⁷⁰ на крестьян (С. I. 1108).
Князю – княгиня; а мне своя Катерина⁷¹ (БАН. 333; Б. 1904; Т. 552).
Князь да княгиня, а всякому мила своя Катерина (Р. 157).
Той Катерине добро на перине (Б. 4228).
Бредет Катерина к себе на перину (С. I. 260).
Артемиде страшит Демида, а Кирило⁷² ее и в рыло (С. I. 98).
Ездил на пир Кирило, да подарен там в рыло (С. I. 2748).
Жаль Кирила, а поберечь ему рыла (С. I. 968).
Оттял себе ухо Кирюха (С. I. 2581).
Колоти, Клим⁷³, в один клин! (С. I. 1269).
Думает Клим, тесать хочет клин (С. I. 684).
Широка борода клином, а зовут ево Климом (С. I. 2683).
Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу (С. I. 1498).
Здоровают Косте⁷⁴ в новой коросте (С. I. 1071).
Алчнова гостя не употчивал Костя (С. I. 27).
Ксения⁷⁵ ждет воскресения (С. I. 2778).
Ешь кутью, поминай Кузьму⁷⁶ (Б. 4636).
Лазарь⁷⁷, кой по углу лазит, а в окно подает (Б. 2199).
Давид играет в гусли, а Ламех – в скрипку (Б. 912).
Лёвка – не поплёвка: иному он и в горле станет (С. I. 1419).
Лука⁷⁸ и сам клюка (Б. 2334).
Лука – не клюка (Б. 2333).
Аспидной перстень Луке на руке (С. I. 119).
Юрья – за бабу, а Лука – за быка (С. I. 2758).
На бедного Макара⁷⁹ и шишки летят (Т. 718; Р. 304; Б. 351; 2825; У. 73;
БАН. 517).
У Макара лишь возгрей пара (С. I. 2331).
Грядет Макар к вечерне от собак на кабак (С. I. 615).
Достал Мокар до рели^{6*}, играть ему в свирели (С. I. 752).
Доселе Макар огороды кропал, а ноне Макар в воеводы попал (С. I.
249).
Грелся Максим⁸⁰ вокруг осин (С. I. 617).
Савсем Максим – с килой и с горбом (Р. 771).
Онанья плачот, а Маланья⁸¹ скачот (С. I. 1834).
Ананья да Маланья, Фома да кума – и места заняли (С. I. 68).
Онанья с ящички, а Маланья – с кашники (С. I. 1847).
Нарежаетца, что Маланья на свадьбу (БАН. 584; С. II. 446; III. 552).
Нашей Дашке на кашку, Малашке – на рубашку (С. II. 422).
Барашки – у Малашки, а две сумы – у Фомы (С. I. 298).
Хватился Малах⁸², ан черт в головах (Т. 1322).
Князю – кня[г]иня, боярину – Марина⁸³, а всякому – своя Катерина
(БАН. 333).

^{6*}Рели – два столба с перекладиной; качели.

- Малина – не Марина – в одно лето опадает (У. 24).
Пар в бане не одной Марине (С. II. 535).
У Марины пиво лучше малины (Б. 4300).
Уварилось пиво у Марины лучше малины (С. II. 738; Ш. 811).
Иван Марья⁸⁴ не слушает (Б. 1489).
Пар в бане не одной Марье (Ш. 634).
Иван был в Орде, а у Марья – вести (Т. 459).
Иван был в Орде, а Марья вести рассказывает (Ш. 317).
Шутка к шутке, а Машка в шубке (С. I. 2645).
Куда Гриша, туда и Маша (Б. 2149).
Рделся Марко⁸⁵, было ему жарко (С. I. 2064).
Не шумаркай^{7*} вдруг, не у Марка пьют (Б. 3405).
Жил Мартын⁸⁶, коли был алтын (С. I. 873).
Алтын пропадет – и Мартын упадет (С. I. 89).
Алтын стал дорог – и Мартын вырос долог (С. I. 90).
Алтын пробивает и тын, а полтина убивает и Мартына (С. I. 62).
Алтыном Мартыну ни сапог подшить, ни скоба подбить (С. I. 138).
Алтын – в мошне, а Мартын – в квашне (С. I. 84).
Алтыном да Мартыном – хошь ворота запирай (С. I. 64).
Альфе учиться Марфе⁸⁷ (С. I. 125).
Нашему Мине⁸⁸ начасоно в спине (С. I. 1689).
Наш Мирон⁸⁹ гнет и непареное (С. II. 901).
Анис да тиман, гуньба да Симан, шафран да Митрофан⁹⁰ (С. I. 117).
Базар любит Назар⁹¹ (С. I. 322).
Писан Назарко по бересту угарком (С. II. 588).
Назар один слизал (С. I. 1814).
Старица Настасья⁹² влезла на старца Москвы смотреть (Р. 733).
Нажила Натаха⁹³ под гузно рубаху (С. II. 458; Ш. 558).
Один Нестор⁹⁴ и у каши не спор (С. I. 1830).
Не сойдется Онохино пиво с Нестеровым (С. I. 1727; Ш. 682).
Алфавиту учат Никиту⁹⁵ (С. I. 124).
Зародился Никита на волоки (Ш. 277).
Кнут – не Никола⁹⁶, а истину скажет (П. 39).
По бороде – Никола, а по зубам – собака (Т. 1022).
Окул бабу обул, да и Окула баба обула (С. I. 1856).
У Окулки хороши бакулки (С. II. 736).
У всякого Павла⁹⁷ своя правда (БАН. 830; Б. 4273; С. I. 2301).
Панкратья⁹⁸ дерут из платья (С. I. 1895).
Наша Параша⁹⁹ (Б. 3076).
У Парашки глаза, что у барашки (С. II. 737; Ш. 810).
Быть Пахому¹⁰⁰ такому (Б. 305; П. 379).
Хоть кричи, хоть не кричи, а быть Похому такому (Р. 900).
От Савы – славы, а от Перши – чести (БАН. 906; С. I. 2521; С. II. 509;
Ш. 618).
Что Петру¹⁰¹, то и Павлу (С. II. 808).

^{7*}Шумаркать – громко говорить, шуметь.

Каков Петр, таков и Павел (Б. 1730).
 Сердит, как Илья, а дерзок, как Петр (Б. 3972; Ш. 725).
 Ветр в поле, а Петр – в воле (Б. 714).
 Осетр – водою, а Петр – бедою (С. II. 516; Ш. 625).
 Полюбила Пигасья¹⁰² Фому, да не верит она никому (С. I. 1915).
 Родя¹⁰³ спит и ходя, а Зиня – и рот разиня (С. I. 2080).
 Родион – подь вон, а Ватута – сиди тута (С. I. 2069).
 Плат у Рамана из своего кармана (Ш. 678; 712).
 Не пеняй на Романа¹⁰⁴, ссора из своего кармана (Р. 513).
 Каков Сава¹⁰⁵ такова ему и слава (Т. 514; Б. 1733; Ш. 365).
 На волка слава, а ест овцы Сава (У. 729; 316).
 Был Сава – была и слава (С. I. 167).
 От Савы – слава, а от Перши – чести (БАН. 906; С. I. 2521; С. II. 509; Ш. 618).
 Сава, пей сусло! Горячо! Ты дуй! Плохо дуть – как дадут! (Р. 786).
 По платью знать, что Савою звать (Б. 3700).
 Сава смешит, а саван страшит (С. I. 2181).
 Тот же Савка, да на тех же санках (Б. 4240; С. I. 2266).
 Савка с палкой, розжуй да плюй (С. II. 1064).
 Савелья¹⁰⁶ потчуют с похмелья (С. I. 2163).
 И по роже знать, что Созоном¹⁰⁷ звать (С. I. 1212).
 Бродит Саламаха¹⁰⁸ и без рубахи (С. I. 333).
 Самсон¹⁰⁹ сам-сём (С. I. 2212).
 Кто натурою делает – сильнее есть, нежели Самсон (П. 290).
 Ни в дороге товарищ, ни в себе Селиван (У. 167).
 По Сеньке¹¹⁰ и шапка (С. I. 1878; С. II. 577; Т. 1061).
 По Васе шапка, по Сеньке клобук (Р. 638).
 По бабе брага, по Сеньке шапка, по голове и сшита (С. II. 869).
 По бабе и брага, а по Сеньке – шапка (Б. 3610).
 Пала слеза – не Сенька слизал (С. II. 864).
 Как у Сенушки две денешки, так Сенушка – Симон, а у Сенушки не две денешки – так Сенушка блядин сын (П. 261; БАН. 326; Ш. 414; Р. 825).
 Умен – что Надеин Семен: на волюнку насад променял (С. I. 2360).
 Умен – что поп Семен; книги продал, да карты купил (Б. 4301; Р. 822).
 И в Сидоре¹¹¹ – попе правды нет (Б. 1520).
 Мимо Сидора да в стену (У. 61).
 На Сидора. – попа не одна беда пришла: все церкви покрали, все в колокол... (Б. 3027; Р. 448).
 Сидорова правда – киселем блины мазаны (Р. 773).
 Фофан с толокном, а Сидор с волокном (Б. 849; Ш. 821).
 Хотя Сила¹¹² плох, да осилел двоих (С. I. 2480).
 Артамон – за лимон, а Симан¹¹³ – за тиман, а Влас – за квас (С. I. 108).
 Анис да тиман, гунба да Симан, шафран да Митрофан (С. I. 117).
 К Симану – па тиман, к Ипату по мяту (С. I. 2779).
 Один Сысой¹¹⁴, да и тот косою (Б. 3505).
 Женился Тарас¹¹⁵ – не спросился у нас (С. I. 875).

Татьяна¹¹⁶ – не сметана, не щипать её белить (С. I. 2273; Ш. 774; С. II. 690; З. 4202).

Там пила Татьяна, а еще не пьяна (С. I. 246; С. II. 686; Б. 4197; Ш. 770).

Бредет Татьяна не добре пьяна (С. II. 78).

Бредет Татьяна не добре пьяна; хоть и упадет, да не валяется (Ш. 85).

Наша Татьяна и с воды пьяна (С. II. 457; Ш. 557).

Сказывают: богат Тимошка¹¹⁷, а животин – собака да кошка (БАН. 783).

Богатой Тимошка, и кила с лукошка (Р. 13).

Били Фому про куму, а Трошку¹¹⁸ – про кошку (С. I. 247).

Розьелся Трофим, не прибавить ли дробин (Р. 669).

Всем по спасибо, а Улите – два (С. II. 154).

Бьется, будто блоха в ухе: быть Улите за Карпом (С. II. 106).

Наш Ульянов¹¹⁹ и з духу пьян (С. I. 1770).

Лакома Устинья¹²⁰ до ботвиньи (С. I. 1406).

Федот¹²¹, да не тот (БАН. 847).

Жив Федя¹²² [и бе]з медведя (С. I. 986).

Федька горек что редька (С. I. 2387).

Фетька – что ретька, а хвост не таков (БАН. 850; С. II. 754; Ш. 822).

Федьку поносить – что ретьки укусить (С. I. 2391).

Ефрем любит хрен, а Федька – редьку (С. I. 849).

Убить корова – прогневить Федора (С. II. 727).

Велика Федора¹²³, да дура (БАН. 92; Б. 378; 1496).

Велико Федорно, а дурно (Т. 82).

Федос¹²⁴ любит принос (С. I. 2393).

Ипат наделал лопат, а Федос продовать пониос (С. I. 1166).

Конь любит овес, а кисель любит Федос (С. I. 1343).

Ожил Федос, забридочи в овиос (С. I. 1859).

Бедная Федосья¹²⁵ наотъелоса колосья (С. I. 185).

Была речь у Федосьи в переголосье (С. I. 330).

Филат¹²⁶ тому и рад (С. II. 945).

Филимон¹²⁷ поет нефимон (С. I. 2377).

У Фили были, да Филю ж побиили (БАН. 831).

У Фили ж пили, да Филю же убиили (Б. 4342; С. I. 2307).

Обули Филю в чортовы лапти (С. I. 1855).

Филип¹²⁸ и в конопле не укрылся (БАН. 898; Ш. 819).

Филип пирует, а кума горюет (Ш. 823).

У горя и нужи и Фока¹²⁹ дворянин (Б. 4277).

Фоку твердит сорока (С. I. 2381).

Фоку да Якова и сорока знает (С. I. 2389).

Люди про Фому¹³⁰, а мы – про Ерему (Б. 2592).

Зовут меня Фомою, а живу я собою и хлеб свой ем (БАН. 278).

Зовут ево Фомою, а живет он собою: в люди не ходит, а к себе не зовет (С. I. 1144).

Знать собою, что звать Фомою (Ш. 282).

Зовут Фомою, а живет собою (С. II. 1205).

Пошли Фомой, да сома ходой (Р. 641).
Хоть и не собою, ин Фомою (Б. 4456).
Фому да Якова и сорока знает (БАН. 845).
Фома не купит ума (С. I. 2385; С. II. 752; Б. 4670; Ш. 820).
Ждут Фому, чают быть уму (С. I. 893).
Фома ума не купит – свой продает (БАН. 846).
Бить челом Фоме, а было бы в суме (С. I. 252).
За реку с кумою, а Фома с сумою (Ш. 296).
Идет Фома, большая сума (С. I. 1183).
Барашки у Малашки, а две сумы – у Фомы (С. I. 298).
Знать по Фоме, что тужит по куме (Ш. 289).
Прельщается Фома, как убелится кума (С. I. 1937).
Ананья да Маланья, Фома да кума – и места заняли (С. I. 68).
Били Фому про куму, а Трошку – про кошку (С. I. 247).
Фома плачет, а жена скачет (БАН. 844; С. II. 756; Ш. 824).
Фома пирует, а кума горюет (С. II. 755).
Пока Фома, пота^{8*} и крома^{9*} (Б. 3661).
Фома–большая крома (Б. 4669; С. i. 2388; Ш. 820).
Иному Фоме насидетца в тюрьме (Ш. 331).
Бить Фому – прогневить кому (С. I. 310).
Один Фома горюет, а два в поле воют (С. II. 513; Ш. 622).
Наш Фомка все комкает (Ш. 516).
Потчуют куму блинками, а Фому пинками (С. I. 1988).
И по роже знать, что Фомою звать (С. II. 1211).
У всякого Фомки не без помхи^{10*} (С. I. 2314; С. II. 723; Ш. 798).
Широк зипун на Фомке, не будет в том помхи (С. I. 2679).
Одно дитя, да и то Фома (С. I. 1845).
Плывет Фома по Волге, будет он невдолге (С. I. 1950).
Хвост Фоме залупили да хер прилепили (С. I. 2471).
От горя, от нуже и Фома дворенин (Р. 557).
На худом городе и Фома дворянин (БАН. 583; С. II. 444; Ш. 550).
Щипнув Фома рыбки, а сам скочил на дыбки (С. I. 2718).
Полюбила Пигасья Фому, да не верит она никому (С. I. 1915).
Фофан¹³¹ с толокном, а Сидор – с волокном (БАН. 849; С. II. 753; Ш. 821).
Ни от Фофана меду, ни от камени плоду (Б. 2427).
Фофан с толокном, а сидит с волокном (БАН. 1029).
Фован с толокном стоит под окном (С. I. 2386).
Щипал Фрол¹³² горох, да заболел попериг (С. I. 2698).
Фрол никого не боитца и под лавкою лежа проспигца (Ш. 825).
Ощупал Фрол щуку серед Волги на дне (С. I. 1853).
Баба Хавронья збила с подворья – да будет воля господня (Т. 5).
Баба Хавронья збила с подворья, да воля господня, не быть без по-
дворья (Р. 61).

^{8*}Пота – до тех пор.

^{9*}Мешок (торба) нищего.

^{10*}Помха – помеха, неудача, порча.

Ета Ховронья збила с подворья (С. II. 268).
По бороде – Аврам, а по делам Хам (Т. 1021; Б. 3612).
Харитон¹³³ – лишь свиньям притон (С. I. 2432).
Харитон с Москвы прибежал с вестьми (С. I. 2473).
Только у Харьки и собонки^{11*} (С. I. 2258).
Харя дехтем трусит (С. I. 2436).
Нарежаетца, что Юрья на бабу (Ш. 510).
Юрью – пирогом, а дурака – батогом (С. I. 2757; С. II. 836; БАН. 976).
Вот тебе, бабушка, Юрьев день (Р. 132).
Юрья – за бабу, а Лука – за быка (С. I. 2758).
Яким¹³⁴ – плашина^{12*}: курицу купил, а две за пазуху забил (С. I. 852;
2775).
Еким – плашина (Б. 1161).
Еким плох – не теряет крох (Б. 1162).
Сем-ко ты, Яким, потолоки-тко мякин (С. I. 2172).
Бывает добро, а не всякому, как Якову¹³⁵: что ж он лаком есть с ма-
ком (БАН. 69).
Беглому одна дорога, а погонщиком всякому, как Якову (Р. 58).
Всякому досталось по Якову (С. I. 523; 782; Р. 77).
У Яковца два ястреба: один овцы ловит, а другой – яловиц (С. I. 2357).
Фому да Якова и сорока знает (С. I. 2389; БАН. 845).
Кто ты таков, Янка¹³⁶ попов? (Б. 2116).
Ты – Гаврилко, я и сам – Янко (БАН. 816).

^{11*}Собонка, собинка – собственность, имущество.

^{12*}Площина – плохой, негожий человек.

ВВЕДЕНИЕ

¹См., например: Духовный мир и ценностные ориентации личности. Киев, 1988; Духовный мир личности. Баку, 1982; Духовный мир современного человека. М., 1987 и др.

²Духовная жизнь общества и структура общественного сознания. М., 1988; Духовная жизнь общества, наука и культура, формы общественного сознания. Иркутск, 1988, и др.

³Можно отметить лишь весьма содержательную главу М.М. Громыко "Духовная жизнь русского крестьянина во второй половине XVIII — первой половине XIX в." в коллективном трехтомном труде "История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986. С. 530—546. Она же. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири. Вып. 2. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970. С. 4—37.

⁴Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. См. также статьи: Бабкин Д.С. Русская потаенная социальная утопия // Русская литература. 1967. № 4; Мирошниченко П.Я. Народные истоки утопического социализма в России // История общественной мысли: Современные проблемы. М., 1972; Валлич Э.И. Из истории радикальной утопической мысли в России конца XVIII в. // История социалистических учений: Сб. статей. М., 1976; Громыко М.М. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 97—124.

⁵Лурье Я.С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 475. О проблемах поисков источников по истории "низов" см.: Рюде Д. Народные низы в истории. 1730—1848. М., 1984. С. 28—34.

⁶См., например: Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земельное освоение. Новосибирск, 1965; Она же. О некоторых задачах исторической социологии // Изв. Сибирск. отд. АН СССР. Сер. общ. наук. 1967. № 11. Вып. 3. С. 115—120; Она же. Социальное настроение как категория общественно-исторической психологии // Бахрушинские чтения. 1966. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 20—31; Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Она же. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVIII — начале XX вв. Новосибирск, 1975. С. 71—102; Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 1981; Она же. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986; Она же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (в XVIII — первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979.

⁷Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. См. также более раннюю работу: Она же. Некоторые вопро-

сы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971; и весьма содержательную и богатую библиографией статью: *Она же*. Культура русского крестьянства XVIII—XIX вв. как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3.

⁸*Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; *Он же*. Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири в XVIII веке // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 376—377.

⁹*Покровский Н.Н.* Материалы по истории магических верований сибиряков XVII—XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в. С. 110—128. Духовной культуре крестьян феодальной Сибири посвящены также специальные разделы в коллективном труде "Крестьянство Сибири в эпоху феодализма". Новосибирск, 1982. Частично этот материал имеется также в монографии: *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX вв. Новосибирск, 1974. См. об этом в рецензиях Л.Н. Пушкарева на книгу Копылова (Вопр. истории. 1974. № 11; В мире книг. 1975. № 3).

¹⁰*Иванов П.В.* Из истории общественно-политической мысли России 40—60-х годов XVIII века. Курск, 1973; *Он же*. Классовая борьба в России XVIII века (думы и чаяния крестьян и рабочих людей). Курск, 1984. См. также брошюру: *Он же*. Русский народ о знании и религии. Курск, 1965.

¹¹*Иванов П.В.* Социально-политические представления монастырских крестьян в России в 40—60-х годах XVIII в. // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. 1967. Вып. 43. Ч. 1. С. 3.

¹²Цит. по: *Иванов П.В.* Социально-политические представления помещичьих крестьян в России 40—60-х годов XVIII в. // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. 1967. Вып. 37. Ч. 1. С. 52, 60. См. также: РГАДА: Ф. Госархива. Р. 7. Д. 2123. Л. 32.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹См. подробнее: *Рыбаков Б.А.* О двух культурах древнего феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первообытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 23—33; *Краснобаев Б.И.* Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 10—38; см.: *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России: Вторая половина XVIII — начало XIX в. М., 1983. См. также серьезную критическую рецензию А.Н. Севастьянова на эту книгу (Русская литература. 1986. № 3. С. 195—201); *Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. М., 1963; *Миненко Н.А.* Фольклор в жизни западносибирской деревни XVIII — 60-х годов XIX в. // Сов. этнография. 1983. № 3; *Шелковников Б.А., Гольдберг Т.Г.* Прикладное и декоративное искусство // История русского искусства. М., 1961. Т. 7. С. 367—414; *Каменская М.Н.* Народное искусство // Там же. С. 415—448.

²См. их характеристику: *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 194—196.

³*Клейн Л.С.* Археологические источники: Уч. пособие. Л., 1978; Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963; Основы советского музееведения. М., 1955. С. 26—33.

⁴Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 20, 28, 55, 59; Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1. С. 17, 20, 29, 109, 119.

⁵См. об этом: *Соколова В.К.* Фольклор как историко-этнографический источник // Сов. этнография. 1960. № 4. С. 11—16; *Чистов К.В.* Фольклор и этнография // Там же. 1968. № 5. С. 3—12; *Пушкарев Л.Н.* Специфика фольклора как исторического источника // Современное состояние народного творчества. Л., 1970. С. 21—22; *Чистов К.В.* Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 3—15; *Вдовин И.С.* О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Там же. С. 16—24.

⁶Об этом хорошо сказал еще Н.В. Гоголь, характеризуя украинские песни: "Исто-

рик не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в явном величии” (Гоголь Н.В. о Малороссийских песнях // ЖМНП. 1834. № 4. С. 17; см. также: Черепнин Л.В. Исторические взгляды Гоголя // Вопр. истории. 1964. № 1. С. 90).

⁷Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941. С. 14. Не останавливаясь на более поздних работах фольклористов, развивающих ту же мысль. См., например: Пугилов Б.Н. Методология сравнительного изучения фольклора. Л., 1976; Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

⁸Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX вв.: Уч. пособие. М., 1983. С. 17—23.

⁹Методическая основа именно такого подхода исследователя к источнику, когда мы стараемся выбрать из него сведения, показывающие данный факт, событие, явление, взгляд и т.д. в движении, в развитии, была заложена В.И. Лениным в его работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов»: «...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего». См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 181.

¹⁰См. подробнее: Пыпин А.Н. Дело о песнях в XVIII в. // Изв. ОРЯС АН. СПб., 1900. Т. V, кн. 2. С. 554—590; Веселовский А.Н. Сказки об Иване Грозном // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. № 4. С. 313—323; Симоны П.К. Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 гг. // Живая старина. 1903. Т. 13. (вып. 2). С. 225—227.

¹¹Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. Т. XV. С. 98—99.

¹²Белокуров С.А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 533.

¹³См. об этом подробнее: Савушкина Н.И. Русский народный театр. М., 1976. С. 81—86; Она же. Русская устная народная драма. М., 1976—1978. Вып. 1—2; Она же. Русская народная драма: Художественное своеобразие. М., 1988. См. также рецензию Л.Н. Пушкарева на эту книгу: Сов. этнография. 1990. № 1. С. 157—159

¹⁴Литература по фольклористике последних лет см.: Мельц М.Я. Русский фольклор. Библиографич. указатель. Л., 1984—1985. Ч. 1—2. Особо следует отметить работы: Шелтаев Л.С. Сказы о Степане Разине XIX в. // Историко-литературный сборник (Исследования и материалы). Л., 1966. С. 294—358; Он же. Разинский эпос в записях советского времени // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1968. Т. 376. С. 180—200; Плошук Г.И. Народные повествования о Пугачеве. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Л., 1971; Фольклор крестьянской войны 1773—1775 годов // К 200-летию пугачевского восстания. Сб. науч. статей. Л., 1973.

¹⁵Шелтаев Л.С. Разинские предания в Сибири // Эпическое творчество народов Сибири. Улан-Удэ, 1973. С. 80; См. также: Мавердин В.В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке (1773—1790 гг.): Курс лекций. Л., 1975. С. 155—176.

¹⁶Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 16; См. также: Гусейнов Ш.М. Фольклор как компонент общественного сознания. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1973.

¹⁷О распространении сказок в дворянской среде в XVIII в. см.: Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1. Вып. 1; СПб., 1910. Вып. 2; Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых ключей. М., 1964; Пушкарев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980. При царском дворе в XVII—XVIII вв. существовали особые придворные должности “бахарей” (т.е. сказочников) и шутов, получавших довольно значительное жалованье. См.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М., 1915. Ч. 2. С. 661—662. Любовные песни русских дворян XVII в. дошли до нас. См.: Сперанский М.Н. Из материалов

для истории русской песни // Изв. АН СССР. Сер. VII. Отд. общ. наук. 1932. № 10. С. 913—934. См. также: *Поздеев А.В.* Лирические песни XVII в. // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 78—96; *Он же.* Рукописные песенники XVII—XVIII вв.: Из истории песенной силлабической поэзии // Учен. зап. Моск. гос. заочн. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 103—105.

¹⁸Так, грамота царя Алексея Михайловича от 20 декабря 1648 г. дмитровскому воеводе Ивану Окинфовичу Шишкову предупреждала, что тех, кто "охотятца на улицах и на полях... и поют бесовские песни... и загадки загадывают и сказки сказывают небыльные... и велеть бить батоги; а которые люди от такого безчиния не останут... и тех по нашему указу велел сылать... в украинные города за опалу". См.: *Харузин Н.Н.* К вопросу о борьбе московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века // Энт. обозрение. 1897. № 1. Отд. IV. С. 147—149.

¹⁹*Желобовский А.И.* Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества: Историко-литературный очерк. Воронеж, 1892. (отд. отт. из "Филологических записок"); *Перетц В.Н.* Из истории пословицы // ЖМНП. 1898. № 5. С. 104—117; *Ляцкий Е.А.* Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках // Изв. ОРЯС АН. 1897. Т. 2. Кн. 3. С. 745—782; *Белов И.Д.* Русская история в народных поговорках и сказаниях // Ист. вестник. 1884. № 8. С. 233—262; *Кузнецов Я.* Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам // Живая старина. 1903. Вып. 3. С. 396—404; *Пушкарев Л.Н.* Труд как основа общественно-социальных идеалов волшебной сказки // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. М., 1953. Т. 20. С. 127—150.

²⁰*Мельник В.М.* Фольклор як історичне джерело. Львів, 1966; *Он же.* Украинский фольклор периода феодализма как исторический источник: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973.

²¹Их общий обзор. см.: *Шахнович М.И.* Краткая история собраний и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. 1936, № 4/5. С. 300—304.

²²Там же. С. 304—309. Пословицы публиковались и в журналах XVIII в. (например, в журнале "И то, и сию" М.Д. Чулкова было опубликовано 62 пословицы), и в специальных сборниках (например, в "Письмовнике" Н. Курганова, выдержавшем 11 изданий в XVIII—XIX вв., опубликовано 908 пословиц. См.: *Курганов Н.Г.* Российская увеселительная грамматика, или Всеобщее Письмословие... СПб., 1769. С. 109—125. В книге Г.Г[ромова] "Любовники и супруги или мужчины и женщины (некоторые). И то, и сию. Читай, смекай, и, быть может, слюбится" (СПб., 1798) опубликовано 498 пословиц) и т.д.

²³*Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России Леклерка, СПб., 1788. Т. 1. С. 98—101; Т. 2. С. 54. См. также: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1880. Вып. 5. С. 247.

²⁴Словарь Российской академии. СПб., 1789. С. XIV.

²⁵Плачи XVIII в. дошли до нас лишь в единичных записях. См.: *Дергачева-Скоп Е.И.* "Сердца болезнь сестры убодающ остен" — рукописный плач середины XVIII в. // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. Вып. 14. С. 41—68.

²⁶*Ахмедов А.* Влияние устного народного творчества на развитие общественно-философской мысли // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 8. С. 29.

²⁷*Ушинский К.Д.* Родное слово: Книга для учителя // Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 298.

²⁸Подробнее см.: *Кравцов Н.И.* Проблемы славянского фольклора. М., 1972. С. 92.

²⁹См. обзор работ по лингвистическому изучению пословицы в указателе: *Мельц Л.Я.* Русский фольклор: Библиографический указатель. 1966—1975. Л., 1984. Ч. 1. С. 296—300; *Савова П., Жигулев А.* Лексическое богатство русских пословиц и поговорок // Науч. тр. Пловд. ун-т. Руска филология. 1985. Т. 23, № 2. С. 235—242; *Зукин С.Г.* Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 135—146; *Морозова Л.А.* Художественные формы посло-

- виц // Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972. С. 3—17; *Митропольская Н.К.* Русские пословицы как малый жанр фольклора. Вильнюс, 1973; *Федоренко Н.Т.* Афоризм как жанр словесного искусства // *Вопр. литературы.* 1973. № 9. С. 135—146; *Морозова Л.А.* Идеино-художественная ценность русских народных пословиц. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1974; *Meister G.* Russische Sprichwörter im Vergleich zu deutschen Sprichwörter (Zur Problem von Nationalen und Internationalen in der Folklore) // *Wissenschaftliche Zeitschrift in der Wilhelm-Pieck-Universität Rostok. Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe.* Rostok, 1987. Jg. 36. N. 5. S. 102—122; *Раскин Д.И.* Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии // *Русский фольклор.* Л., 1972. Т. 13. С. 202—212; *Ибраимов К.* Проявление наивно-материалистических тенденций в пословицах и поговорках // *Труды Пржевальск. гос. пед. ин-та.* 1970. Т. 16. С. 74—92; *Puschkarjov L.N.* Soiales Gedankengut im russischen Sprichwörter: Quellenkundlichen Probleme, demonstriert am Materialien des 17. Jahrhunderts // *Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte.* В., 1982. Bd. 24. S. 97—115.
- ³⁰См.: *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор М., 1957. С. 33; *Чичеров В.И.* Сборник Владимира Даля "Пословицы русского народа" // *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. IV.
- ³¹*Крикманн А.А.* К проблеме исследования содержания и мировоззрения пословиц. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Таллинн, 1975. С. 4.
- ³²*Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9-ти томах. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 62; *Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // *Собр. соч.* М., 1948. Т. 2. С. 122.
- ³³*Горький М.* Собр. соч.: В 30-ти томах. М., 1955. Т. 29. С. 402; Т. 27. С. 442; Т. 28. С. 215.
- ³⁴*Лазутин С.Г.* Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Л., 1971. Т. 12. С. 135—146.
- ³⁵*Даль В.И.* Пословицы русского народа. С. 18—19.
- ³⁶*Шолохов М.А.* Сокровищница народной мудрости // Там же. С. III.
- ³⁷*Гвоздарев Ю.* Предисловие // *Спирин А.С.* Русские пословицы. Ростов-на-Дону, 1985. С. 9.
- ³⁸*П.К. Симони* высказал предположение, что составителем этого сборника был монах Чудова монастыря Евфимий, однако ничем не мотивировал этого довода. См.: С. I. С. 68—71.
- ³⁹Описание сб. см.: С. II. С. 112—114.
- ⁴⁰Подробное описание сборника см.: *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков.* М.; Л., 1961. С. 249—251.
- ⁴¹См.: *Компан О.С.* Перша збірка українських приказок // *Вітчизна.* 1958. № 12. С. 183—190; *Попов М.В.* Развитие української фольклористики // *Українська народна поетична творчість,* Київ, 1958. Т. 1. С. 78; *Гуслистий К.Г., Горленко В.Ф.* О периодизации истории украинской этнографии // *Сов. этнография.* 1961. № 4. С. 136; *Колосова В.П.* Прислів'я і приказки у віршах Климентія Зіновієва // *Народна творчість та етнографія.* 1962. № 2. С. 112—116; *Она же.* Климентій Зіновієв. Київ, 1964; *Рыжук Д.А.* Пословицы и поговорки, собранные Климентием Зиновьевым // *Науч. докл. высш. школы. Филол. науки.* 1963. № 3. С. 188—190; *Горленко В.Ф.* Нариси з історії української етнографії. Київ, 1964. С. 85—90.
- ⁴²*Зіновієв К.* Вірші. Приповісті посполиті. Київ, 1971. С. 211—266.
- ⁴³*Винтер Э. И.В.* Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // *XVIII век.* М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 313—322.
- ⁴⁴Подробное описание сборника см.: *Пословицы, поговорки, загадки...* С. 253—255.
- ⁴⁵*Бомштейн Г.И.* Рукописный сборник пословиц, составленный В.Н. Татищевым // *Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та.* Пермь, 1957. Вып. 16. С. 89—97. Подробное описание сборника см.: *Пословицы, поговорки, загадки...* С. 257—259.
- ⁴⁶Подробное описание сборника см.: *Пословицы, поговорки, загадки...* С. 259—260.
- ⁴⁷Уточнение хронологических рамок сборника см.: *Адрианова-Перегэ В.П.* Из истории русских рукописных сборников пословиц XVII—XVIII вв. // *Страницы истории русской литературы.* М., 1971. С. 26.

⁴⁸ Шаповалова Г.Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Вып. 4. С. 308.

⁴⁹ Подробное описание сборника см.: Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С. 24—30.

⁵⁰ Описание сборника и публикацию текста см.: Романов Е.Р. Древние русские пословицы // Зап. Северо-Западного отдела Русск. географич. общ. 1910. Кн. 1. С. 214—217; Кн. 3. С. 221—236.

⁵¹ Чернышев В. Русский песенник середины XVIII в. // XVIII век: Сборник 2. М.; Л., 1940. С. 275—292.

⁵² См. подробнее: Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. М., 1982, а также рецензию Л.Н. Пушкарева на эту книгу (История СССР. 1985. № 2. С. 184—185).

⁵³ См., например: Чулков М.Д. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных престопадных обрядов, колдовства, шаманства и проч., сочинения М.Ч. М., 1786. См. также: Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1; Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966; Миненко Н.А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1979. № 6; Смирнова В.И. Изучение досуга и развлечений крестьян краеведами Западной Сибири (40—60-е годы XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1985; Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник // Сов. этнография. 1961. № 1. С. 20—28. Громыко М.М. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII — первой половины XIX вв. // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 97—124.

⁵⁴ Могильницкий Б.Г. О природе человеческого познания. Томск, 1978. С. 61.

⁵⁵ Каллистов Д.П. Учение В.И. Ленина о двух культурах в применении к культуре античного общества // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 416.

⁵⁶ См.: Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937; Она же. Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954.

⁵⁷ См., например: Малышев В.И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442—457; Демин А.С. Две коллекции столбцов Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР // Там же. С. 458—461. О значении челобитных говорил и П.В. Иванов — см. введение к настоящей работе. См. также: Миненко Н.А. Письма сибирских крестьян XVIII века // Вопр. истории. 1983, № 8. Видное место среди письменных источников, исходящих от крестьян, занимают и "мирские" приговоры (см.: Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1977. С. 33—103). Шептаев Л.С. Следы разинского цикла в письменности XVII—XVIII вв. // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1971. Т. 414. С. 3—20; Буганов В.И. Прокламации С.Т. Разина и его сподвижников — памятник идеологической борьбы в годы второй крестьянской войны в России // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 287—306; Он же. Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопр. истории. 1974. № 1. С. 44—60; Раскин Д.И. Мирские челобитные монастырских крестьян первой половины XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 175—185; См. также: Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973; Крестьянская война в 1773—1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1961—1970. Т. 1—3.

⁵⁸ Яркий образец подобного рода крестьянских челобитных привел Н.Н. Покровский: это подписанное 81 крестьянином Чаусского острога на Оби (позднее — г. Колывань) "Известие", созданное перед самосожжением 172 крестьян-старообрядцев ("Чауская гарь" 1765 г.) и содержащее красочную характеристику русских государственных и духовных властей, которые "жестоки, гневливы, наглы, моты, нестройны, страшны, ненавистны, мерски, некротки, мучители и лукавы" (см.: Покровский Н.Н.

К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 53). Проблемы источниковедческого анализа крестьянских челобитных поставлены в ряде работ. См.: *Вагина П.А.* Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50–60-х годах XVIII в. // Учен. зап. Сverdловск. гос. пед. ин-та. 1955. Вып. 2. С. 141–164; *Алефиренко Л.К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-годы XVIII в. М., 1958. С. 187, 292–327; *Бернадский В.Н.* Очерки по истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII в. // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1962. Т. 229. С. 33–41; *Раскин Д.И.* Крестьянские челобитные в крупной монастырской вотчине в первой четверти XVIII в. // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 186–194; *Пушкаренко А.А.* Крестьянские челобитные как источник для изучения классовой борьбы российского крестьянства в феодальную эпоху // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 168–178. Публикацию челобитных см. в приложении к кн. *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 192–262; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.) Новосибирск, 1979. С. 309–327.

⁵⁹См. подробный анализ “расспросных пыточных речей” пленных восставших из войска С.Т. Разина: *Степанов И.В.* Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1. С. 14–21; *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы. Т. 1–2. М.; Томск, 1909–1911; *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957; *Юшков С.В.* История государства и права. М., 1961. Ч. 1. С. 319–320. См. также: *Маеродин В.В.* Советская историография крестьянских войск в России // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. С. 80–82; *Черепнин Л.В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. С. 9–10; *Мирошниченко П.Я.* Пословицы и поговорки как источник по истории сознания крестьянства периода крепостничества // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 139–142; *Горелов А.А.* Фольклор и социальная борьба // Русский фольклор. Т. 15: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. С. 4.

⁶⁰*Ревякин А.И.* Крестьянская литература // Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи. М.; Л., 1931. С. 8.

⁶¹См.: *Забелин И.Е.* О памятниках протонародной литературы // Библиографические зап. 1892. № 2. С. 82. Здесь в “Списке глухого паспорта” также идет речь о беглом крестьянине Разбегае Иванове Прытком, отпущенном “покоритца в работу для скудости и бедного его ремесла скорой добычи и легкой шибавой работы в Московской везд в разные волости и вотчины”.

⁶²*Кузьмина В.Д.* Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века // Зап. отдела рукописей ГБЛ. Вып. 17. М., 1955. С. 154.

⁶³В.Д. Кузьмина справедливо сравнивает эту юмористическую хронологию “Завещания” с подобным обозначением в известном лубочном листе “Как мыши kota хоронили”. См.: *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1981. Т. 1. № 166.

⁶⁴См.: *Кузьмина В.Д.* Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 149–150; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1. С. 269–270.

⁶⁵*Бакланова Н.А.* Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 197–205; *Благовещенская Е.В.* Надписи крестьян и дворовых XVIII–XIX вв. на книгах // История СССР. 1965. № 1. С. 140–142; *Поздеева И.В.* Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976: Читатель и книга. М., 1978. С. 39–54; *Апанович Е.М.* Исторические записи на старопечатных и рукописных древних книгах // История СССР. 1979. № 2. С. 151–161; *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. М., 1984.

⁶⁶См.: *Краснобаев Б.И.* Основные черты и тенденции развития русской культуры XVIII в. // *Очерки русской культуры XVIII века.* М., 1985. Ч. 1. С. 27.

⁶⁷Общую характеристику лубка XVIII в. см.: *Гуковский Г.А.* Солдатские стихи XVIII века // *Лит. наследство.* М., 1933. Т. 9/10. С. 112—152.

⁶⁸*Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 330, № 110; С. 268, № 81 ("Мысли ветреные"); С. 256, № 72. Анализ этих картинок см. также: *Ружица В.Ф.* Первые начатки крестьянской литературы // *Земля советская.* 1931. № 7. С. 88—92. О значении лубка для характеристики духовного мира русского крестьянина см.: *Пушкарев Л.Н.* Русский лубок как памятник народной культуры // *Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора.* Воронеж, 1984. С. 86—96.

⁶⁹Искажение крестьянских взглядов в передаче помещиков-крепостников — явление, давно уже отмеченное в нашей науке. Показателен в данном случае пример с А.Т. Болотовым — феодалом-крепостником, стоявшим в культурном отношении гораздо выше среднего уровня. Даже для него характерные черты крестьянства — это "крайняя глупость, непросвещенность, грубое невежество и ... дурнота нравственного характера", что и привело в конце концов к "звериному буйству" во времена пугачевщины. См.: *Морозов И., Кучеров А.Я.* Из неизданного литературного наследия Болотова // *Лит. наследство.* Т. 9/10. С. 153—221. Рассказывая о "мирной, сельской, спокойной и уединенной" жизни в своем Дворянинове, он невозмутимо перечислял, как он порол крестьян, сажал в рогатки и на цепь, кормил сеledкой без воды и проч. Показательна также оценка, данная крестьянину в одной из анонимных записок, поданных в свое время в Коллегию экономии (в середине 60-х годов XVIII в.): "Крестьянин — создание, которое совсем не думает, естественный инстинкт заменяет ему разум!" (см.: РГАДА. Госархив. Разряд. 18. Оп. 1. Д. 157, л. 5).

⁷⁰*Маньков А.Г.* Крестьянский вопрос в Палате об Уложении 1700 г. // *Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XVI—XVII вв.* Л., 1960; *Валк С.Н.* "Суд о крестьянах" в Палате об Уложении 1700 г. // *Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия.* Сб. статей. М., 1952; *Беляевский М.Т.* Представительство крестьян в Уложенной комиссии 1767—1768 гг. // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.* М., 1963; *Он же.* Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // *Новое о прошлом нашей страны (Памяти акад. М.Н. Тихомирова).* М., 1967.

⁷¹*Карацуба И.В.* Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (стереотипы восприятия и оценок ими российской действительности) // *История СССР.* 1985. № 4. С. 166—172; *Она же.* Русская художественная культура последней трети XVIII — начала XIX в. в восприятии английских путешественников // *Вестн. МГУ. Сер. 8. История.* 1986. № 1. С. 59—70; *Изюмский А.Б.* Записки современников как источник по истории российского крестьянства XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Артемова Е.Ю.* Впечатления французских путешественников о русской культуре последней трети XVIII века // *Культура средних веков и нового времени.* М., 1987. С. 69—79; *Она же.* Записки французских путешественников о культуре России последней трети XVIII века // *История СССР.* 1988. № 3. С. 165—173; *Она же.* Культура и быт России последней трети XVIII века в записках французских путешественников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

⁷²*Карацуба И.В.* Россия последней трети XVIII — начала XIX века в восприятии английских современников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Она же.* Записки английских путешественников последней трети XVIII — начала XIX в. как источник русской художественной культуры // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Межвузовский сб. науч. трудов.* Днепропетровск, 1985. С. 88—93; *Курносоев А.А.* Методы исследования мемуаров. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; *Он же.* Приемы внутренней критики мемуаров // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.* М., 1969; *Бушканец Е.Г.* О классификации мемуарных источников // *Русская литература и освободительное дви-*

жение. Казань, 1972; *Гладков А.К.* Мемуары — окна в прошлое // *Вопр. литературы.* 1974. № 4.

⁷³*Токарев С.А.* Первая сводная этнографическая работа о народах России // *Вестн. МГУ. Историко-филологич. сер.* 1958. № 4.

⁷⁴Пословицы, поговорки, загадки... С. 23.

⁷⁵Правда, система записи былин и песен Киршей Даниловым довольно подробно восстановлена. См.: *Путилов Б.Н.* Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // *Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым.* М.; Л., 1958. С. 513—565.

⁷⁶*Колесницкая И.М.* Русские сказочные сборники последней четверти восемнадцатого века // *Учен. зап. ЛГУ. Сер. филологич. наук.* Л., 1939. Вып. 2, № 33, С. 189—218; *Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. М., 1963. С. 30—35.

⁷⁷*Канн-Новикова Е.* Собиратель русских народных песен Н.А. Львов // *Сов. музыка.* 1951. № 12. С. 77—81; *Ливанова Т.Н.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы. М., 1952—1953. Т. 1—2.

⁷⁸*История русской литературы.* М.; Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 375—376. Глубоко справедлив вывод исследователя: "Пословицы, изданные Екатериной II, именем народа освящали самодержавный режим, словесное разделение, проповедовали смирение и покорность как норму поведения подданных в государстве" (*Макогоненко Г.Л.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 479—481. См. также: *Серман И.З.* Ипполит Богданович и официальная обработка фольклора в 1780-е годы // *Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.).* Л., 1970. С. 306—325).

⁷⁹*Мальшев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 34—44; *Он же.* Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси. Л., 1967. С. 20—27; *Поздеева И.В.* Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог. М., 1981.

⁸⁰*Черепнин Л.В.* Исторические труды академика Д.С. Лихачева // *Вопр. истории.* 1977. № 1. С. 134—135.

⁸¹См. подробнее: *Коган Л.А.* Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли // *Вопр. философии.* 1963. № 2. С. 82—92.

⁸²*Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII в. Очерки истории. М., 1982. С. 100—105.

⁸³*Ровинский П.А.* Рец. на кн.: *Симони П.К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1—2 // *Изв. ОРЯС АН,* 1990. Т. 5, кн. 1. С. 305—309; *Марков А.В.* Рец. на кн.: *Симони П.К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899 // *Этнографич. обозрение.* 1900. № 3. С. 150—152.

⁸⁴Насмешка над лентяями и бездельниками встречается и в русской народной сказке, а образы лентяев Фомы и Еремы проникли и в лубок, и в рукописную сатирическую повесть. В ней в самых неприглядных тонах и красках изображается жизнь двух обедневших дворянских детей, владевших некогда селами и поместьями, но неумехах и лентяях. Обеднели они по своей вине: делать ничего не умели, какому-нибудь ремеслу обучены не были, все валилось у них из рук, были они глупы, недотемки и ленивы. Повесть о Фоме и Ереме, несомненно, сложена в трудовой среде, ценявшей мастерство, умение, трудолюбие и осуждавшей лень, безделье и глупость. Об этой повести см.: *Аристов Н.Н.* Повесть о Фоме и Ереме // *Древняя и новая Россия.* 1876. № 1. С. 358—368; *Адрианова-Перетц В.П.* Русская демократическая сатира XVII в. С. 198—199; *Демократическая поэзия XVII века.* М.; Л., 1962.

⁸⁵Правда, уже в XVII в. появились и пословицы о труде кузнеца, созданные в городской ремесленной среде, например: "Хорошо ожерелье на Тульское дело в три молота стегано" (С. I. 2470; О. 180) или: "Шито ожерельице в два молота на стуле" (С. I. 2680). О развитии промышленности в Туле в XVI—XVIII вв. см.: *Шумилов И.Н.* История города Тулы и императорского Тульского оружейного завода. Тула, 1889; *Бакулев Г.Д.* Тульская промышленность: Историко-экономический очерк. Тула, 1952.

⁸⁶Впервые тонкий психологический анализ этой поговорки был проведен В.П. Адриановой-Перетц в кн.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 439.

⁸⁷*Ророн Н.А.* Zwei Bruchstücke der russischen Volksdichtung aus der Zeiten Peters des Grossen // Archiv für slavische Philologie. B., 1888. Bd. 6. Hf. 4. S. 614.

⁸⁸*Домановский Л.В.* Народное потаенное творчество // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970. С. 256—257.

⁸⁹См. об этом подробнее: *Лихачев Д.С.* Возникновение русской литературы М.; Л., 1952; Он же. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVIII вв. // Русская литература. 1972. № 2. С. 3—36.

⁹⁰См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1911. Т. 2. С. 85; *Персиц М.М.* Из истории народного свободомыслия в России: (Дела о "богохульстве" в первой половине XVIII в.) // Вопр. истории, религии и атеизма: Сб. статей. М., 1950. Вып. 1. С. 137—154.

⁹¹*Пушкарев Л.Н.* Критики церкви и духовенства в трудах И.Г. Прыжова // Там же. М., 1954. Вып. 2. С. 128—154; *Шахнович М.И.* Критика легенды о "русском народе-богоносце" // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1962. С. 261—290; *Москалец В.П.* Реакция на суть концепції про "врожденну релігійність" українського народу // Антиккомуністична сутність уніатсько-націоналістичної фальсифікації історії українського народу. Київ, 1984. С. 177—183.

⁹²См., например: *Мартьянов П.К.* Умные речи, красные слова. СПб., 1884; *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова. СПб., 1897; *Тимошенко И.Е.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897; *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. СПб., 1903—1904. Т. 1—2; *Абрамов Н.* Книга цитат. СПб., 1912. Именно из-за наличия антирелигиозных пословиц в известном сборнике В.И. Даля выход этой публикации в свет был задержан на целых восемь лет происками православных богословов, боявшихся оскорбить религиозные чувства верующих. См.: *Шамаро А.А.* Православие и русская культура: Церковные притязания и историческая реальность. М., 1980. С. 40. См. также: Пословицы и поговорки о полах и религии. М., 1933; *Галицкая И.А.* Мысли о религии. М., 1962; *Федорова В.П.* Антирелигиозная и антицерковная темы в дореволюционном зауральском фольклоре: На материале современной Курганской области // Вопр. истории и теории литературы. Челябинск, 1972. Вып. 9/10. С. 3—16; *Нагорный Г.П.* Как верили предки. М., 1975, и др.

⁹³*Митропольская Н.К.* Русские пословицы как малый жанр фольклора. Вильнюс, 1973. С. 16.

⁹⁴На одном из свитков с азбукой сохранилась запись об ее авторе: "Писал сию азбуку села Глебовского многогрешный раб божий поп Василий Иванов Братищев. Лета 1670 своею рукою" (РГБ. Ф. 178. Д. 872).

⁹⁵Там же. Ф. 92. Д. 3893; Ф. 178. Д. 3071; Д. 872.

⁹⁶*Кобленц И.Н.* Андрей Иванович Богданов: 1692—1766: Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958. С. 108—109.

⁹⁷О близости афоризма и пословицы см.: *Гудок В.С.* Афоризм и пословица // Вопр. русской литературы. Львов, 1967. Вып. 2 (5). С. 88—96; *Федоренко Н.Т.* Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства). М., 1975. См. также: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1955; Крылатые слова по толкованию С. Максимова. М., 1955; *Шанский Н.М.* В мире слов. М., 1971; *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М., 1975.

⁹⁸*Сирот И.М.* Параллели: Библейские тексты и отражение их в изречениях русской народной мудрости. Одесса, 1897. Вып. 1: Изречения и притчи Ветхого завета в сопоставлении с русскими народными пословицами и поговорками. С. 14—15.

⁹⁹*Пушкарев Л.Н.* Критика религии и церкви И.А. Худяковым // Вопр. истории религии и атеизма. Сб. статей. М., 1955. Вып. 3. С. 196.

¹⁰⁰О сходстве и различии пословиц и поговорок см.: *Кожин А.Н.* О разграничении пословиц и поговорок // Учен. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской, 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 5–12; *Лазугин С.Г.* Поговорка – цветочек, пословица – ягодка // Русская речь. 1985. № 4. С. 121–125.

¹⁰¹Важный историко-лингвистический вопрос о путях передачи афоризмов от народа в пословице был поднят еще В.Н. Перетцом, однако полного разрешения не получил. См.: *Перетц В.Н.* Из истории пословицы // ЖМНП. 1897. № 5. С. 104–111.

¹⁰²*Путилов Б.Н.* Введение // Пословицы, поговорки, загадки... С. 7–8, 11.

¹⁰³*Адрианова-Перетц В.П.* Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в. // Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. С. 432. См. также: *Митрофанов В.В.* Народная поэзия в литературе на рубеже новой эпохи (XVII в.) // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 69–86.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹*Венедиктов Г.Л.* Эволюция социального протеста в бытине и проблема коллективного сознания крестьянства // Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15: Социальный протест в народной поэзии. С. 6.

²Старинное острошловие, Прошение в небесную канцелярию // Русский архив. 1875. Т. 3. С. 855.

³См. подробнее: *Робинсон А.Н.* К проблеме "богатства и бедности" в русской литературе XVII в. (Толкование притчи о Лазаре и богатом) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 124–155.

⁴*Ключевский В.О.* История сословий в России // Соч. Т. 6. М., 1959. С. 340.

⁵*Юшков С.В.* К вопросу о смердах // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1923. Т. 1. Вып. 4. С. 34.

⁶*Кольчева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971; *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973.

⁷*Тихонравов Н.С.* Плач холопов прошлого века // Почин: Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. С. 11–14.

⁸*Покровский Н.Н.* Крестьянский побег и традиции пустынно-жительства в Сибири XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 19–49; *Мамсик Т.С.* Крестьянская среда и беглец (По материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в.) // Там же. С. 85–109.

⁹См. подробнее: *Снежеевский В.И.* К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII в. и в XIX столетиях // Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1890. Т. 10. С. 517–595; *Мамсик Т.С.* О борьбе с побегими мастеровых и приписных крестьян на Колывано-Воскресенских горных заводах во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Бахрушинские чтения. 1973. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 13–21; *Она же.* Побег как социальное явление: Приписная деревня в Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978.

¹⁰*Гроссман Л.Л.* Поэты крепостной поры. М., 1926. С. 59–60. Полный текст этой довольно большой песни см.: Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1890. Т. 10. С. 555–556.

¹¹О месте мира, общины в формировании, хранении и изменении народных традиций см.: *Громыко М.М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Сов. этнография. 1984. № 5. Материалы обсуждения этой статьи см.: Сов. этнография. 1985. № 5. См. также: *Она же.* Сельская община в Сибири XVIII – первой половине XIX в. // Бахрушинские чтения, 1973. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 22–34; *Она же.* Община в обычном праве сибирских крестьян XVIII – 70-х годов XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Таллинн, 1974. С. 388–396.

¹²Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1957. Т. 2. С. 65. См. также: Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., С. 144–148. Подробнее см.: *Побережников И.В.* Новые материалы по истории классов-

вой борьбы в Западной Сибири XVIII в. (Дело о Бердском "скопе") // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 64—74; *Литвак Б.Г.* Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. С. 16—30.

¹³См. подробный анализ пословиц и сказов о крепостной доле: *Бродский Н.Л.* Крепостное право в народной поэзии // Великая реформа. М., 1911. Т. 4. С. 1—33.

¹⁴*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 568.

¹⁵*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 382.

¹⁶*Коваленко Л.* О влиянии Французской буржуазной революции на Украину // Вопр. истории. 1947. № 2. С. 84. См. также: *Штранге М.М.* Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг. М., 1965. С. 47—65.

¹⁷См. подробнее: *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 156—161.

¹⁸См.: *Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф.* "Повесть об убогом человеке, како от дьявола произведен царем" и ее усть-цилемская обработка // ТОДРП. 1965. Т. 21. С. 252—258.

¹⁹См.: *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // Соч. М.; Л., 1925. Т. 20. С. 348—352.

²⁰Цит. по: *Кельсиев В.И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 261—262.

²¹См.: *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. С. 201—219, 262.

²²*Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 165—220.

²³Как справедливо замечает *Н.Н. Покровский*, "крестьяне выявляли в своих жалобах хорошее знание законов Российской империи". См.: *Покровский Н.Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 77; *Он же.* Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири XVIII в. о светских властях // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Таллинн, 1974. С. 167—176.

²⁴*Адрианова-Перетц В.Л.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937; *Она же.* У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954; 2-е изд. М.; Л., 1977.

²⁵См. подробнее: *Пушкарев Л.Н.* Государство и власть в общественно-политической мысли конца XVII в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 190—191.

²⁶См.: *Пушкарев Л.Н.* Симеон Полоцкий // Жуков Д.А., Пушкарев Л.Н. Русские писатели XVII в. М., 1972. С. 305—316.

²⁷*Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915. С. 18.

²⁸Почин: Сборник общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. С. 12; *Миненко Н.А.* Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1980. № 5. С. 26—27.

²⁹Прблог. М., 1675. Л. 299.

³⁰*Державина О.А.* Социальные и исторические темы в пятом издании Прблога // Литературный сборник XVII века Прблог. М., 1978. С. 127.

³¹*Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 182.

³²Цит. по: *Курсков Ю.В.* Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40—60-х годов XVII в. (Уч. пособие). Чита, 1973. С. 45.

³³Цит. по: *Покровский Н.Н.* К изучению памятников протеста крестьян-старооб-

рядцев Западной Сибири середины XVIII в. // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. Вып. 2. С. 53. См. также: *Копанев А.И.* Правотворчество и правосознание северного крестьянства в XVI—XVII вв. // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. Вологда, 1980. С. 53—55; *Камкин А.В.* Некоторые черты правотворчества государственных крестьян // Там же. С. 48—50; *Бакланова Е.Н.* Земельный оброк и правовые порядки черносошных крестьян XVII в. // Там же. С. 51—53; *Куандыков Л.К.* Старобрядцы-беспоповцы на русском Севере в XVIII — первой половине XIX вв.: Организационно-уставные вопросы (по старообрядческим памятникам). Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.

³⁴ Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2, № 163. С. 570.

³⁵ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 28. Широко известно предание о наказании Иваном Грозным воеводы-взяточника. См.: Известия иностранцев о России // Русский вестник. 1841. № 7. С. 177.

³⁶ ПСЗРИ. Т V. № 2871. С. 135—136; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 404; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 372—373; *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 102.

³⁷ *Капнист В.В.* Ябеда. СПб., 1798. С. 28. См. также: История русской литературы. Т. 4: Литература XVIII века. М.; Л., 1947. Ч. 2. С. 487—490.

³⁸ *Сушицкий Ф.* Из литературы эпохи Петра Великого // Филологические записки. Воронеж, 1913. Вып. 4. С. 544.

³⁹ *Юдин П.Л.* Жалоба саратовских крестьян на земский суд // Русский архив. 1908. № 10. С. 215—216. Анализ этого произведения с одновременной публикацией по другому списку см.: *Седельников А.Д.* Плач — памфлет о крепостной доле // Литература и марксизм. 1931. Кн. 4. С. 126—136.

⁴⁰ ПСЗРИ. Т. VI. № 3970. С. 556.

⁴¹ См.: *Бахрушин С.В.* Торговые крестьяне в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 118—133.

⁴² Примером их могут служить Федотовы-Гусельниковы, происходившие из крестьян Комарицкого стана Устюжского уезда. Первоначально двое братьев, — Василий по прозвищу "Скорая запись" и Афонасий Федотовы, — разбогатели на сибирской торговле и промыслах... Одними из самых богатых торговых людей в первой половине XVII в. были Глотовых, принадлежавшие боярину князю Ю.Я. Сулешеву". См.: *Базилевич К.В., Устюгов Н.В.* Торговля // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 126.

⁴³ *Посошков И.Т.* Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 117—118.

⁴⁴ *Кафенгауз Б.Б.* Торговля // Очерки истории СССР: Период феодализма. Первая четверть XVIII в. Преобразования Петра I. С. 139; ПСЗРИ. Т. IV. № 2349. С. 663; Т. V. № 1770. С. 81; Т. VII. № 4312. С. 122—123.

⁴⁵ *Заозерская Е.И.* Торговля и купечество // Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С. 158.

⁴⁶ *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 1. С. 130.

⁴⁷ Материалы для истории московского купечества. М., 1883. С. 1—165; РГИА. Ф. Комиссии о коммерции. Оп. 1. Д. 106.

⁴⁸ *Яковцевский В.Н.* Торговля // Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 120, 138; ПСЗРИ. Т. XV, № 11489. С. 960; РГАДА. Гос. архив. разряд XIX. Д. 286. Ч. 3. Л. 360; *Греков Б.Д.* Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. // Летопись занятий Археографич. комиссии за 1927—1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 62—63.

⁴⁹ Судя по старой форме *глазы* (ср. также "Глазы пива не выпить" — С. I. 565), составитель сборника пословиц, действительно, старался записать их, как он сам говорит в предисловии к сборнику, "точию без украшения, как мирстии жители простою речию говорят" (С. I. 71). Для народного творчества начиная с XVII в. уже была характерна современная форма — *очи* (см., например, лирическую песню 1680 г. "Д'ой не плачьте, мои ясные очи, а не все насаждайте мое сердце"... — *Кудрявцев И.М.* Две лирические песни, записанные в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 385).

⁵⁰ См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 1. С. 291.

⁵¹ *Базилевич К.В.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. // Изв. АН СССР. Отд-ние общ. наук. 1932. № 9. С. 783—811; *Яковцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; *Боровой С.Я.* Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в. // Ист. зап. М., 1950. Т. 33. С. 110—111.

⁵² См. подробнее: *Раскин Д.И.* Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Л., 1972. Т. 13. С. 202—212; *Он же.* К вопросу об историческом изучении русских пословиц: (Опыт сравнительного анализа разновременных записей тематических групп пословиц) // *Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах... Тезисы совещания 25—27 мая 1972 г.* М., 1972. С. 29—30.

⁵³ *Маеродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1773—1790 гг.). Курс лекций. Л., 1975. С. 177.

⁵⁴ *Шевяков Д.П.* Критика представлений о религиозной основе русской национальной культуры // *Культура как целостное явление: Проблемы и методология изучения.* Л., 1983. С. 126.

⁵⁵ *Шушкова А.П.* Отражение процесса развития атеистического сознания трудящихся масс дореволюционной России в фольклоре // *Проблемы философии и социологии.* М., 1969. Вып. 1. С. 141—165; *Адрианова-Перетц В.П.* Библийские афоризмы и русские пословицы // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 24. С. 8—12.

⁵⁶ Акты археографической экспедиции... СПб., 1836. Т. 4. № 325. С. 485.

⁵⁷ Там же. № 322. С. 482.

⁵⁸ Там же. № 37. С. 57.

⁵⁹ Там же. № 328. С. 489. Церковь осуждала пьянство, причем рекомендовала своим прихожанам "утешение в вразумление изнемогающим в борьбе с духом нетрезвости". См.: *Дьяченко Г.* Христианские утешения несчастных и скорбящих. М., 1898. Ч. 1. С. 568—569.

⁶⁰ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 193—194; *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 229—231; *Руцинский Л.П.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. М., 1871 (Отд. отт. из "Чтений ОИДР", 1871. Кн. 3). Положение не изменилось и в XVIII в. Вот один лишь пример, но зато исходящий от крестьян: в 1774 г. крестьяне Белоярской слободы, жалуясь на бесчинства попа Ивана Загибалова, писали, что он "находится ежедневно в нечувствии телесном, пьянстве и такой мерзости, что тогда и ходить не может, но ползает по земле, распустя волосы, как некоторые необыкновенные животные" (цит. по: *Бульгин Ю.С.* Некоторые вопросы культуры приписной деревни Кольваново-Воскресенских горных заводов XVIII в. // *Крестьянство Сибири XVIII — начала XX вв.* С. 74).

⁶¹ *Ловягин А.М.* Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона (из неизданной голландской рукописи XVII в.) // *Ист. вестн.* 1899. № 9. С. 878.

⁶² Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. № 63. С. 176.

⁶³ *Прозоровский А.А.* Игумен Спасского монастыря Авраамий (очерк монастырского быта конца XVII столетия) // *Ист. вестн.* 1893. № 9. С. 723—724.

⁶⁴ Цит. по: *Дубасов И.И.* Рязанский архиепископ Мисаил // *Ист. вестн.* 1883. № 10. С. 111.

⁶⁵ *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1983. О типичности этого явления свидетельствует и сообщение митрополита Питирима от 1668 г., что "игумены и черные, и белые попы, и диаконы пития допьяна упиваются и о церкви божия не радят" (см.: *Буркин Н.* Монастыри в России. М., 1931. С. 23).

⁶⁶ ПСЗРИ. Т. VI. № 4022. С. 708.

⁶⁷ Цит. по: *Корзун М.С.* Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X век — 1917 год. Минск, 1984. С. 120.

⁶⁸ Цит. по: *Покровский Н.Н.* К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в. // *Бахрушинские чтения 1971 г.* Новосибирск, 1972. Вып. 2. С. 54.

⁶⁹ См.: *Ловягин А.М.* Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона... С. 879.

⁷⁰ *Шамаро А.А.* Православие и русская культура: Церковные притязания и историческая реальность. М., 1980. С. 33.

⁷¹ Не только пословицы, но и народная песня XVIII в. весьма непочтительно отзывалась о рае, сравнивая его с кабаком, а небесных ангелов — с целовальниками. Мы видим в этой песне не только отсутствие уважения к месту пребывания бесплотных небесных сил, но и горестное сознание того, что в реальной жизни того времени кабак заменял собою рай и был единственным (пусть даже и призрачным) утешением придавленного жизнью крестьянина:

Как ходил добрый молодец по чужедальной стороне,
Да зашел добрый молодец да во ту избу кабацкую,
Пропивал доброй молодец да свою золоту казачу,
Да хвалил добрый молодец ино ту избу кабацкую:
Ты изба, изба кабацкая — кабыть рай на том свету,
Голова с целовальники — кабыть ангелы крылатые...

(*Поров Н.А.* Zwei Bruchstücke der russischen Volksdichtung aus der Zeiten Peters des Grossen // *Archiv für slavischen Philologie.* В., 1882. Bd. 6. Hf. 4. S. 614).

⁷² Не случайно царский манифест от 19 февраля 1861 г. о ликвидации крепостного права заканчивался словами: "Осени себя крестным знаменем, православный народ..." См.: *Крестьянская реформа в России 1861 года.* Сб. законодательных актов. М., 1954. С. 36.

⁷³ *Рылеев К.Ф.* Стихотворения. Л., 1956. С. 364.

⁷⁴ *Емелях Л.И.* Атеистические традиции русского народа // *Атеистические традиции русского народа.* Сб. науч. трудов. Л., 1982. С. 11.

⁷⁵ Цит. по: *Зоц В.А.* Несостоятельные претензии. М., 1976. С. 28. См. также: *Ипатов А.* Православие и русская культура: Вымыслы и действительность // *Наука и религия.* 1985. № 9. С. 38–41.

⁷⁶ *Аникин В.П.* Русская народная сказка. М., 1977. С. 184; *Соколов Ю.М.* Поп и мужик: Русские народные сказки. М.; Л., 1931; *Народные сказки о боге, святых и папах: Русские, белорусские, украинские / под ред. Л.Н. Пушкирева.* М., 1963.

⁷⁷ Вопрос о грамотности русского крестьянина рассматривался в литературе, но лишь суммарно за XVIII–XIX вв.; причем данные по XIX в., вполне естественно, преобладали. Кроме того, этот анализ проводился не во всероссийском масштабе, а регионально. См.: *Рыбаков А.А.* Проблема изучения духовной культуры северного крестьянства в эпоху феодализма как идеологической системы // *Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры.* Вологда, 1980. С. 30–32; *Амосов А.А.* Книжная культура крестьянства русского Севера: Источники и перспективы разработок // Там же. С. 36–41.

⁷⁸ *Бакланова Н.А.* Русский читатель XVII века // *Древнерусская литература и ее связи с новым временем.* М., 1967. С. 162–163. См. также: *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892; *Копылов А.Н.* Домашнее и и

школьное образование в Сибири XVII—XVIII вв. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1966. № 5. Сер. общ. наук. Вып. 2. С. 86—93; *Апостолов А.Г.* Школа, образование и учебная книга в России в XVII в. // Сов. педагогика. 1974. № 3. С. 103—111; *Прокошев В.В.* Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX в. // Из истории народного образования Урала. Пермь, 1976. С. 3—21; *Миненко Н.А.* История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: Учебн. пособие. Новосибирск, 1986. С. 5—26.

⁷⁹ *Мамсик Т.С.* Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1985. С. 106.

⁸⁰ См. подробнее: *Апанович Е.М.* Исторические записи на старопечатных и рукописных книгах // История СССР. 1979. № 2. С. 151—161; *Она же.* Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 70—86; *Поздеева И.В.* Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976: Читатель и книга. М., 1978. С. 39—54; *Костюхина Л.М.* Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 273—290; *Асафов К.М., Протасьева Т.М., Тихомиров М.Н.* Записи на книгах старой печати XVI—XVII веков // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 276—344; *Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К.* Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1971. С. 132. Большой материал о крестьянских библиотеках Сибири содержится в кн.: *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. М., 1984. Убедителен вывод автора: «Тысячи и тысячи древних книг, найденных в русских деревнях... свидетельствуют, что деревня эта была куда более «книжной», чем подчас думают. И в первую очередь — деревня севера и востока страны, где не было крепостного права» (Там же. С. 186).

⁸¹ Вот пример такой записи: «Выписано из книги Ефрема Сирина, описывал деревни Туговоной крестьянин Михаил Кузнецов июля месяца 1774-го года». *Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К.* Собрание рукописных книг... С. 132. См. также: *Сметанина С.И.* Записи XVI—XVII веков на рукописях собрания Е.Е. Егорова // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 358—396; *Ромодановская Е.К.* О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965. Вып. 1. С. 242—245; *Копанев А.И.* Книжность северной волости XVI—XVII вв. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 394—400; *Воскобойников Н.П.* К вопросу о грамотности северного крестьянства в первой четверти XVIII в. // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. Вологда, 1980. С. 41—43; *Поздеева И.В.* Полевая археография: Некоторые проблемы практики и теории // Вопр. истории. 1986. № 7. С. 17—32; Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вологда, 1982. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564—1825). Вологда, 1983.

⁸² См. об этом в воспоминаниях его сына А.М. Артынова (Чтения ОИДР, 1882. Кн. 1, 3).

⁸³ См. подробнее: *Миненко Н.А.* К характеристике общественного сознания русского населения Северо-Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. С. 58—68; *Пушкарев Л.Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980. С. 38. (Интерес крестьян к светской литературе в средние века был общеевропейским. См.: *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981); *Розов Н.Н.* Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А.А. Титова // Сборник Гос. публ. биб-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. С. 141—146; *Бакланова Н.А.* Значение владельческих записей или

древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1964. С. 197–205.

⁸⁴ Правда, эта любовная песня XVIII в., в соответствии с законами своего жанра, далее утверждает, что есть лишь одна истинная наука — наука любви; однако сам факт высокой оценки народом науки показателен. См.: Чулков М.Д. Сочинения. СПб., 1913. Т. 1. С. 151, № 111.

⁸⁵ Следует заметить, что подобного рода речения мы находим в изобилии и в учебной литературе XVII–XVIII вв. — в азбуквниках, букварях, прописях и т.д. См. подробнее: Мордовцев Д.Л. О русских школьных книгах XVII в. // Чтения ОИДР, 1861. Кн. 4, отд. 1. С. 1–102, а также отд. отт.; Буш В.В. Памятники старинного русского воспитания: К истории древнерусской письменности и культуры. Пг., 1918. См. также: Сетин Ф. Рукописные детские книги XVII в. // Детская литература. 1978. № 2, 6, 9; Судаков Г.В. Как учились грамоте в XVII в. // Русская речь. 1971. № 5. С. 122, 128.

⁸⁶ Уже в XVII в. эта пословица вошла и в литературный оборот. Так, Я.Б. Княжнин вложил в уста повара Якова Ростера, персонажа своей комедии "Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду", такие слова — ими и начинается эта комедия: "Какая это справедливая пословица: Ученье — свет, а неученье — тьма" (см.: Княжнин Я.Б. Соч. СПб., 1787. Т. 4. С. 3).

⁸⁷ П.В. Иванов высказал предположение, что М.В. Ломоносов, создавая свой известный "Гимн бороде", использовал эти пословицы. См.: Иванов П.В. Из истории общественно-политической мысли России 40–60-х годов XVIII века. Курск, 1973. С. 121.

⁸⁸ В.П. Аникин полагает, что эта пословица имеет в виду битье, "без которого не мыслили обучения грамоте и письму". См.: О книге и знаниях: Пословицы и поговорки русского народа / Сост. В.П. Аникин. М., 1970. С. 30. Однако более правильно оценил эту пословицу С.Д. Бабишин, связавший ее с переходом детей в процессе обучения от письма на навощенных дощечках ("церах") к начертанию букв на бересте. См. об этом подробнее: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XI–XVII вв. Редакц. коллегия тома: С.Ф. Егоров, Л.Н. Пушкирев, Я.Н. Шапов. М., 1985. С. 133. Известно, что дети писали на бересте, согнувшись, на колене — при таких условиях письмо, действительно, было трудным делом. Хорошо об этом сказал В.Л. Янин: "Письмо на бересте было не первым, а вторым этапом обучения. Переход от воска к бересте требовал более сильного нажима уверенной руки. И, научившись выводить буквы на мягком воске, нужно было снова учиться технике письма на менее податливой березовой коре". См.: Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975. С. 57.

⁸⁹ С.Д. Бабишин считает, что эта пословица передает особенность пергамента сохранять написанный текст даже после его соскабливания и повторного использования пергамента. См.: Антология педагогической мысли Древней Руси... С. 133–134. Думается, что эта пословица, бытовавшая в крестьянской среде, упоминает и об особенностях дерева впитывать в себя чернила в тех случаях, когда тексты писались на дереве и их нельзя было уничтожить, не сняв предварительно топором верхнего древесного слоя. Но С.Д. Бабишин прав, когда говорит, что позднее эту пословицу применяли к исписанной бумаге, но уже в метафорическом смысле.

⁹⁰ Интересная загадка на ту же тему письма имеется на полях "Хронографа" XVII в., причем после текста загадки дается и разгадка: "Вопрос. Некая премудрая вещь, ни небо, ни земля, лицом светлообразна. По ней созидаютца птицы черны и красны. Созидают тех птиц трое, надзирают двое, вразумляет один. Ответ: Ни небо, ни земля, лицом светлообразна — бумага. По ней созидаютца птицы — чернило черное и красное. Созидают те трое — персты, надзирают — два глаза, един — ум человеческ". См.: Сметанина С.И. Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е.Е. Егорова. С. 396, № 215. Несколько пословиц помещено также на полях рукописи жития Иоанна Златоуста XVII в. (см.: Там же. С. 394, № 196).

⁹¹у нас нет достаточных данных, чтобы определить, в какой именно среде создавались эти и подобные им пословицы. Не исключено, что — в среде учителей, стремившихся приобщить и приохотить к учебе своих воспитанников, но нельзя исключить и вероятности, что эти пословицы бытовали и в народной среде.

⁹²Книги в Древней Руси были очень дороги. Так, даже после появления бумаги богослужебная книга "Миняя общая" стоила четыре коровы, а "Каноник" — пять коров. См.: *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 70, 96. Позднее цены снизились, однако и бумажные рукописные книги стоили достаточно дорого. См. подробнее: *Адрианова-Перетц В.П.* Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI—XVII вв. Киев, 1912. Цитируемая пословица отображала реальное положение дел на книжном рынке того времени.

⁹³Необходимо подчеркнуть, что это было упорядоченное, ритмически организованное повторение за учителем названий букв и слогов с соблюдением тонических ударений. Все это облегчало запоминание названий букв и произношения слогов.

⁹⁴Канун — это, по Далю, "моление, молебствие, празднование какому-нибудь угоднику накануне календарного праздника святого". Канун — это также и книга с текстами подобных молений. Правильное толкование этой пословицы дано С.Д. Бабиным, связавшим ее с обучением школьников церковному пению (см.: *Антология педагогической мысли Древней Руси... С. 137—138*).

⁹⁵См. подробнее: *Петров В.М.* История обучения в Древней Руси // *Сов. педагогика*. 1982. № 6. С. 101.

⁹⁶Обычай приносить в школу для учителя горшок каши после завершения определенного этапа обучения сохранился до XIX в. См.: *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. М., 1915. С. 45. Он восходит к восточнославянским жертвоприношениям богам земледелия и скотоводства. См.: *Сумцов Н.Ф.* Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885. С. 42.

⁹⁷См. подробнее: *Пушкарев Л.Н.* Русские народные пословицы в записях XVII в. // *Вопр. истории*. 1974. № 1. С. 161.

⁹⁸Для средневековой учебной литературы, как русской, так и западноевропейской, необыкновенно характерно не только оправдание, но и похвала розге как орудию воспитания. О системе наказаний в Древней Руси см.: *Забелин И.Е.* Характер древнего народного образования в России // *Отечественные зап.* 1856. № 3. Критика. С. 1—20. Статья написана историком как отклик на "Заметку для истории просвещения в России" И. Куприянова (С.-Петербургские ведомости. 1855. № 163 (от 27 июня). С. 845—846), в которой отрицалось, что наказание в Древней Руси всегда сопровождало обучение (Заметка И. Куприянова была перепечатана в: "Москвитянин". 1855. № 10. С. 147—150). Это, конечно, было преувеличением. Известно, что стихотворный "Домострой" разработал даже целую систему телесных наказаний за малейшие проступки: не умоешься — 7 ударов, не сотрешь пыль в доме — 5 ударов, плохо будешь вести себя за столом — 3 удара лозой и т.д. См.: *Бычков А.Ф.* "Домострой" Кариона Истомина // *Летопись занятий Археографической комиссии*. СПб., 1862. Вып. 2. С. 126—132.

⁹⁹См. подробнее: *Чечулин Н.Д.* Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в. // *Дела и дни*. 1920. Кн. 1. С. 96—112.

¹⁰⁰*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 70. Заметим при этом, что стремление народа к знанию враждебно встречалось феодалами. Одни из них отрицали напрочь желание крестьян учиться, утверждая, что крестьянин в невежестве "родился, воспитан и до смерти хочет в нем предостаться" (слова современника "Чумного бунта" 1771 г. — см.: *Иванов П.В.* Из истории общественно-политической мысли России 40—60-х годов XVIII века. С. 119). Другие же, как князь М.М. Щербатов, предупреждали, что даже сама тяга крепостных к просвещению опасна для государства, так как вводит их "в вящее заблуждение и к духу неподданства" (см.: *Щербатов М.М.* Соч. СПб., 1896. Т. 1. С. 617).

¹⁰¹ Ушинский К.Д. Родное слово: Книга для учащихся // Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 300 (педагог рассматривает сказки как "первые и блестящие попытки русской народной педагогики").

¹⁰² Днепров Э.Д. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики. 1918—1977: Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1981. С. 50; Он же. Некоторые проблемы историографии и методологии изучения педагогического наследия Древней Руси // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 7—22; Геллерштейн Г.С., Кошелева О.Е. Древнерусская педагогика как предмет историко-педагогического изучения // Там же. С. 22—35; См. также: Виноградов В.С. Народная педагогика. Иркутск, 1926; Струминский В.Я. О разработке истории педагогики Киевской Руси // Сов. педагогика. 1938. № 5. С. 119—129; Он же. Педагогика Киевской Руси как предмет исторического изучения // Учен. зап. Гос. НИИ школ НКП РСФСР. М., 1940. Т. 3. Вып. 1. Работы научн. кабинета педагогики (ист. группа). С. 79—119; Петров В.М. История обучения в Древней Руси. С. 104.

¹⁰³ Антология педагогической мысли России XVIII в. Редакционная коллегия тома: Г.Н. Волков, С.Ф. Егоров, А.Н. Копылов. М., 1985.

¹⁰⁴ Теплов Б.М. О культуре научного исследования // Вопр. психологии. 1957. № 2. С. 174; см. также: Пискунов А.И. О проблематике историко-педагогического исследования на современном этапе // Сов. педагогика. 1964. № 5. С. 101—102.

¹⁰⁵ См. подробнее: Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

¹⁰⁶ Укажем важнейшие труды: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949, 1957. Т. 1—2; Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984; Громыко М.М. Трудовые традиции крестьянства XVIII—XIX вв. и проблемы современного сельского хозяйства // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. С. 166—170.

¹⁰⁷ См. подробнее: Пушкарев Л.Н. Представления человека о природе по памятникам русского фольклора XVII в. // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 293—302.

¹⁰⁸ Это явление давно уже отмечено этнографами. См.: Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Зап. Русск. географич. об-ва по отд-нию этнографии. Спб., 1877. Т. 7; Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Спб., 1913; Чичеров В.И. Зимний период русского народного календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1956; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979; Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; Громыко М.М. Приемы и сроки сева у русских крестьян Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Изв. Сибирск. отд. АН СССР. Сер. общ. наук. 1974. № 11. Вып. 3. С. 89—95.

¹⁰⁹ Не касаюсь разработки темы труда в народном творчестве, как получившей уже освещение в специальной работе: Громыко М.М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII — первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX вв.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск. 1975. С. 110—133.

¹¹⁰ Вполне возможно, что под "полем" подразумевается не только крестьянское поле, пашня, но и так называемое "Дикое поле", т.е. не заселенные еще окраины Русского государства, куда бежали начиная с XVI в. крепостные от помещиков.

¹¹¹ Колесницкая И.М. Природа в крестьянских поэмах Н.А. Некрасова и в народном творчестве // Русский фольклор, М.; Л., 1958. Т. 3. С. 159.

¹¹² Елеонская Е.И. Великорусские сказки Пермской губернии: Влияние местности на сказку // Этнографическое обозрение. 1915. № 1/2. С. 39.

¹¹³ Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 88;

Пропл В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 88, 97, 98 и др.; *Он же*. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 91; *Липец Р.С.* Былины у населения русского Севера XIX — начала XX в. // Славянский фольклор. М., 1951. С. 163; *Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 55—58; *Азадовский М.К.* Русские сказочники // Русская сказка. Л., 1932. Т. 1. С. 74. *Любимцева Ф.* Изображение природы в русской лирической песне // Горьковский гос. ун-т. Тезисы докладов XV научн. студенч. конф. Секция историко-филологич. наук. Горький, 1962. С. 19.

¹¹⁴ *Никольский В.А.* Тема природы в русском народном творчестве: По публикациям 50—60-е годов XIX в. // Учен. зап. Калнининск. гос. пед. ин-та. Калинин, 1967. Т. 30. С. 266.

¹¹⁵ Исторические песни XVII в. М.; Л., 1966. С. 95—96.

¹¹⁶ Там же. С. 269.

¹¹⁷ Там же. С. 270.

¹¹⁸ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 646.

¹¹⁹ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 94.

¹²⁰ *Добролюбов Н.А.* Полн. собр. соч. М., 1934. Т. 1. С. 124.

¹²¹ См. подробнее: *Рождественская С.Б.* Отражение отношения "Человек — природа" в народном искусстве // Общество и природа. С. 284—293.

¹²² *Воронов В.С.* Крестьянское бытовое искусство // Сб. трудов Научно-исследовательского института художественных промыслов. М., 1967. Вып. 4.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ См.: *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986 (где указана и литература вопроса); *Миненко Н.А.* История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: Учебн. пособие. Новосибирск, 1986.

² На примере записей сказок XIX в. этот вопрос рассмотрен в статьях: *Пушкарев Л.Н.* Труд как основа социальных идеалов в традиционной волшебной сказке // Труды Института этнографии. Нов. сер. 1953. Т. 20. С. 127—150; *Кагополов Н.А.* О народной этике (по материалам русских бытовых сатирических сказок) // Сибирский фольклор. Томск, 1965. Вып. 1.

³ *Добролюбов Н.А.* Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 2. С. 275.

⁴ *Громыко М.М.* Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII — первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 110—133.

⁵ См. подробнее: *Миненко Н.А.* Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII — начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 89—104.

⁶ См.: *Миненко Н.А.* К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в. С. 75—84; *Она же*. Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Сов. этнография. 1978. № 2; *Громыко М.М.* Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян XVIII—XIX вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации... М., 1983. С. 108—122.

⁷ *Миненко Н.А.* Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1977. С. 104—125; *Она же*. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 1979. С. 282—292.

⁸Белик А.П. Этические и эстетические мотивы в русской народной сказке // Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961. С. 310.

⁹Бражников Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) // Сов. этнография. 1978. № 5. С. 3–17; Першин А.П. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–235; Байбурун А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и культура // Сов. этнография. 1985. № 2. С. 36–46.

¹⁰См.: Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

¹¹Нельзя не отметить близости подобного рода пословиц к "Науке побеждать" А.В. Суворова, в которой также есть сходные определения солдата: "Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу..." См.: Суворов А.В. Наука побеждать. М., 1950. С. 39.

¹²См.: Ровинский П.А. Рец. на кн.: Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1 // Изв. ОРЯС АН, 1900. Т. 5, Кн. 1. С. 305; Пушкирев Л.Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVIII в. Очерки истории. М., 1982. С. 143.

¹³Кудрявцев И.М. Две лирические песни, записанные в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 385.

¹⁴Чулков М.Д. Сочинения. СПб., 1913. Т. 1. С. 419. См. разбор этой песни: Джанумов С.А. Исторические песни о социально-политических событиях конца XVII века // Учен. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. М., 1969. Т. 239. Вып. 13. С. 161–164.

¹⁵Чулков М.Д. Соч. С. 430. Разбор этой песни см.: Джанумов С.А. Отражение военно-исторических событий конца XVII – начала XVIII века в песнях о взятии Азова и Северной войне // Учен. зап. МОИП им. Н.К. Крупской. М., 1971. Т. 289. Вып. 14. С. 7–10.

¹⁶Громыко М.М. Проблемы и источники исследования этических традиций русских крестьян XIX в. // Сов. этнография. 1979. № 5. С. 35–48; Она же. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII–XIX вв.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международной съезд славистов. М., 1983. С. 108–123.

¹⁷Миненко Н.А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – // Сов. этнография. 1974. № 6. С. 18–31; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 323–338.

¹⁸Богатырев П.Г. Семантика и функция сельского этикета // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970. С. 67–71.

¹⁹См. подробнее: Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные начала, организация и некоторые последствия СПб., 1898; Казенная продажа вина. СПб., 1900. Приложения. С. 1–5; Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1868; 2-е изд. Казань, 1914; Дитятин И.И. Царский кабак Московского государства // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 468–496; Кабак и его прошлое (исторический опыт) // Народная трезвость, 1899. № 1–3; Смирнов М.И. Нижегородские кабаки и кружечные дворы XVII в. Нижний Новгород, 1913; Богоявленский Н.А. Борьба с пьянством в Древней Руси // Фельдшер и акушерка. 1973. № 12. С. 40–42; Волков М.Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII в. Винокуренное производство. М., 1979.

²⁰Буганов В.И. Ложь о "пьяной Руси" // Сов. Россия. 1985. 14 июля. С. 4.

²¹Голосенко И.А. Русское пьянство: мифы и реальность // Социологич. исследования. 1986. № 3. С. 203–209.

²²Миненко Н.А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1979. № 6. С. 31.

²³Вдовина Л.Н. Пища и утварь // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 227–228.

²⁴Эта пословица представляет собой цитату из популярной уже в XVII в. песни, на что указал Ф.И. Буслаев, приведя ее текст:

Чаша моря Соловецкова —
Пить для здравия молодецкова!
Чтобы всем веселым быть.
Которые с нами сидят,
Да весело на нас глядят,
Жалуют и почитают,
И в большое место сажают,
И другом называют,
И руки засыкают
Бороды расправляют,
Усы разглаживают.
Чаша питья наливают и велят пить,
Чтобы всем веселым быть.
Чаша тех, кто любит всех!
Чаша того, кто любит кого!
Людям подносит,
А сам не просит,
Стоять не ленится.
Подай бог
На всякий год,
Чтобы доброе получить
И добрые дни нажити!

См.: Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. Русская народная поэзия. С. 515–516.

²⁵Обнищание крестьян из-за неумеренного пьянства многократно было засвидетельствовано современниками. Уже в XVII в. воеводы в своих отписках царю сообщали, что "пашенные крестьяне от того кабака многие одолжали и обнищали". См.: Дитятин И.И. Царский кабак Московского государства // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 481.

²⁶См. обзорные историографические статьи: Косвен М.О. История брака и семьи в истории науки до середины XIX в. // Сов. этнография. 1931. № 1/2. С. 64–93; Пушкирева Н.Л. Отечественная историография вопроса о социальном положении женщин на Руси в X–XV вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России: Сб. статей. М., 1985. С. 192–208.

²⁷Более других исследована сибирская крестьянская семья XVIII–XIX вв. См.: Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979, где указана и литература вопроса. См. также: Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. (В монографии исследовано положение женщины до XVI в.).

²⁸Так, в 1970 г. на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве был поднят вопрос о необходимости координации исследований по истории семьи. См.: Люби Ж. Структура семьи в средневековой Западной Европе. М., 1970. В 1975 г. на базе Станфордского университета (США) была проведена первая конференция на тему: "Женщина в России: Изменяющиеся реальности и меняющиеся представления" (см.: California Slavic Studies. 1980. N 11). В результате этой конференции была издана коллективная монография "Women in Russia" (Stanford, 1977) под редакцией Д. Аткинсон. В 1977 г. в Пуатье (Франция) состоялся международный симпозиум на тему "Женщина в цивилизациях XI–XIII вв." (см.: Cahiers de civilisa-

tion médiévale. 1977. Vol. 20. N 2-3). В 1980 г. на XV Международном конгрессе исторических наук в Бухаресте тема "Женщина и общество" была объявлена в качестве ведущей (см.: XV Congrès international de sciences historiques. Rapport. Budapest, 1980. T. 1. P. 335-364). В 1982 г. в бывшей ГДР состоялась конференция медиевистов, посвященная изучению положения женщины в городском обществе Западной Европы в XI-XV вв. (см.: Untersuchungen zur gesellschaftlichen Stellung der Frau im Feodalismus // Magdeburger Beiträge zur Stadtgeschichte. Magdeburg, 1981. Hf. 3). В 1983 г. журнал "Русская история" (США) выпустил специальный номер, посвященный изучению социального статуса женщины в средневековой Руси и в России (см.: Russian History. 1983. Vol. 10, pt. 2). В 1984 г. в США состоялась конференция славистов, на которой были сделаны доклады о положении русской женщины (Levin E. Prohibited Marriages in Medieval Russian Orthodox Canon Law // Central Slavic Conference. Okt. 19-20, 1984. Missouri (Columbia), 1984), а в том же году под редакцией Т. Мамоновой вышла книга "Женщина и Россия" (Women and Russia: Feminist Writings from the Soviet Union. Boston, 1984). Из многочисленных монографий следует отметить работу "Женщина в средневековой истории и историографии" (Women in Medieval History and Historiography. Philadelphia, 1987) и монографию Е. Левин "Секс и общество в мире православных славян" (Levin E. Sex and Society in the World of the orthodox Slavs. 900-1700. Nasa; L., 1989) (см. также рецензию Н.Л. Пушкаревой на эту книгу: Вопр. истории. 1990. № 7. С. 182-184).

²⁹Пушкарева Н.Л., Левина Е. Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1983. № 3. С. 78-89; Снесаревский П.В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского средневековья (XI-XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. статей. М., 1983. С. 29-43; Она же. Источники по изучению семейных отношений, любви и брака в русском обществе XI-XV вв. // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры. Сб. статей. М., 1984. С. 5-26; Пушкарева Н.Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X-XV вв.: Вопросы преступления и наказания // Сов. государство и право, 1985, № 4. С. 121-126; Она же. Положение женщины в семье и в обществе Древней Руси (X-XV вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1985; Она же. Имущественные права женщин в Русском государстве X-XV вв. // Ист. записки. М., 1986. Т. 114. С. 180-225; Она же. Женщины Древней Руси. М., 1989.

³⁰Худяков И.А. Женщина допетровской Руси // Модный магазин. 1863. № 20-22. См. об этой работе: Пушкарев Л.Н. Из истории революционно-демократической этнографии: И.А. Худяков // Сов. этнография. 1949. № 3. С. 195-196.

³¹Ровинский П.А. Рец. на кн: Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц // Изв. ОРЯС АН. 1900. Т. 5, кн. 1. С. 290-314. Рецензент перечислил и номера пословиц эротического характера по сборникам, опубликованным П.К. Симони. Вновь опубликованные сборники XVIII в. не добавили почти ничего нового к этому перечню.

Эротизм в народном творчестве — явление довольно распространенное, с чем сталкивались все этнографы и фольклористы, записывавшие фольклор в живом его бытовании. Общеизвестен факт публикации эротических сказок антипоповской и антидворянской направленности А.Н. Афанасьевым ("Русские заветные сказки") в Женеве в 1860-х годах с такими выходными данными: "Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия". Этот факт намеренного сокрытия места возникновения источника был приведен мною в качестве примера в статье "Источниковедение" в "Советской исторической энциклопедии". Смущенный, видимо, и содержанием этих сказок, и особенно откровенным, доходящим до вульгарности языком, А.И. Гуковский не счел возможным отнести этот сборник к числу народных записей сказочного эпоса. См.: Гуковский А.И. Не о всяких сказках вести сказ // Вопр. истории. 1967. № 1. С. 184-186. Однако фольклористы не раз привлекали этот сборник как источник фольклорного типа. См.: Соколов Ю.М. Жизнь и научная деятельность Александра Николаевича Афанасьева // Русские народные

сказки А.Н. Афанасьева. М., 1936. Т. 1. С. III—IV; *Чичеров В.И.* Русское народное творчество. М., 1959. С. 62. Недавно сборник сказок А.Н. Афанасьева был переиздан.

³²Весь публикуемый материал опровергает досужие домыслы, будто "русская женщина лишена была даже единственной силы, которой женщина господствует в мире, — силы возбуждать к себе уважение и любовь; это чувство было попорно, скрыто в тереме, и если оно каким-либо сфразом зарождалось, то его считали дьявольским наваждением". См.: Общественное и семейное положение русской женщины в старину // Живописное обозрение, 1874. № 42. С. 660—661. Ничего подобного мы не замечаем в народной пословице. Не может быть принято и категоричное утверждение такого высококвалифицированного специалиста, как В.И. Семеvский, писавшего, что в основе крестьянского брака лежала не "нежная любовь", а экономический расчет, что "утрата жены редко влечет за собой печаль сердечную" — пословицы говорят совсем об обратном. См.: *Семеvский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои, 1882. № 1. С. 90—132; № 2. С. 63—108.

³³См. подробнее: *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях и старинные земские соборы // Собр. соч. СПб., 1906. Кн. 8. Т. 19. С. 128—129.

³⁴См. подробнее: *Ядринцев Н.М.* Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях (историч. очерк) // Женский вестн., 1867. № 8. С. 114—115.

³⁵В упоминавшейся уже выше песне 1699 г. "Как рябина, как рябина кудрявая" жизнь молодицы за худым мужем изображается до того тяжелой, что молодая жена идет на преступление. См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII. Т. 14. С. 646.

³⁶Нельзя не обратить внимания на близость идеи этой пословицы к известной концовке некоторых произведений Александра Грина: "Они жили долго и умерли в один день". См.: *Грин А.С.* Собр. соч. М., 1965. Т. 2. С. 71, 169.

³⁷Цит. по: *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири. С. 137—138. Публикатор письма не сообщает, писал ли это письмо сам крестьянин Иван Худяков или с его слов, как это и было обычным в XVIII в., грамотный писарь: дело в том, что язык этого письма перегружен канцеляризмами и далек от народной крестьянской речи. В то же время следует подчеркнуть, что отношения взаимной любви, заботы, преданности были господствующими в крестьянской семье того времени.

³⁸Необыкновенно характерно для крестьянского сознания это сравнение жены с самым дорогим и незаменимым для земледельца помощником — лошастью, которая нередко была единственной ценностью крестьянского хозяйства (наряду, конечно, с коровой). Крестьянское происхождение пословиц о женщине можно усмотреть и в очень популярной в то время пословице о женщине, попавшей в рай и не нашедшей в себе сил расстаться с единственной кормилицей крестьянской семьи — с коровой: "Пусти бабу в рай, а она и корову ведет!" (Т. 117; ср.: Б. 27; 3821; БАН. 652).

³⁹Видимо, ошибкой переписчика следует объяснить пословицу "Женское сердце — что ржа в железе" (БАН. 254; ср.: III, 240; С. II. 292). Сравнение женского сердца с раскаленным железом характерно для русского лирического фольклора.

⁴⁰*Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири... С. 140.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹*Семеvский В.И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 1; *Беляевский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.

²Помимо перечисленных выше работ на эту тему см. также: *Федоров В.А.* Некоторые проблемы крестьянского движения в России периода разложения крепостничества // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; *Алек-*

сандров В.А. Общинное управление в помещичьих имениях XVIII — начала XIX в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975; Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981.

³Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976; Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1977; Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVII—первая половина XIX в.) // Там же; Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России (XVIII — начало XIX в.). М., 1984.

⁴Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 144—152; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 354—355; Раскин Д.И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в.: (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1979. № 4. С. 179—192; Крутиков В.И. Правосознание крестьян и его отражение в крестьянском движении // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983; Пушкиренко А.А. Правосознание российского крестьянства позднефеодальной эпохи // XXVI съезд КПСС и проблема аграрной истории СССР (Социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984.

⁵См.: Сиеков К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Ист. записки. М., 1950. Т. 31; Чернов С.Н. Слухи 1825—1826 г. (фольклор и история) // Чернов С.Н. Избр. статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 329—346; Соколовой В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 64—87; Некрылова А.Ф. Предания и легенды о военных событиях петровского времени // Русский фольклор. Л., 1972. Вып. 12; Покровский Н.Н. Социально-политические взгляды крестьян: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; Мамсик Т.С. Община и быт алтайских беглецов-каменщиков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в. Новосибирск, 1975.

⁶Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 495.

⁷Попов А.Н. Пыры и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2. пол. 2.

⁸См.: Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982; Горская Н.А. Тенденции классово-борьбы крестьян в конце XVII в. (На материалах Железоборовского монастыря) // Вопр. истории. 1981. № 9. С. 28—44.

⁹Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XX вв. М., 1960; Аверина В.И. Городецкая резьба и роспись. Горький, 1957; Маковецкий Н.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962; Вишневецкая В.М. Хохлома. М., 1969; Разина Т.М. Русское народное творчество. М., 1970; Народная вышивка Тверской земли, вторая половина XVIII — начало XX в. Л., 1981; Жегалова С.К. Художественная культура русской деревни XVII—XVIII вв. М., 1983, и др.

¹⁰Снегирев И. Обозрение юридического быта в продолжение древнего и среднего периода русской народной жизни // Юридические записки. М., 1842. Т. 2. С. 294—295.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹См. подробнее: Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи: Очерки об именах. Ростов-на-Дону, 1966. С. 58—63.

²«Большая часть личных имен употребляется только для размера и рифмы стиха, без намека на свойства лица». См.: Вознесенский И.И. О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа, пословиц, поговорок, загадок, присказок и проч. Кострома, 1908. С. 23.

³Никонов В.А. Личное имя — социальный знак // Сов. этнография, 1967. № 5. С. 154—168; Он же. Имя и общество. М., 1974.

⁴Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1967. С. 25; Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки. М., 1854. С. 60; Зеленин Д.К. О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке // Филологич. зап. Воронеж, 1903. Вып. 2. С. 21. О близости собственных имен к нарицательным см. также: Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 179, а также: Никонов В.А. Личные имена в современной России // Вопр. языкознания. 1967. № 6. С. 105–106.

⁵Кондратьева Т.Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопр. грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964. С. 133–134; Она же. Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX — начала XX в. // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. 1959–1961. Т. 119, Кн. 5. С. 123–135 (Сб. статей памяти В.А. Богородицкого. Казань, 1961).

⁶Бабеева Л.В. Имена собственные в пословицах и поговорках // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа. 1973. С. 402–406.

⁷Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. СПб., 1848. С. 124.

⁸Не случайно писатель В.П. Острогорский создал серию рассказов, составленных на подборе русских пословиц и поговорок и названных им: "Тит", "Маланья", "Вавила", "Маша" (СПб., 1883).

⁹Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки. С. 59.

¹⁰Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 39; Штокмар М.П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток // Звезда Востока. 1965. № 11. С. 149–163; Лазутин С.Г. Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1971. Т. 12. С. 143–144 и др.

¹¹Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 16; Розанов И.Н. Три главы из истории русской строфики // Литературная учеба. 1941. № 6. С. 61.

¹²Амвросим (Амбросий, Абросим) — принадлежащий к бессмертным, божественный (греч.).

¹³Аввакум — любовь божья (евр.).

¹⁴Авксентий — преумножение (греч.).

¹⁵Авраам — отец множества (евр.).

¹⁶Агапит — возлюбленный (греч.).

¹⁷Агафон — добрый (греч.).

¹⁸Агафоник — благопобедитель (греч.).

¹⁹Аггей — торжественный, праздничный (евр.).

²⁰Адам — земля, почва (евр.).

²¹Азарий — помощь божия (евр.).

²²Акиндин — безопасный (греч.).

²³Аксинья — см. Ксения.

²⁴Акилина (Акулина) — орлиная (греч.).

²⁵Александр — защитник людей (греч.).

²⁶Анания — благодать божья (евр.).

²⁷Андрей — мужественный (греч.).

²⁸Андрियан (Адриан) — из г. Адрия (лат.).

²⁹Андрон (Андроник) — победитель мужей (греч.).

³⁰Анна — благодать (евр.).

³¹Антипа — упорный, крепкий (греч.).

³²Арсений — мужчина (греч.).

³³Артамон — невредимый, здоровый (греч.).

³⁴Артемий — здоровый (греч.).

³⁵Архип — господин лошадей (греч.).

³⁶Афанасий (Афонасий, Афонас) — бессмертие (греч.).

³⁷Богдан — славянский перевод греч. имени Феодот (богом данный).

- 38 Вавила — смешение (сир. и евр.).
- 39 Варвара — иноземка, дикарка (греч.).
- 40 Варлаам — сын божий (халд.).
- 41 Василий — царский (греч.).
- 42 Варфоломей (Вахрамей) — сын Толмая (арамейск.).
- 43 Вукол (Викула) — пастух (греч.).
- 44 Влас — неповоротливый, тупой (греч.).
- 45 Гавриил — муж божий (евр.).
- 46 Георгий — земледелец (греч.).
- 47 Григорий — бодрствующий (греч.).
- 48 Гурий (Гур) — львенок (евр.).
- 49 Давид — возлюбленный (евр.).
- 50 Даниил (Данила) — судья божий (евр.).
- 51 Дария, Дарья — сильная, побеждающая (перс.).
- 52 Диомид (Демид, Демка) — совет божий (греч.).
- 53 Дионисий (Денис) — бог вина (греч.).
- 54 Евдокия (Дунька) — благоволение (греч.).
- 55 Елена (Олена) — факел (греч.).
- 56 Елеазар (Елизар) — божия помощь (евр.).
- 57 Елисей — коего спасение бог (евр.).
- 58 Эмилиан (Емельян, Емеля) — принадлежащий Эмилию (приятному в слове) (греч.).
- 59 Иеремия (Еремей, Ерема) — бог возвысит (евр.).
- 60 Иерофей (Ерофей, Ерошка, Ероха) — освещенный богом (греч.).
- 61 Ефрем — плодovitый (евр.).
- 62 Зиновий (Зиня) — богоугодно живущий (греч.).
- 63 Иоанн (Иван) — благодать божия (евр.).
- 64 Илия (Илья) — крепость господня (евр.).
- 65 Иоасаф (Асаф) — господь есть судья (евр.).
- 66 Ипатий (Ипат) — высокий (греч.).
- 67 Исаак (Исак) — смех (евр.).
- 68 Иуда — славный (евр.).
- 69 Карп — плод (греч.).
- 70 Кассиан (Касьян) — порожний, пустой (лат.).
- 71 Екатерина (Катерина) — всегда чистая (греч.).
- 72 Кирилл — барчук (греч.), солнце (перс.).
- 73 Климентий (Клим) — милосердный (лат.).
- 74 Константин — твердый, постоянный (лат.).
- 75 Ксения — иностранка, странница (греч.).
- 76 Кузьма — мир, украшение (греч.).
- 77 Лазарь — бог, помощник (евр.).
- 78 Лука — из Лукании (евр.).
- 79 Макарий (Макар) — блаженный (греч.).
- 80 Максим — величайший (лат.).
- 81 Мелания (Маланья) — черная, темная (греч.).
- 82 Малахия (Малах) — посланник божий (евр.).
- 83 Марина — морская (лат.).
- 84 Мария — госпожа (евр.).
- 85 Марк — сухой, увядающий (лат.).
- 86 Мартин (Мартын) — воинственный (лат.).
- 87 Марфа — госпожа (арамейск.).
- 88 Мина — месячный, лунный (греч.).
- 89 Мирон — миро (греч.) (ароматное масло, употребляемое в церковном обряде миропомазания).

- ⁹⁰ Митрофан — матерью явленный (греч.).
⁹¹ Назарий (Назар) — посвященный богу (евр.).
⁹² Настасья (Анастасия) — возрожденная, воскресшая (греч.).
⁹³ Наталия — природная (лат.).
⁹⁴ Нестор — возвратившийся домой (греч.).
⁹⁵ Никита — победитель (греч.).
⁹⁶ Николай — побеждающий народ (греч.).
⁹⁷ Павел — маленький (лат.).
⁹⁸ Панкратий — вседержавный, всесильный (греч.).
⁹⁹ Параскева (Параша) — приготовление (греч.).
¹⁰⁰ Пахомий (Пахом) — толстоплечий (греч.).
¹⁰¹ Петр — камень (лат.).
¹⁰² Пигасья — источник, родник (греч.).
¹⁰³ Родион — розовый (греч.).
¹⁰⁴ Роман — Римский, римлянин (лат.).
¹⁰⁵ Савва — неволя (арабск.), вино (евр.).
¹⁰⁶ Савелий — испрошенный у бога (евр.).
¹⁰⁷ Созон (Сазон) — спасающий (греч.).
¹⁰⁸ Саломея (Саламаха) — мир (евр.).
¹⁰⁹ Сампсон (Самсон) — солнечный (евр.).
¹¹⁰ Симеон (Семен) — слушающий (евр.).
¹¹¹ Исидор (Сидор) — дар божий (греч.).
¹¹² Сила — молчание, покой (евр. и лат.).
¹¹³ Симон — услышание (евр.).
¹¹⁴ Сисой (Сысой) — шестой (евр.).
¹¹⁵ Тарасий (Тарас) — волнующий (греч.).
¹¹⁶ Татьяна — назначенная (греч.).
¹¹⁷ Тимофей (Тимошка) — почитающий бога (греч.).
¹¹⁸ Трофим (Трошка) — питомец (греч.).
¹¹⁹ Ульян — Юлиев (лат.).
¹²⁰ Юстина (Устинья) — справедливая (лат.).
¹²¹ Феодот (Федот) — богом данный (греч.).
¹²² Феодор (Федор, Федя) — дар божий (греч.).
¹²³ Феодора (Федора) — божий дар (греч.).
¹²⁴ Феодосий (Федос) — богом данный (греч.).
¹²⁵ Феодосия (Федосья) — богом данная (греч.).
¹²⁶ Феофилакт (Филат) — страж бога (греч.).
¹²⁷ Филимон (Филя) — любящий (греч.).
¹²⁸ Филипп — любящий коней (греч.).
¹²⁹ Фока — тюлень (греч.).
¹³⁰ Фома — близнец (евр.).
¹³¹ Феофан (Фофан) — богоявление (греч.).
¹³² Флор (Фрол) — цветущий (лат.).
¹³³ Харитон (Харька) — благодатный (греч.).
¹³⁴ Иоаким (Яким, Еким) — бог поставил (евр.).
¹³⁵ Иаков (Яков) — запинатель (евр.).
¹³⁶ Иоанн (Ян, Янко) — благодать божья (евр.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Б — Сборник пословиц А.И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М; Л., 1961. С. 65—118.
- БАН — Сборник пословиц Библиотеки Академии наук // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. С. 23—29.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- З — *Zinoviev Klimentij*. Вірші. Приповіді посполиті. Київ, 1971.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена.
- О — Отрывок сборника пословиц XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 28—56.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских.
- ОРЯС АН — Отдел русского языка и словесности Академии наук.
- П — Сборник пословиц И.-В. Пауса // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. С. 40—46.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.
- Р — Сборник пословиц Е.Р. Романова // Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества. Вильна, 1910. Кн. 1. С. 214—217; Кн. 3. С. 221—236.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- РГБ — Российская государственная библиотека.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- С. I, II — *Симони П.К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок, и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1. сб. I и II (Отд. отт. из сб. ОРЯС АН, 1899. Т. 66).
- Т — Сборник пословиц В.Н. Татищева // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.
- У — Сборник пословиц из собрания В.М. Ундольского // Страницы по истории русской литературы. М., 1971. С. 24—36.
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР.
- Ш — *Шоповалова Г.Г.* Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: Материалы и исследования. М; Л., 1959. Вып. 4. С. 305—330.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Н. 169
 Аввакум Петров, прото-
 поп 13, 66
 Аверина В.И. 184
 Авраамий, игумен 78
 Адрианова-Перетц В.П. 48,
 164, 165, 168—171, 173,
 177
 Азадовский М.К. 165, 179
 Азбелев С.Н. 162, 165
 Александров В.А. 184
 Алексей Михайлович,
 царь 65, 77, 163
 Алефиренко П.К. 166
 Амосов А.А. 174
 Аникин В.П. 15, 164, 174,
 176, 185
 Апанович Е.М. 166, 175
 Апостолов Г.Г. 175
 Апухтин В.А. 66
 Аристов Н.Н. 168
 Артемова Е.Ю. 167
 Артынов А.М. 175
 Артынов М.Д. 88
 Асафов К.М. 175
 Астахова А.М. 178
 Аткинсон А. 181
 Афанасьев А.Н. 86, 182,
 183
 Ахмедов А. 163
 Ашукин Н.С. 169
 Ашукина М.Г. 169

 Бабаева Л.В. 149, 185
 Бабишин С.Д. 176, 177
 Бабкин Д.С. 160
 Базилевич К.В. 172, 173
 Байбурин А.К. 180
 Бакланова Е.Н. 172, 184
 Бакланова Н.А. 87, 166,
 174, 175
 Бакулев Г.Д. 168
 Бахрушин С.В. 172
 Белик А.П. 180
 Белинский В.Г. 41, 177
 Белов И.Д. 163
 Белокуров С.А. 162
 Белявский М.Т. 167, 183
 Бернадский В.Н. 166
 Благовещенская Е.В. 166
 Богатырев П.Г. 180

 Богданов А.И. 20, 43, 169
 Богданович И.Ф. 15, 168
 Богоявленский Н.А. 180
 Болотов А.Т. 167
 Болтин И.Н. 15, 163
 Бомштейн Г.И. 164
 Бореель 78
 Бражников Б.Х. 180
 Братищев В.И. 169
 Бродский Н.Л. 171
 Буганов В.И. 165, 180
 Булыгин Ю.С. 173
 Буркин Н. 174
 Буслаев Ф.И. 148, 181, 185
 Буш В.В. 176
 Бушканец Е.Г. 167
 Бычков А.Ф. 177

 Вагина П.А. 166
 Валк С.Н. 167
 Вандриес Ж. 185
 Варлаам, митрополит 77
 Василенко В.М. 184
 Вдовин И.С. 161
 Вдовина Л.Н. 181
 Венедиктов Г.Л. 170
 Веселовский А.Н. 162
 Виноградов В.С. 178
 Винтер Э. 164
 Витсен Николай 78, 81, 173
 Вишневская В.М. 184
 Вознесенский И.И. 184
 Волков Г.Н. 178
 Волков М.Я. 180
 Волконский Е.М. 66
 Воронов В.С. 179
 Воскобойников Н.П. 175

 Гагарин М.П. 66
 Галицкая И.А. 169
 Гвоздарев Ю. 164
 Геллерштейн Г.С. 178
 Гладков А.К. 168
 Гоголь Н.В. 41, 104, 161,
 162, 179
 Голикова Н.Б. 63, 166, 171
 Голосенко И.А. 180
 Гольдберг Т.Г. 161
 Горбунов Алексей 62
 Горелов А.А. 166
 Горленко Г.Ф. 164

 Горская Н.А. 184
 Горький А.М. 18, 164
 Греков Б.Д. 172
 Грин А.С. 183
 Громов Г.Г. 163
 Громыко М.М. 165, 170,
 178—180, 184
 Гроссман Л.П. 170
 Гудок В.С. 169
 Гуковский А.И. 182
 Гуковский Г.А. 167
 Гуревич А.Я. 175
 Гусев В.Е. 162
 Гусейнов Ш.М. 162
 Гуслистый К.Г. 164

 Даль В.И. 18, 48, 148, 164,
 169, 177, 185
 Демин А.С. 165
 Демкова Н.С. 171
 Дергачева-Скоп Е.И. 163,
 175
 Державин Г.Р. 30
 Державина О.А. 171
 Джанумов С.А. 180
 Дитятин И.И. 180, 181
 Дмитриев Л.А. 19
 Дмитриева С.И. 179
 Днепров Э.Д. 178
 Добролюбов Н.А. 17, 41,
 104, 105, 164, 179
 Долгоруков Н.С. 59
 Домановский Л.В. 169
 Дробленкова Н.Ф. 171
 Дроздов Д. 6
 Дубасов И.И. 174
 Дьяченко Г. 173
 Дюби Ж. 181

 Евфимий, солдат 63
 Егоров С.Ф. 178
 Екатерина II 15, 28, 168
 Елеонская Е.И. 178
 Елизавета Петровна, им-
 ператрица 6
 Емелях Л.И. 174

 Жегалова С.К. 184
 Желобовский А.И. 163
 Желябужский Тимофей 66
 Жигулев А. 163

- Забелин И.Е. 162, 166, 177
 Заозерская Е.И. 172
 Зеленин Д.К. 148, 185
 Зимин А.А. 170
 Зиновьев Климентий 20, 164
 Зоц В.А. 174
 Зутин С.Г. 163
- Ибраимов К. 164**
 Иван IV Васильевич Грозный 11, 115
 Иванов П.В. 5, 6, 161, 176, 177
 Игнатов В.И. 15
 Изюмский А.Б. 167
 Иосиф, патриарх 177
 Ипатов А. 174
- Кагополов Н.А. 179**
 Калининский И.П. 178
 Каллистов Д.П. 23, 165
 Каменская М.П. 161
 Камкин А.В. 172
 Канн-Новикова Е. 168
 Капнист В.В. 66, 172
 Каптерев П.Ф. 177
 Карамзин Н.М. 8, 30
 Карацуба И.В. 167
 Кафенгауз Б.Б. 172
 Кельсиев В.И. 171
 Клейн Л.С. 161
 Клибанов А.И. 4, 15, 25, 30, 160, 171
 Ключевский В.О. 170
 Княжнин Я.Б. 176
 Кобленц И.Н. 169
 Коваленко Н. 171
 Коган Л.А. 168
 Кожин А.Н. 170
 Колесницкая И.М. 168, 178
 Колосова В.П. 164
 Колычева Е.И. 170
 Компан О.С. 164
 Кондрашева Т.Н. 148, 185
 Копанев А.И. 172, 175
 Копылов А.Н. 161, 174, 178
 Корб И.Г. 173
 Корзун М.С. 174
 Косвен М.О. 181
 Костомаров Н.И. 183
 Костюхина Л.М. 175
 Котошихин Г.К. 66, 172
 Кошелева О.Е. 178
- Кравцов Н.И. 163
 Краснобаев Б.И. 10, 162, 167
 Крикман А.А. 164
 Крутиков В.И. 184
 Куандыков Л.К. 172
 Кудрявцев И.М. 173, 180
 Кузнецов Михаил 175
 Кузнецов Я. 163
 Кузьмина В.Д. 166
 Куприянов И. 177
 Курганов Н.Г. 163
 Курмачева М.Д. 161
 Курносоев А.А. 167
 Курсков Ю.В. 171
 Кучеров А.Я. 167
- Лазутин С.Г. 164, 169, 185**
 Левин Е. 182
 Левин М.Г. 165
 Ленин В.И. 162, 165, 171
 Ливанова Т.Н. 168
 Липец Р.С. 179
 Литвак Б.Г. 171
 Лихачев Д.С. 29, 169
 Ловягин А.М. 173, 174
 Ломоносов М.В. 30, 41, 176
 Лурье Я.С. 160
 Львов Н.А. 28
 Любимцева Ф. 179
 Ляцкий Е.А. 163
- Мавродин В.В. 76, 162, 166, 173**
 Макаренко А.А. 178
 Маковецкий Н.В. 184
 Малышев В.И. 165, 168
 Мамонова Т. 182
 Мамсик Т.С. 87, 170, 175, 184
 Маньков А.Г. 167
 Маркел, архиепископ 77
 Марков А.В. 168
 Маркс К. 171, 184
 Мартьянов П.К. 169
 Мельник В.М. 163
 Мельц М.Я. 162, 163
 Меншиков А.Д. 66
 Мещеряков Яков 137
 Мещерякова А.Я. 137
 Миненко Н.А. 161, 165, 166, 171, 175, 179—181, 183, 184
 Мирошниченко П.Я. 160, 166
- Мисаил, архиепископ 174
 Митропольская Н.К. 164, 169
 Митрофан, архимандрит 77
 Митрофанов В.В. 170
 Михаил Федорович, царь 66
 Михельсон М.И. 169
 Могильницкий Б.Г. 22, 165
 Мокиенко В.М. 169
 Мордовцев Д.Л. 176
 Морозов И. 167
 Морозова Л.А. 163, 164
 Москалец В.П. 169
 Мотовилов 63
- Нагорный В.П. 169**
 Нашокин Б.И. 66
 Некрылова А.Ф. 184
 Нестеров А.Я. 66
 Никольский В.А. 179
 Никольский Н.М. 174
 Никон, патриарх 13, 78
 Никонов В.А. 184, 185
 Новиков Н.И. 8
 Новомбергский Н.Я. 166
- Олеарий А. 171, 173**
 Ордин-Нашокин А.Л. 66
 Орлов А.С. 166
 Осипов Н.О. 180
 Острогорский В.П. 185
- Павел I 66**
 Павленко Н.И. 172
 Паус И.В. 20, 43, 164
 Перетц В.Н. 163, 169
 Персиц М.М. 169
 Першин А.П. 180
 Петр I 10, 11, 20, 63, 67, 69, 78, 79, 166
 Петров В.М. 177, 178
 Писарев Д.И. 41
 Писунцов А.И. 178
 Плеханов Г.В. 171
 Плошук Г.И. 162
 Побережников И.В. 170
 Поздеев А.В. 163
 Поздеева И.В. 166, 168, 175
 Покровский Н.Н. 5, 25, 161, 165, 166, 170, 171, 174, 175, 184
 Померанцева Э.В. 15, 161, 168

- Попов А.Н. 184
 Попов М.В. 164
 Попов Н.А. 36, 169, 174
 Посошков И.Т. 70, 172
 Прач И. 28
 Преображенский А.А. 184
 Приселков М.Д. 160
 Прозоровский А.А. 173
 Прокофьева Л.С. 184
 Прокошев В.В. 175
 Пропп В.Я. 179
 Протасьева Т.М. 175
 Прыжов И.Г. 41, 169, 180
 Пугачев Е.И. 12, 62, 63, 162, 165
 Путилов Б.Н. 162, 168, 170
 Пушкарев Л.Н. 161–165, 167–169, 171, 174, 175, 177–180, 182
 Пушкарева Н.Л. 181, 182
 Пушкаренко А.А. 166, 184
 Пушкин А.С. 36, 110
 Пыпин А.Н. 162
 Пянтюков 63

 Радищев А.Н. 30, 41
 Разин С.Т. 12, 36, 62, 103, 166, 170
 Разина Т.М. 184
 Раскин Д.И. 164–166, 173, 184
 Ревякин А.И. 166
 Ржига В.Ф. 167
 Робинсон А.Н. 170
 Ровинский Д.А. 166, 167
 Ровинский П.А. 110, 123, 168, 180, 182
 Рождественская С.Б. 179
 Розанов И.Н. 149, 185
 Розов Н.Н. 175
 Романов Е.Р. 21, 165
 Ромодановская Е.К. 175
 Рущинский Л.П. 173
 Рыбаков А.А. 174
 Рыбаков Б.А. 15, 161
 Рыбникова М.А. 149, 185
 Рыжук Д.А. 164
 Рылеев К.Ф. 83, 174

 Савова П. 163
 Савушкина Н.И. 15, 162

 Сапунов Б.В. 177
 Севастьянов А.Н. 161
 Седельников А.Д. 172
 Сеземов Н. 71
 Семейский В.И. 166, 183
 Семенов А. 172
 Сетин Ф. 176
 Сивков К.В. 184
 Симеон Полоцкий 64, 88
 Симони П.К. 19, 162, 164, 168
 Сиповский В.В. 162
 Сирот И.И. 45, 169
 Сметанина С.И. 175, 176
 Смирнова В.И. 165
 Смирнов М.И. 180
 Смирнов П.П. 171
 Снегирев И.М. 149, 184, 185
 Снежевский В.И. 170
 Снесаревский П.В. 182
 Соболевский А.И. 174
 Соколов В. 86
 Соколов Ю.М. 9, 162, 174, 182
 Соколова В.К. 15, 161, 178, 184
 Соловьев С.М. 103, 162, 179, 183
 Сперанский М.Н. 162
 Спириин А.С. 164
 Срезневский И.И. 173
 Степанов И.В. 166
 Струминский В.Я. 178
 Суворов А.В. 180
 Судаков П.В. 176
 Султан-Шах М.П. 19
 Сумароков А.П. 8
 Сумцов Н.Ф. 177
 Сухомлинов Н.И. 163
 Сушицкий Ф. 172

 Татищев В.Н. 20, 43, 164
 Теплов Б.М. 178
 Тимошенко И.Е. 169
 Тихомиров М.Н. 175
 Тихонравов Н.С. 56, 170
 Токарев С.А. 165, 168
 Трубецкой А.Н. 66

 Ундольский В.М. 21
 Устыгов Н.В. 172
 Ушинский К.Д. 16, 18, 97, 163, 178

 Федоренко Н.Т. 164, 169
 Федоров В.А. 183
 Федорова В.П. 169
 Фонвизин Д.И. 30

 Харузин Н.Н. 163
 Худяков И.А. 41, 46, 123, 169, 182
 Худяков Иван 137, 183

 Черепнин Л.В. 29, 162, 166, 168
 Чернов С.Н. 184
 Чернышев В. 165
 Чернышевский Н.Г. 41
 Чечулин Н.Д. 177
 Чистов К.В. 4, 15, 25, 30, 160, 161
 Чичеров В.И. 164, 178, 183
 Чулков М.Д. 163, 165, 176, 180

 Шамаро А.А. 169, 174
 Шанский М.Н. 169
 Шаповалова Г.Г. 21, 165
 Шахнович М.И. 163, 169
 Шевяков Л.П. 173
 Шелковников Б.А. 161
 Шептаев Л.С. 162, 165
 Шерстобоев В.Н. 178, 184
 Шишков И.О. 163
 Шолохов М.А. 18, 164
 Штокмар М.П. 185
 Штранге М.М. 171
 Шумилов И.Н. 168
 Шушкова А.П. 173

 Шербаков Василий 6
 Шербагов М.М. 177
 Шетинин Л.М. 184

 Энгельс Ф. 171, 184

 Юдин П.Л. 172
 Юшков С.В. 166, 170

 Ядринцев Н.М. 183
 Яковцевский В.Н. 172, 173

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОГО МИРА РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА XVII—XVIII ВЕКОВ	7
Источники по изучению духовного мира русского крестьянства	8
Проблема авторства пословиц из рукописных сборников	31
Глава вторая. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО МИРА РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА XVII—XVIII ВЕКОВ	49
Социальные отношения в русской крестьянской пословице	49
Школа и грамотность в крестьянской пословице	87
Окружающий мир (природа) в восприятии крестьянина	98
Глава третья. НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО МИРА РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА XVII—XVIII ВЕКОВ	105
Крестьянская этика и нравственность в пословице	105
Любовь, женщина, семья в нравственно-этической оценке русского крестьяни- на	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
Приложение.	
ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОСЛОВИЦЕ	148
ПРИМЕЧАНИЯ	160
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	188
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	189

Научное издание

Пушкарев Лев Никитич

ДУХОВНЫЙ МИР РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА ПО ПОСЛОВИЦАМ
XVII—XVIII веков

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Редактор издательства Н.Ф. Лейн. Художник А.А. Кушенко
Художественный редактор В.Ю. Яковлев. Технический редактор Н.Н. Кокина
Корректор Г.В. Дубовицкая

ИБ № 1017

ЛР № 020297 от 27.11.1991 г.

Сдано в набор 14.12.93 г. Подписано к печати 24.01.94
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл.печ.л. 12,0 Усл.кр.-отт. 12,3 Уч.-изд.л. 15,8
Тираж 1250 экз. Тип. зак.64.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО "Наука"
199034, Санкт-Петербург, В-34 9-я линия, 12